

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

Сергей КАРА-МУРЗА

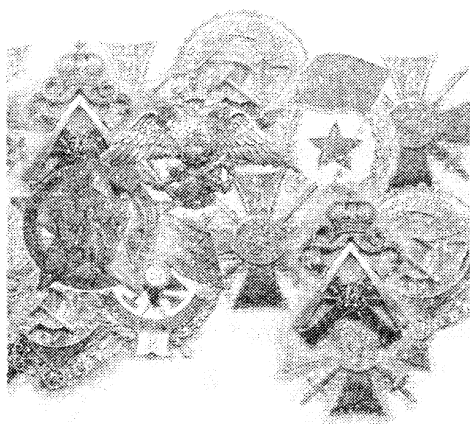
МАТРИЦА «РОССИЯ»

Жизнеустройство народа базируется на больших технико-социальных системах.

Сложившись в зависимости от природной среды, культуры, доступности ресурсов и конкретных исторических условий, такие системы становятся *матрицами*, на которых воспроизводится общество.

Складываясь *исторически*, а не по учебнику, эти матрицы обладают большой инерцией, так что замена их на другие всегда требует больших затрат, а может привести и к катастрофическим потерям.

СТАРАЯ ГВАРДИЯ

С Т А Р А Я   Г В А Р Д И Я

Сергей КАРА-МУРЗА

МАТРИЦА «РОССИЯ»

**МОСКВА
АЛГОРИТМ
2007**

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)
К 21

Оформление серии *П. Ильина*

К 21 **Кара-Мурза С.Г.**
Матрица «Россия» / Сергей Кара-Мурза. — М.: Алгоритм, 2007. — 320 с. (Старая гвардия).

ISBN 978-5-9265-0415-3

После 1991 г. Россия, как говорят, переживает «системный» кризис. Но его глубина и продолжительность таковы, что надо говорить о «системной» катастрофе — за 90-е годы были подпилены основные устои российской цивилизации. Не все они рухнули, сейчас понемногу мы поворачиваем к их восстановлению и модернизации. Но ущерб понесли огромный, и возрождение потребует колоссальных усилий и средств.

**УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)**

ISBN 978-5-9265-0415-3

© Кара-Мурза С.Г., 2007
© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

НАША ИСТОРИЯ

АРМИЯ — ЧАСТЬ НАРОДА И ЧАСТЬ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Армия — особая ипостась народа, в ней отражены важнейшие черты общества, которое ее породило и лелеет. Старшие поколения, пережившие войну, *чувствовали* свою армию, но плохо знали и понимали ее сущность (как и вообще «не знали общества, в котором живем»). Сейчас, когда целью военной реформы в РФ является изменение именно сущности той армии, ее «культурного генотипа», ликвидация нашей безграмотности стала срочной общенародной задачей. Что будет сломано в нашей культуре и в нашем народе, если будет кардинально заменена одна из его важнейших ипостасей? Об это не говорят, а ведь именно это — главное.

Жизнеустройство народа базируется на больших технико-социальных системах (промышленности, транспорте, теплоснабжении, здравоохранении и пр.). Сложившись в зависимости от природной среды, культуры, доступности ресурсов и конкретных исторических условий, такие системы становятся *матрицами*, на которых воспроизводится общество. Переплетаясь друг с другом, эти матрицы «держат» страну и культуру и задают то пространство, в котором существуют страна и народ. Складываясь *исторически*, а не *по учебнику*, эти матрицы обладают боль-

шой инерцией, так что замена их на другие, даже действительно более совершенные, всегда требует больших затрат, а может повести и к катастрофическим потерям.

Одной из важнейших матриц России является ее **армия**. Как особая социальная общность, армия есть ипостась народа, а как большая технико-экономическая система есть ипостась народного хозяйства.

В России примерно за 300 лет сложился своеобразный тип современной армии, во многом отличный от западных армий с их идущей от Средневековья традицией наемничества (само слово «солдат» происходит от латинского «soldado», что значит «нанятый за определенную плату»). Российская армия показала высокую эффективность в оборонительных, *отечественных* войнах. Напротив, наемная армия хорошо показала себя в войнах колониальных и карательных.

В XX веке воплощением, в новых исторических условиях, русской (шире — российской) армии стала Красная армия. В ней получили развитие типичные черты русского войска. Исторически именно армия стала одной из главных матриц, на которых вырос советский проект, а затем и советский строй. Вчерне советский проект был сформулирован на сходах общинной русской деревни в 1905—1907 гг., но большая армия, собранная в годы Первой мировой войны (11 млн. человек в начале 1917 г.), стала тем форумом, на котором шла доработка советского проекта. После Февральской революции именно солдаты стали главной силой, породившей и защитившей *Советы*.

Армия еще до 1917 г. сдвигалась к ценностям *общины*, отвергающей сословное разделение. Более того, эта община сильно ослабляла и межнациональные барьеры. В условиях СССР возникла первая и единственная в своем роде многонациональная неклассовая и несословная ар-

мия. Возникнув как армия простонародья, Красная армия и свою офицерскую элиту «выращивала» уже как элиту не кастовую, а народную, с присущим русской культуре идеалом *всечеловечности*, подкрепленным идеологией братства народов. Это была первая современная армия, не проникнутая *милитаризмом* и кастовым сознанием. Вернуться от нее назад очень трудно — я думаю, невозможно. Уже немыслимо заставить русского солдата назвать командира «господин». Даже Ельцин был вынужден говорить солдатам и офицерам «товарищи».

Никто не отрицает, что армия «для отечественных войн» России нужна и сейчас — но реформаторы сразу стали ее перестраивать по типу западной наемной армии (даже ввели нашивки с угрожающими символами — хищным орлом, оскаленным тигром — то, что всегда претило русской военной культуре). Публике это объясняют якобы более высокой эффективностью контрактной армии, хотя никогда не раскрывают критерия, по которому оценивается эффективность. Ведь она зависит от тех целей, которым служит армия. Одно дело — охранять народ, другое дело — охранять интересы олигархов. Иногда эти цели совмещаются, а иногда нет. Символический шаг: из конституции убрали пророческие слова о том, что защита Отечества — **священный** долг каждого гражданина. Да, в философии есть такая формула: «Не имеет святости то, что имеет цену».

Истинный замысел такого поворота излагался идеологами реформ 90-х годов в интеллектуальных журналах «для своих». Вот журнал «Век XX и мир», который в 1991 г. создал Г. Павловский. Здесь (1992, № 1) читаем: «Поначалу в реформированном мире, в оазисе рыночной экономики будет жить явное меньшинство наших сограждан [«может быть, только одна десятая населения»]... Надо отме-

тять, что у жителей этого светлого круга будет намного больше даже конкретных юридических прав, чем у жителей крошечной (то есть внешней, окольной) тьмы: плацдарм победивших реформ окажется не только экономическим или социальным — он будет еще и правовым... Но для того, чтобы реформы были осуществлены хотя бы в этом, весьма жестоком виде, особую роль призвана сыграть армия... Армия в эпоху реформ должна сменить свои ценностные ориентации. До сих пор в ней силен дух РККА, рабоче-крестьянской армии, защитницы сирых и обездоленных от эксплуататоров, толстосумов и прочих международных и внутренних буржуинов... Армия в эпоху реформы должна обеспечивать порядок. Что означает реально охранять границы первых оазисов рыночной экономики. Грубо говоря, защищать предпринимателей от бунтующих люмпенов. Еще грубее — защищать богатых от бедных, а не наоборот, как у нас принято уже семьдесят четыре года. Грубо? Жестоко? А что поделаешь...»

Грубо, жестоко, но верно. Лучше жестокую правду знать, чем отворачиваться от нее.

Для многих кажется убедительным другой довод в пользу армии по найму — она, дескать, лучше закрыта от тех болезненных явлений, которые поразили сегодня общество и проявляются в армии по призыву (например, дедовщина). Это довод надуманный и не подкреплён ни опытом, ни логикой. Оба типа армии набираются из одного и того же населения, причем выборка, составленная из всех слоев общества, в целом всегда более устойчива и «здоровая», чем однородный контингент, нанимающийся в солдаты из материальных соображений.

Да и зарождение болезней нашей армии в 70-е годы мы еще помним хорошо. Они возникли сначала в среде офицерства как части советской интеллигенции и отразили мировоззренческий кризис советского общества тех лет.

Во время перестройки офицерство взяло «Огонек» и «МК» и стало главным объектом разлагающей антиармейской кампании. Дедовщина возникла и укоренилась потому, что командный (профессиональный) состав армии ее допустил, а частично и использовал. Устранить ее просто путем замены солдат-призывников контрактниками невозможно, тут требуется лечение всего организма, глубокое и бережное, без нагнетания нового психоза в обществе.

Конечно, без усиления профессиональной компоненты в современной технологичной армии не обойтись, но нельзя допустить, чтобы при этом был сломан сам культурный и духовный тип российской армии как исполнения *священного долга*. Армия — один из стержней, скрепляющих народ. Если его выдернуть, посыплется очень многое.

Затронем и второй вопрос — *армия и хозяйство*. Вот факты, которых никак нельзя забывать. В 1943 г. СССР произвел только 8,5 млн. тонн стали, а Германия более 35 млн. тонн. Однако промышленность СССР произвела намного больше вооружения, чем германская. Так, в 1941 г. СССР выпустил на 4 тысячи, а в 1942 г. на 10 тыс. самолетов больше, чем Германия. В 1941 г. в СССР было построено 6,6 тыс. танков, а в Германии 3,3 тыс. В 1942 г. в СССР 24,7 тыс. против 4,1 тыс. в Германии. При этом быстро совершенствовалась технология производства: в 1944 г. себестоимость всех видов военной продукции сократилась по сравнению с 1940 г. в два раза. В СССР наладили автоматическую сварку танковой брони, что повысило производительность труда в 5 раз, а в Германии этого так и не смогли сделать до конца войны.

Как же соединялось советское хозяйство с армией? Мы об этом не думали, так посмотрим чужими глазами — в

годы холодной войны над этой проблемой бились лучшие ученые и разведчики США, вот уже десять лет она обсуждается там на многих конференциях. Этот феномен оказался уникальным и непонятным. Согласно заявлениям ЦРУ, только на определение величины советских военных расходов США затратили с середины 50-х годов до 1991 года от 5 до 10 млрд. долларов (в ценах 1990 года). Как было сказано на слушаниях в Сенате США 16 июля 1990 года, «попытка правительства США оценить советскую экономику является, возможно, самым крупным исследовательским проектом из всех, которые когда-либо осуществлялись в социальной области».

Давайте запомним этот факт: советский ВПК не поддавался описанию и измерению в понятиях рыночной экономики. А нас с помощью самых дешевых доводов убедили сломать его — он, мол, «неэффективен». Мы клюнули на эту примитивную демагогию, и нам всем должно быть стыдно — в целом, как народу. Наш ВПК очень дешево снабжал армию прекрасным оружием. Исследования ЦРУ в 1960—1975 гг. показали, что военные расходы СССР составляли 6—7% от ВВП, при этом доля их снижалась. В начале 50-х годов СССР тратил на военные цели 15% ВВП, в 1960 г. — 10%, а в 1975 г. всего 6%. На закупки вооружений до перестройки расходовалось в пределах 5—10% от уровня конечного потребления населения СССР.

Вспомните, кто и как нам врал. Шеварднадзе заявил в мае 1988 года, что военные расходы СССР составляют 19% от ВВП; в апреле 1990 г. эту цифру довели до 20% — и никаких обоснований! И разве кто-нибудь сегодня спросит с академиков и политиков, из какого пальца они высосали свои данные о военных расходах СССР? Разве не парадоксально, что заявления Горбачева вынуждено было опровергать ЦРУ, но в СССР эти опровержения замалчивались?

Видный российский эксперт по проблеме военных расходов В.В. Шлыков в недавней статье «Американская разведка о советских военных расходах» пишет об этом: «Сейчас уже трудно поверить, что немногим более десяти лет назад и политики, и экономисты, и средства массовой информации СССР объясняли все беды нашего хозяйствования непомерным бременем милитаризации советской экономики. 1989—1991 годы были периодом настоящего ажиотажа по поводу масштабов советских военных расходов. Печать и телевидение были переполнены высказываниями сотен экспертов, торопившихся дать свою количественную оценку реального, по их мнению, бремени советской экономики».

Но сейчас-то, когда опубликованы данные тридцатилетних исследований ЦРУ и они обсуждены на совещаниях ведущих экспертов, должны же и мы вникнуть в едва ли не главные для страны особенности соединения армии с хозяйством. Ведь мы наследники этого достижения российской культуры, мы с него и живем — и сами же его уничтожаем. Как же тут не быть кризису!

В.В. Шлыков пишет о том, как воспринимаются данные ЦРУ в среде специалистов: «Тезис о том, что СССР рухнул под бременем военных расходов, утратил былую привлекательность. Более того, советский период по мере удаления от него все более начинает рассматриваться как время, когда страна имела и «пушки и масло», если понимать под «маслом» социальные гарантии. Уже не вызывают протеста в СМИ и среди экспертов и политиков утверждения представителей ВПК, что Советский Союз поддерживал военный паритет с США прежде всего за счет эффективности и экономичности своего ВПК».

Именно это важно — *эффективность и экономичность* советского ВПК. Особый, созданный именно у нас

(и только у нас) тип связи армии и производства как *хозяйственных* систем. В.В.Шлыков пишет, что суть этого — «уникальная советская система мобилизационной подготовки страны к войне. Эта система, созданная Сталиным в конце 20-х — начале 30-х годов, оказалась настолько живучей, что ее влияние и сейчас сказывается на развитии российской экономики сильнее, чем пресловутая «невидимая рука рынка» Адама Смита...

Начавшаяся в конце 20-х годов индустриализация с самых первых шагов осуществлялась таким образом, чтобы вся промышленность, без разделения на гражданскую и военную, была в состоянии перейти к выпуску вооружения по единому мобилизационному плану, тесно сопряженному с графиком мобилизационного развертывания Красной Армии.

В отличие от царской России, опиравшейся при оснащении своей армии преимущественно на специализированные «казенные» заводы, не связанные технологически с находившейся в частной собственности гражданской промышленностью, советское руководство сделало ставку на оснащение Красной Армии таким вооружением (прежде всего авиацией и бронетанковой техникой), производство которого базировалось бы на использовании двойных технологий, пригодных для выпуска как военной, так и гражданской продукции... Создание же чисто военных предприятий с резервированием мощностей на случай войны многие специалисты Госплана считали расточительным омертвлением капитала...

Основные усилия советского руководства в эти [30-е] годы направлялись не на развертывание военного производства и ускоренное переоснащение армии на новую технику, а на развитие базовых отраслей экономики (металлургия, топливная промышленность, электроэнерге-

тика и т.д.) как основы развертывания военного производства в случае войны... Именно созданная в 30-х годах система мобилизационной подготовки обеспечила победу СССР в годы Второй мировой войны...

После Второй мировой войны довоенная мобилизационная система, столь эффективно проявившая себя в годы войны, была воссоздана практически в неизменном виде. При этом, как и в 30-е годы, основные усилия направлялись на развитие общеэкономической базы военных приготовлений... Это позволяло правительству при жестко регулируемой заработной плате не только практически бесплатно снабжать население теплом, газом, электричеством, взимать чисто символическую плату на всех видах городского транспорта, но и регулярно, начиная с 1947 г. и вплоть до 1953 г., снижать цены на потребительские товары и реально повышать жизненный уровень населения. Фактически Сталин вел дело к постепенному бесплатному распределению продуктов и товаров первой необходимости, исключая одновременно расточительное потребление в обществе.

Совершенно очевидно, что капитализм с его рыночной экономикой не мог, не отказываясь от своей сущности, создать и поддерживать в мирное время подобную систему мобилизационной готовности».

Та связка «хозяйство — армия», которая была создана в СССР, позволила нам победить врага, обладающего четырехкратным превосходством экономического потенциала, и добиться военного паритета с Западом при многократно меньших расходах. Но мы этого не хотели понять — и в результате обрушено и военное, и гражданское производство, остались «и без пушек, и без масла», сидим на Трубе. Слава богу, пока есть еще остатки советского ракетно-ядерного щита. Если же нас действительно сумеют

втянуть в ВТО, наше хозяйство будет добито — ведь каждый завод у нас все еще делает «сегодня швейные машинки, а завтра пулеметы». ВТО нас разорит штрафами.

Это — реальность, как наш климат или наша история. Из нее и надо исходить в решениях, определяющих нашу судьбу.

РУССКИЙ КОММУНИЗМ

В ходе перестройки и реформы в нашем общественном сознании был создан хаос, который превратился в особый порядок, называемый Смутой. И кризис, и хаос, и смуты — важные состояния общества, как и болезни у человека, они изучаются наукой.

Смута — это «система порочных кругов», историческая ловушка, из которой народу трудно выбраться. Свойством этого состояния является утрата способности к рефлексии — анализу предыдущих состояний. Это мешает понять происходящее (оно ведь «вырастает» из прошлого), а затем — и предвидеть будущее. Иными словами, не дает различить те возможные пути в будущее, которые идут от нынешнего перекрестка. Это трагедия: представьте себе «витязя на распутье», который от камня не видит никаких путей.

Здесь речь пойдет лишь об одном провале в нашем сознании — Смута как будто проглотила целый кусок той мировоззренческой матрицы, на которой и был собран наш народ. XX век — это несколько исторических периодов в жизни России, периодов критических. Суть каждого из них была в столкновении противоборствующих сил, созревающих в течение веков. В разных формах эти силы будут определять и нашу судьбу в XXI веке. Но весь XX

век Россия жила в силовом поле большой мировоззренческой конструкции, называемой *русский коммунизм*. Знать ее суть необходимо всем, кто собирается жить в России, а уж тем более тем, кто желает Россию укреплять. Блок этого знания и вышибли из нашего разума за последние 20 лет.

Это была одна из главных операций психологической войны против России, начатая в 70-е годы. В 80-е годы в нее включились отечественные силы, в том числе и «патриоты», а потом и государство. В самые последние годы государство перешло к обороне, но очень вялой — его «личный состав» тоже контужен. Вся история советского проекта стала для нас черной дырой (или «черным ящиком»), а мы все стали «людьми ниоткуда» по кличке «постсоветские».

В результате трезвое знание о русском коммунизме имеют именно враги России, а те, которым без России не жить, воюют друг с другом из-за призраков. Одни не желают никакого трезвого знания потому, что возненавидели «коммуняк», другие потому, что не могут отвлекаться от защиты светлых идеалов коммунизма. И те, и другие остаются слепыми — бродят по исторической ловушке и тянут назад тех, кто пытается выбраться.

В лучшем положении сейчас студенты. «Битвы призраков» их затронули меньше, они более открыты непредвзятому знанию. Оно для них — прагматическая ценность. Я выскажусь, имея в виду именно такого читателя.

Русский коммунизм — сплетение очень разных течений, необходимых, но в какие-то моменты враждебных друг другу. Советское обществоведение дало нам облегченную модель этого явления, почти пустышку. До войны иначе и нельзя было, а потом Хрущев искажал картину из своих фракционных интересов. При Брежневе верхушка

была не на высоте задачи, да и уже блокирована интеллектуалами с «новым мышлением». Они еще оставались коммунистами, но уже «евро». Главные вещи мы начали изучать и понимать в ходе катастрофы — глядя на те точки, по которым бьют.

В самой грубой форме я представляю русский коммунизм как синтез двух больших блоков, которые начали соединяться в ходе революции 1905—1907 гг. и стали единым целым перед войной (а если заострять, то после 1938 г.). Первый блок — то, что Макс Вебер назвал «крестьянский общинный коммунизм». Второй — русская социалистическая мысль, которая к началу XX в. взяла как свою идеологию марксизм, но им было прикрыто наследие всех русских проектов модернизации, начиная с Ивана IV.

Оба эти блока были частями русской культуры и имели традиции, о которых много написано. Оба имели сильные религиозные компоненты. Общинный коммунизм питался «народным православием», не вполне согласным с официальной церковью, со многими ересями, имел идеалом град Китеж («Царство Божье на земле»), у социалистов — идеал прогресса и гуманизм, доходящий до человекобожия. Революция 1905 г. — дело общинного коммунизма, почти без влияния второго блока. Зеркало ее — Лев Толстой. После нее произошел раскол у марксистов, и их «более русская» часть пошла на смычку с общинным коммунизмом. Отсюда «союз рабочего класса и крестьянства», ересь для марксизма. Возник большевизм, первый эшелон русского коммунизма. Раскол социалистов в конце привел к Гражданской войне, все «западники» объединились (под рукой самого Запада) против большевиков-«азиатов».

Во время Гражданской войны крестьяне еще различали большевиков и коммунистов (как русских и евреев).

Это показано в фильме «Чапаев», но раньше мы не понимали смысла вопроса: «Василий Иванович, ты за кого — за большевиков али за коммунистов?» Фурманов понимал. После Гражданки демобилизовался миллион младших и средних командиров из деревень и малых городов — «красносотенцы». Они заполнили госаппарат, рабфаки и университеты, послужили опорой сталинизма. Конфликт между «почвенной» и «космополитической» частями коммунизма кончился кровавыми репрессиями, тонкая прослойка «космополитов» была почти сожрана, с огромными потерями для страны. Но в благополучный сытый период 70—80-х годов возродилась уже как сознательный враг — и взяла реванш. Теперь в основном в виде «оборотней» типа Гайдара.

Соединение в русском коммунизме двух блоков, двух мировоззренческих матриц, было в российском обществе уникальным. Ни один другой большой проект такой структуры не имел — ни народники (и их наследники эсеры), ни либералы-кадеты, ни марксисты-меньшевики, ни консерваторы-модернисты (Столыпин), ни консерваторы-реакционеры (черносотенцы), ни анархисты (Махно). В то же время, большевизм многое взял у всех этих движений, так что после Гражданки видные кадры из всех них включились в советское строительство.

Какие главные задачи, важные для судьбы России, смог решить русский коммунизм? Что из этих решений необратимо, а в чем 90-е годы пресекли этот корень? Что из разработок коммунистов будет использовано в будущем? Тут и нужен трезвый анализ. Главное я вижу так.

Большевизм преодолел цивилизационную раздвоенность России, соединил «западников и славянофилов». Это произошло в советском проекте, где удалось произвести синтез космического чувства русских крестьян с идеалами Просвещения и прогресса. Это — исключитель-

но сложная задача, и сегодня, разбирая ее суть, поражаешься тому, как это удалось сделать. Японцам это было сделать гораздо проще, а уже Китай очень многое почерпнул из опыта большевиков.

Если брать шире, то большевики выдвинули большой проект модернизации России, но, в отличие от Петра и Столыпина, не в конфронтации с традиционной Россией, а с опорой на ее главные культурные ресурсы. Прежде всего, на культурные ресурсы русской общины, о чем мечтали народники. Этот проект был в главных своих чертах реализован — в виде индустриализации и модернизации деревни, культурной революции и создания специфической системы народного образования, своеобразной научной системы и армии. Тем «подкожным жиром», который был накоплен в этом проекте, мы питаемся до сих пор. А главное, будем питаться и в будущем — если ума хватит. Пока что другого источника не просматривается (нефть и газ — из того же «жира»).

Сразу выскажу свое убеждение в том, что проект реформ, предполагающий опору только на структуры западного типа (гражданское общество и рынок), обречен у нас на провал. Если у реформаторов будет достаточно сил, чтобы держать традиционную культуру в хрипящем полузадушенном состоянии, то Россия как цивилизация и как большая страна будет ликвидирована. По крайней мере, на обозримое будущее. Только Запад смог осуществить проект развития, порвав с традиционным обществом, но лишь потому, что длительное время мог изымать огромные средства из колоний, а потом уже собирать со всех дань как технологический лидер. Россия такой возможности не имела и не получит.

Второе, чего смогли добиться большевики своим синтезом, это на целый (хотя и короткий) исторический пе-

риод нейтрализовать западную русофобию и ослабить накал изнуряющего противостояния с Западом. С 1920 по конец 60-х годов престиж СССР на Западе был очень высок, и это дало России важную передышку. Россия в облике СССР стала сверхдержавой, а русские — полноправной нацией. О значении этого перелома писали и западные, и русские философы, очень важные уроки извлек из него первый президент Китая Сунь Ятсен и положил их в основу большого проекта, который успешно выполняется.

Из современных мыслителей об этом хорошо сказал А.С. Панарин: «Русский коммунизм по-своему блестяще решил эту проблему. С одной стороны, он наделил Россию колоссальным «символическим капиталом» в глазах левых сил Запада — тех самых, что тогда осуществляли неформальную, но непреодолимую власть над умами — власть символическую.

Русский коммунизм осуществил на глазах у всего мира антропологическую метаморфозу: русского национального типа, с бородой и в одежде «a la cozak», вызывающего у западного обывателя впечатление «дурной азиатской экзотики», он превратил в типа узнаваемого и высокочтимого: «передового пролетария». Этот передовой пролетарий получил платформы для равноправного диалога с Западом, причем на одном и том же языке «передового учения». Превратившись из экзотического национального типа в «общечеловечески приятного» пролетария, русский человек стал партнером в стратегическом «переговорном процессе», касающемся поиска действительно назревших, эпохальных альтернатив».

Надо сказать, что сейчас, всеми своими телодвижениями демонстрируя свою лояльность Западу, мы получаем в ответ не знаки уважения и любви, а более или менее вежливое презрение. Очень там тонка прослойка дальновид-

ных людей, которые понимают значение России и ценят ее независимо от конъюнктуры, даже «всеми плюнутую».

Третья задача, которую решили большевики и масштаб которой мы только сейчас начинаем понимать, состоит в том, что они нашли способ «пересобрать» русский народ, а затем и вновь собрать земли «Империи» на новой основе — как СССР. Способ этот был настолько фундаментальным и новаторским, что приводит современных специалистов по этнологии в восхищение — после того, как опыт второй половины XX века показал, какой мощью обладает взбунтовавшийся этнический национализм.

Как только Первая мировая война погрузила в кризис сословное общество и монархию России, национализм развалил Империю. Либералы Временного правительства ему помогали. Белые пытались бороться под флагом Реставрации и, по словам историка, «напоролись на национализм и истекли кровью». А коммунисты нейтрализовали этнические элиты своим предложением собраться всем народам в «республику Советов». И Красная армия везде принималась как своя, нигде националисты не смогли представить ее как иностранную. Этнический национализм элиты нерусских народов России был загнан в бутылку, где и сидел, пока его не выпустил Горбачев, добивший русский коммунизм изнутри.

Но в решении этой задачи еще важнее было снова собрать русских в имперский (теперь «державный») народ. Этот народ упорно «демонтировали» начиная с середины XIX века — и сама российская элита, перешедшая от «народопоклонства» к «народоненавистничеству», и Запад, справедливо видевший в русском народе «всемирного подпольщика» с мессианской идеей, и западническая российская интеллигенция. Слава богу, что сильна была крес-

тьянская община, и она сама, вопреки всем этим силам, начала сборку народа на новой матрице. Матрица эта (представление о благой жизни) изложена в тысячах наказов и приговоров сельских сходов 1905—1907 гг., составленных и подписанных крестьянами России. И слава богу, что нашлось развитое политическое движение, которое от марксизма и перешло на эту матрицу («платформу»). Так и возник русский коммунизм. Это был случай, о котором Брехт сказал: «Ведомые ведут ведущих».

Сейчас духовные потомки тех, кто тогда пошел наперекор «ведомым», вроде бы взяли реванш — ну и в каком состоянии оказался народ? Но это другая история, а тогда сборка народа была совершена быстро и на высшем уровне качества. Так, что Запад этого не мог и ожидать, — в 1941 г. его нашествие встретил не «колосс на глиняных ногах», а многомиллионная образованная и здоровая молодежь с высочайшим уровнем самоуважения и ответственности. Давайте сегодня трезво оглянемся вокруг: видим ли мы после уничтожения русского коммунизма хотя бы зародыш такого типа мышления, духовного устремления и стиля организации, который смог бы, созревая, выполнить задачи тех же масштабов и сложности, что выполнил советский народ в 30—40-е годы, «ведомый» русским коммунизмом? А ведь такие задачи на нас уже накатывают.

Это уже частность, но ведь факт, что русский коммунизм доработал ту модель государственности, которая была необходима для России в новых, труднейших условиях XX века. Основные ее контуры задала та же общинная мысль («Вся власть Советам»), но в этом крестьянском самодержавии было слишком много анархизма, и мириады Советов надо было стянуть в мобильное современное государство. Это и сделали коммунисты, и

это была творческая работа высшего класса. Как глупо сегодня забывать этот опыт!

Четвертую задачу, которую решил русский коммунизм (именно в его двуединой сущности), назову совсем кратко. Он спроектировал и построил большие технико-социальные системы жизнеустройства России, которые позволили ей вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма начала XX века, стать индустриальной и научной державой и в исторически невероятно короткий срок подтянуть тип быта всего населения к уровню развитых стран. Мы не понимали масштабов и сложности этой задачи, потому что жили «внутри ее» — как не думаем о воздухе, которым дышим (пока нас не взяла за горло чья-то мерзкая рука).

На деле все эти большие системы «советского типа» — замечательное творческое достижение нашего народа. В их создании было много блестящих открытий и прозрений, во всех них есть что-то от автомата Калашникова — гениальная простота и красота. Замечательные, великолепные создания — советская школа и наука, советское здравоохранение и советская армия, советское промышленное предприятие с его трудовым коллективом и детским садом и советская колхозная деревня, советское теплоснабжение и Единая энергетическая система.

Все это за последние двадцать лет оболгали и исковеркали. Для уничтожения «империи зла» это было необходимо. Но едва ли не самая главная для нас часть этого злодеяния заключается в том, что молодежь отвратили от знания о том, как все это работает. А ведь страшная истина заключается в том, что иных, «антисоветских» больших систем построить уже не удастся. Место занято! Можно изуродовать РАО ЕЭС или даже уничтожить ее, но построить иную, «западного» типа, уже не выйдет. Как мы видим, можно уничтожить советскую науку, но планы со-

здания какой-то иной науки поражают своим ничтожеством, как будто в наказание кто-то с неба щелкнул разрушителей по лбу.

Все мы — наследники русского коммунизма, никакая партия или группа не имеет монополии на его явное и тайное знание. И все же, антисоветизм и антикоммунизм отвращают от него. Я смотрю на это с горечью, и дело не в политике. Сегодня отворачиваться от этого знания глупо, а завтра будет уже убийственно.

УРОКИ ФЕВРАЛЯ

В эти дни 90 лет назад произошла Февральская революция. Она была тем тараном, что пробил брешь, в которую прорвалась Октябрьская революция. Поэтому нынешние наследники Керенского, которые на время взяли реванш в России, не слишком громко празднуют ту их первую победу. Даже хотели бы отмазаться от нее. А нам полезно разобраться.

За последние 15 лет я много перечитал о том времени, сравнил наблюдения многих умных людей из разных политических течений. У меня сложилась иная картина, чем та, что нам давали в официальной истории. Та упрощенная схема, как я думаю, была выработана, чтобы после Гражданской войны поскорее залечить рану раскола, примирить враждовавшие силы. Это было мудрое решение. Но оно же оставило нас без важного знания, которое нам было необходимо во время перестройки. Знай мы смысл событий 1905—1917 гг., мы бы не попались на удочку Горбачева. Мы бы распознали за красивыми речами программы тех сил, которые окрепли в 70-е годы и вышли на арену в 80-е.

Сегодня повторять старые штампы советской истории нельзя никак, тем более навязывать их молодежи. Следуя им, мы будем похожи на динозавров, чудом переживших оледенение и проснувшихся в другой эпохе. Поэтому считаю своим долгом кратко изложить то, как я вижу те события сегодня. Я не историк, в моей картине много прореж, это грубая модель реальности. Но нам сегодня нужны именно грубые модели, а не споры о деталях.

Мы учили, что в Феврале в России произошла буржуазно-демократическая революция, которая свергла монархию. Эта революция под руководством большевиков переросла в социалистическую пролетарскую революцию. Однако силы «старой России» собрались и летом 1918 г. при поддержке империалистов начали контрреволюционную гражданскую войну против советской власти.

Эта картина совершенно неверна, не в деталях, а в главном. Никак не могла Февральская революция «перерасти» в Октябрьскую, поскольку для Февраля и царская Россия, и советская были одинаковыми врагами. Для Февраля обе они были «империями зла».

Возьмем суть. С конца XIX века Россия втягивалась в периферийный капитализм, в ней стали орудовать европейские банки, иностранцам принадлежала большая часть промышленности. Этому сопротивлялось монархическое государство — строило железные дороги, казенные заводы, университеты и науку, разрабатывало пятилетние планы. Оно пыталось модернизировать страну — неудачно, пошло на поводу у помещиков. Не справилось — было повязано и сословными нормами, и долгами. Как говорят, попало в историческую ловушку и выбраться из нее уже не могло.

Главным врагом этого государства была буржуазия, которая требовала западных рыночных порядков и, кста-

ти, демократии — чтобы рабочие могли свободно вести против нее классовую борьбу, в которой заведомо проиграли бы (как на Западе). Крестьяне (85% населения России) к требованиям буржуазии относились равнодушно, но их допекли помещики и царские власти, которые помещиков защищали. Рабочие были для них «своими» и буквально (родственниками), и по образу мыслей и жизни. В 1902 г. начались крестьянские восстания из-за земли, потом возникло «межклассовое единство низов» — и революция 1905 г. Только после нее большевики поняли, к чему идет дело, и подняли знамя «союза рабочих и крестьян» — ересь для марксизма. К революции крестьяне повернули из-за столыпинской реформы, Столыпин и есть «отец русской революции».

А буржуазия с помощью Запада возродила масонство как межпартийный штаб своей революции (в 1915 г. руководителем масонов стал Керенский). Главной партией там были кадеты (либералы-западники), к ним примкнули меньшевики и эсеры. Это была «оранжевая» коалиция того времени. Большевики к ним не примкнули и правильно сделали. Этот урок надо бы и сегодня помнить.

Итак, в России стали созреть две не просто разные, а и враждебные друг другу революции: 1) западническая, имевшая целью установление западной демократии и свободного рынка, 2) крестьянская, имевшая целью закрыть Россию от западной демократии и свободного рынка, отобрать свою землю у помещиков и не допустить раскрестьянивания.

Обе революции ждали своего момента, он наступил в начале 1917 г. Масоны завладели Госдумой, имели поддержку Антанты, а также генералов и большей части офицерства (оно к тому времени стало разночинным и либеральным, монархисты-дворяне пали на полях сражений).

Крестьяне и рабочие, собранные в 11-миллионную армию, два с половиной года в окопах обдумывали и обсуждали проект будущего. Они уже были по-военному организованы и имели оружие. В массе своей это было поколение, которое в 1905—1907 гг. подростками пережило карательные действия против их деревень и ненавидело царскую власть.

Февральская революция была переворотом в верхах, проведенным Госдумой и генералами. Но она была возможной потому, что ее поддержали и банки, скупившие хлеб, и солдаты. Порознь ни одной из этих сил не было бы достаточно. Во всех революциях требуется участие влиятельной части госаппарата.

Либералы-западники, пришедшие к власти, моментально разрушили государство Российской империи сверху донизу и разогнали саму империю. Это развязало руки революции советской, грязную работу сделала буржуазия и ее прислужники, можно было строить и восстанавливать.

Уникальность русской революции 1917 г. в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться два типа государственности — буржуазно-либеральная республика (Временное правительство) и «самодержавно-народная» Советская власть. Эти два типа власти были не просто различны по их идеологии, социальным и экономическим устремлениям. Они находились на двух разных и расходящихся ветвях цивилизации. То есть, их союз в ходе государственного строительства был невозможен. Разными были фундаментальные, во многом неосознаваемые идеи, на которых происходит становление государства — прежде всего, представления о мире и человеке.

Столкновения начались быстро. И кадеты, и меньшевики ориентировались на Запад и требовали продолжать

войну. В ответ 21 апреля в Петрограде прошла демонстрация против этой политики правительства, и она была обстреляна — впервые после Февраля. Как писали, «дух гражданской войны» повеял над городом.

Да, в момент Февральской революции, когда произошел слом старой государственности, и началась вялотекущая Гражданская война. Но не с монархистами — вот что важно понять! Это была война «будущего Октября» с Февралем. Произошло то «превращение войны империалистической в войну гражданскую», о котором говорили большевики. Они это именно *предвидели*, а вовсе не «устроили» — никакой возможности реально влиять на события в Феврале 1917 г. большевики вообще не имели.

Преобразование внешней войны в гражданскую ощущалось всеми. М.М. Пришвин писал в дневнике после Февраля: «В начале войны народ представлял себе врага-немца вне государства. После ряда поражений он почувствовал, что враг народа — внутренний немец. И первый из них, царь, был свергнут. За царем свергли старых правителей, а теперь свергают всех собственников земли. Но земля неразрывно связана с капиталом. Свергают капиталистов — внутренних немцев».

В апреле 1917 г. крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний европейской части России. Эсеры и меньшевики, став во главе советов, и не предполагали, что под ними поднимается неведомая теориям государственность крестьянской России, для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов — недоразумением. Этому движению надо было только дать язык, простую оболочку идеологии. И это дали «Апрельские тезисы» В.И. Ленина. Стихийный процесс продолжения Российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю, минуя государство либерально-буржуазного типа, обрел организующую его партию (большевиков). Поэто-

му рядовые консерваторы-монархисты (и даже черносотенцы) после Февраля пошли именно за большевиками. Да и половина состава царского Генерального штаба.

Монархия капитулировала без боя. С Февраля в России началась борьба двух революционных движений. Более того, на антисоветской стороне главная роль постепенно переходила от либералов к социалистам — меньшевикам и эсерам. И те, и другие были искренними марксистами и социалистами, с ними были Плеханов и Засулич. В это же надо наконец-то вдуматься! Они хотели социализма для России, только социализма по-западному, «правильного». А у нас народ был «неправильный».

В Грузии красногвардейцы социалистического правительства, возглавляемого членом ЦК РСДРП Жорданием, сразу начали расстреливать советские демонстрации. А позже лидер меньшевиков Аксельрод требовал «организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции».

Я представляю дело как параллельное развитие с начала XX века двух революций, стоящих на разных мировоззренческих основаниях. Но можно взглянуть и по-другому, со стороны меньшевиков-марксистов. Их взгляд нам враждебный, но он все же правильнее, чем наша официальная история. Они считали Октябрь событием реакционным, контрреволюцией. В этом они были верны букве марксизма, прямо исходили из указаний Маркса и Энгельса. В советское время марксизм «вульгаризировали» — всю антисоветчину из него выкинули. Тоже правильно сделали, для того момента, но перед перестройкой мы оказались беззащитными. Да и сегодня плаваем.

Так вот, меньшевики и эсеры считали Октябрь контрреволюционным переворотом (эсеры и объявили Сове-

там гражданскую войну, а подполковник Каппель был их первым командиром — его теперь с воинскими почестями и хоругвями хоронят).

Но пусть обзывают Октябрьскую революцию контрреволюцией, не будем обращать внимания. Важнее их анализ.

Николай Бердяев высказал в 1923 г. важную мысль: «Контрреволюцию, начинающую новую, пореволюционную эпоху, не могут сделать классы и партии, которым революция нанесла тяжелые удары и которые она вытеснила из первых мест жизни... Идейная контрреволюция должна быть направлена к созданию новой жизни, в которой прошлое и будущее соединяются в вечном, она должна быть направлена и против всякой реакции».

Буржуазно-либеральная революция (февраль 1917 г.) могла быть преодолена только «контрреволюцией Советов», но никак не силами, «революцией пораженными» (монархистами и помещиками). Если представить себе, что монархисты взяли реванш у либералов, то это стало бы реакцией, задушившей Россию. Идя от Февраля назад, реакция не разорвала бы ни один из порочных кругов, в которые попала монархическая государственность. Подавить либеральную революцию могли только «силы, развившиеся внутри самой революции» — сплав Советов с большевиками. И эта сила была именно «направлена к созданию новой жизни и против всякой реакции». Вот великая заслуга Февраля — он сплавил Советы с большевиками.

Силы, пришедшие к власти в результате любой революции, если их не свергают достаточно быстро, успевают произвести перераспределение собственности, кадровые перестановки и обновление власти. Новая власть получает кредит доверия. А значит, уже через короткий проме-

жуток времени контратака с ходу оказывается невозможной, приходится готовить *революцию*, что гораздо сложнее. Это глубоко продумал Ленин. Он точно определил тот короткий временной промежуток, когда можно было сбросить буржуазное правительство без больших жертв.

Это надо было сделать на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока все было на распутье, и люди находились в ситуации выбора. И когда угас оптимизм и надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства — крестьян. В этом смысле Октябрьская революция была тесно связана с Февральской и стала шедевром революционной мысли.

Трагедией было то, что такое «отрицание отрицания» привело к Гражданской войне. Не удалось оторвать меньшевиков и эсеров от кадетов, и слишком силен был в них революционный дух. Война «белых» против Советского государства не имела целью реставрировать Российскую империю в виде монархии. Это была «война Февраля с Октябрем» — столкновение двух *революционных* проектов.

Если представить себе, что масоны и буржуазия не успели бы подготовить свою революцию, и советские силы сами одолели царизм, то никакой гражданской войны не было бы. Советская власть и царская в принципе не были антагонистами — сразу бы начали выполнять пятилетние планы, подготовленные царскими плановиками, и строить московское метро. Но именно поэтому и не удалось бы поднять солдат и крестьян на революцию. Прорваться можно было только «на плечах врага».

К сожалению, антисоветские силы многому научились у истории, им требовалось знание, а не приятные сказки. Теперь наша очередь учиться — в этом польза поражений.

За 15 лет мы многое поняли в катастрофе СССР, загадки остаются, но к ним есть подходы. Разговор об этом трудный, придется поставить под сомнение любимые мифы нашей истории. Она была мифологизирована, «берегла» нас от тяжелых размышлений и кормила успокаивающими штампами. И мы не задумались даже над тем, почему две марксистские революционные партии — большевики и меньшевики — оказались в Гражданской войне по разные стороны фронта.

Но давайте взглянем на крах СССР без догм и стереотипов. Не будем об убийцах СССР. ЦРУ и Горбачев, диссиденты западники и почвенники, Нуйкин и Шахрай. Такие агенты всегда есть в окружающей среде, от них надо уметь защищаться. Человек носит внутри себя килограмм кишечной палочки, но если он моет руки перед едой, она ему не страшна.

Для нас главный вопрос — почему советские люди аплодировали Горбачеву. Почему Верховный Совет РСФСР (кроме 5 депутатов) проголосовал за беловежские соглашения, даже не прочитав их? Почему шахтеры стучали касками, требуя «экономической самостоятельности» — при убыточности их шахт? Почему рабочие равнодушно приняли приватизацию, забыв о своих шкурных интересах? Почему огромным народом как будто овладела «воля к смерти»? Что было предпосылкой для этого?

Вспомним азы. Советский строй — это реализация цивилизационного проекта, рожденного Россией в русле ее истории и культуры. Многое из проекта не удалось осуществить в силу обстоятельств. Но удалось великое по замыслу и грандиозное по масштабам дело: создать жиз-

неустройство, надежно устранившее источники массовых социальных страданий, с высоким уровнем безопасности и солидарными межэтническими отношениями. Это был проект с большим творческим потенциалом и мощным импульсом развития. Гляньте вокруг и почувствуйте разницу.

И это не просто социальный проект, но и ответ на вопросы бытия, порожденный в муках из Православия, как Запад дал свой родившийся в муках ответ в виде рыночного общества и человека-атома — из недр протестантской Реформации. Советский проект повлиял на все большие мировые проекты: помог зародиться социальному государству Запада, демонтировать колониальную систему, на время нейтрализовал соблазн фашизма, дал импульс цивилизациям Азии.

Глупо давать советскому строю формационный ярлык — социализм, «казарменный социализм», госкапитализм и пр. Исходим из очевидного: это было **жизнеустройство** со своим типом хозяйства, государства, национального общежития. Мы знаем, как питались люди, чем болели и чего боялись. Сейчас видим, как ломают главные структуры этого строя, и каков результат — в простых и жестких понятиях.

Каков генезис? Россия в начале XX века была **традиционным** (а не гражданским) обществом в процессе модернизации. Русская революция 1905 г. была началом мировой революции, вызванной сопротивлением крестьян против капитализма («раскрестьянивания»). На Запад эти революции потерпели поражение, а на периферии — победили или оказали влияние на ход истории. Это революции в России, Китае, Индонезии, Индии, Вьетнаме, Алжире, Мексике — по всему «незападному» миру. Зеркало русской революции — Лев Толстой, а не Маркс.

Воспитанный в марксизме или либерализме интеллигент не знает и не любит традиционного общества. Даже советская система хозяйства была описана и понята очень плохо. То же можно сказать о советской школе, науке, армии, ЖКХ и т.д. Когда правительство Н.И. Рыжкова подрывало советское хозяйство, оно не понимало, что делало. Впрочем, как и общество в целом.

На советском заводе производство было переплетено с поддержанием условий жизни работников и вообще «города», что невозможно объяснить эксперту из МВФ. Это переплетение, идущее от навыка общинной жизни, настолько прочно вошло в массовое сознание, что казалось естественным. Оно дает очень большую экономию. Отопление бросовым теплом ТЭЦ — один из примеров. Об этом мы не думали при советском строе. Базовые материальные потребности удовлетворялись в СССР гораздо лучше, чем этого можно было бы достигнуть при том же уровне развития, но в условиях капитализма — хозяйство было очень экономным.

Вот первая предпосылка краха, которую Андропов определил четко: «Мы не знаем общества, в котором живем». В 70—80-е годы это состояние ухудшалось: незнание превратилось в непонимание, а затем и во враждебность, дошедшую в части элиты до паранойи. Незнанием была вызвана и неспособность руководства выявить назревающие в обществе противоречия, и найти способы разрешить уже созревшие проблемы. Незнание привело и само общество к неспособности разглядеть опасность начатых во время перестройки действий, а значит, и к неспособности защитить свои кровные интересы.

Поколение стариков «знало общество, в котором мы живем» — не из учебников марксизма, а из личного опыта. Это знание было неявным, неписанным, но оно было им

настолько близко и понятно, что казалось очевидным и неустрашимым. Систематизировать и «записать» его казалось ненужным — и оно стало недоступным. Новое поколение номенклатуры уже не было детьми общинных крестьян, носителей и творцов советского проекта. Это уже были дети интеллигенции.

Но и те, кто рекрутировался через комсомол из рабочих и крестьян, воспитывался в школе, вузе, а потом партийных школах и академиях так, что истмат вытеснил у них то неявное знание, которое они еще могли получить в семье. Розанов сказал, что российскую монархию убила русская литература. Это гипербола, но в ней есть зерно истины. По аналогии можно сказать, что СССР убила Академия общественных наук при ЦК КПСС и сеть ее партийных школ.

Не в том дело, какие ошибки допускало партийное руководство, а какие решения приняло правильно. Оно не обладало адекватными средствами познания реальности. Это как если бы полководец, ведя армию, пользовался картой другой страны. Ситуацию держали кадры низшего звена — райкомы, горкомы, хозяйственники. Как только Горбачев нанес удар по партаппарату и по системе управления, разрушение приобрело лавинообразный характер. Неважно даже, почему он это сделал — по незнанию или как изменник Родины.

Начав в 80-е годы перестройку всех систем жизнеустройства, партийное руководство подрезало у них жизненно важные устои, как если бы человек, не знающий анатомии, взялся делать сложную хирургическую операцию. В раны ворвались «кишечные палочки», но мы не о них.

Но почему же, начиная с 60-х годов, в обществе стало нарастать ощущение, что жизнь устроена неправильно? Потому, что к этому времени наше общество изменилось кардинально. 70% населения стали жить в городах, и это

было принципиально новое поколение, во многих смыслах уникальное для всего мира. Это были люди, не только не испытывавшие сами, но даже не видевшие зрелища массовых социальных страданий. Возникло первое в истории, неизвестное по своим свойствам **сытое** общество. Оно утратило коллективную память о социальных страданиях.

Произошло быстрое и резкое ослабление **мировоззренческой основы** советского строя. Ею был **общинный крестьянский коммунизм**, который и легитимировал советский строй. Это культурное явление с сильным религиозным компонентом, поиск «царства Божия на земле». Он придал советскому проекту мессианские черты, что, в частности, предопределило и культ Сталина, который был выразителем сути советского проекта в течение 30 лет.

Для консолидации советского общества и сохранения гегемонии политической системы требовалось строительство новой идеологической базы, в которой советский проект был бы изложен на рациональном языке, без апелляции к подспудному мессианскому чувству. Однако старики этой проблемы не видели, т.к. в них бессознательный большевизм был еще жив. А новое поколение номенклатуры искало ответ на эту проблему в марксизме, где найти ответа не могло.

Пришедшая после Брежнева властная бригада (Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе), сформировавшаяся в условиях мировоззренческого кризиса, была уже проникнута антисоветизмом. Было заявлено, что перестройка является **революцией**, то есть ставит целью радикальное изменение общественного строя.

Остальное было делом техники и подбора наемных убийц. При том гонораре, который маячил, найти их не составило большого труда.

Полвека назад произошло событие, которое повернуло судьбу страны, — XX съезд КПСС. В него надо вдуматься, не впадая в идеологические страсти. Отношение к XX съезду и сейчас раскалывает и наш народ, и людей во многих странах. Выскажу свою точку зрения и, судя по многим признакам, с ней будет согласна по меньшей мере половина наших граждан. А это немало, полезно учесть мнение и этой половины.

Внешне суть XX съезда заключалась в том, что он «разоблачил культ личности Сталина». Если попросту, то Хрущев заявил народу: «Вы идиоты — подчинялись безумному тирану и даже любили его. Теперь вы обязаны его ненавидеть и каяться, а за это я обещаю вам за три-четыре года догнать Америку по мясу и молоку». От этих слов у граждан возникло острое желание вдребезги напиться, что многие и сделали.

XX съезд нанес по советскому строю удар, от которого он уже и не оправился. Это был первый принципиальный шаг к разрушению легитимности советского государства. Был начат тот же процесс, что привел к краху Российской империи в феврале 1917 г. На многих элитарных собраниях, где обсуждалось значение XX съезда, этот его итог вызывал радость. Некоторые говорили даже, что они «счастливы». Причем «счастье» это вовсе не вытекало из политической позиции — XX съезд прославляла даже существенная часть «левых» (например, из числа горбачевских социал-демократов).

Не важно, что было причиной такой направленности XX съезда — злой умысел, тупость или халатность команды Хрущева, но объективно это было *государственным*

преступлением. Да и не только на Хрущеве вина, свою лепту вложили все последующие генсеки КПСС. Хрущев повредил несущую опору государства, Брежнев ее не отремонтировал, а лишь замазал трещину краской, Горбачев и Ельцин расковыряли трещину и обрушили здание. Теперь мы никак не вылезем из-под обломков. Нам — разбирать руины и строить дом, нам и надо извлечь урок. Особенно это важно молодым, а то сейчас в их сознание опять нагнетается мысль, будто «все катится само собой», будто в мире действуют какие-то невидимые объективные законы исторического развития.

Для урока надо сначала зафиксировать очевидный факт. Передохнув во время нэпа, СССР на 25 лет перешел в чрезвычайный период жизни. В нем было три этапа: форсированная индустриализация (и сопряженная с нею коллективизация), Отечественная война, форсированная программа восстановления. Это — единое целое, особый тип жизни и организации общества. На научном языке — *мобилизационный социализм*, на языке демократов *казарменный социализм* или **сталинизм**. Был у нас такой исторический период, и никуда от этого не деться.

Жить в казарме мало радости, это все понимают. Поэтому всегда есть дезертиры. Но про себя даже и дезертиры знали, что без той сталинской казармы мы бы войну не вытянули. Представьте — вместо Сталина у руля стоял бы Горбачев, вместо Молотова Гайдар с Козыревым, а вместо Жукова войсками командовал бы Павел Грачев. Тогда все понимали, зачем нужен сталинизм, потому и собрались люди в *тоталитарное* общество, как в военный отряд. Потому и возник культ Сталина — как *командира*. Такого культа сверху не создашь ни кнутом, ни пряником. Хрущев и Брежнев это попытались сделать по причине полного непонимания. Тут спорить не о чем.

Но так же очевидно было всем, что к середине 50-х годов чрезвычайный период закончился (потому и Сталин умер — сделал он свое дело; поговаривают, что его убили, но это не меняет вывода). Из казармы надо было выходить, проводить *демобилизацию*. Но это — очень трудное дело. Надо остановить маховик и демонтировать машину тоталитаризма, а сознание у всех по инерции тоталитарно. Привычки, которые были так необходимы целых двадцать лет, сменить непросто.

Так вот, эту операцию Хрущев и его команда провалили — они перенаправили энергию маховика на разрушение государства. Выход из «мобилизационного социализма» решили провести посредством *слома* сначала его идеологической базы, а затем и организационной. Перечислим лишь самые очевидные результаты этой акции, центральное место в которой занимает XX съезд.

Были разрушены или испорчены главные символы национального сознания, которые «собрали» народ и страну после катастрофы 1917—1921 гг. Ведь сталинизм был создан совместно народом и властью, он и был кратким историческим мигом их тоталитарного единения. Проклятья Хрущева в адрес сталинизма означали отречение власти от этого совместного дела. Сталин умер, проклявшая его власть выходит чистой, вся вина возлагается на народ. Это — измена власти, страшное дело в истории любого государства. С того момента народ начал потихоньку «рассыпаться» и был добит через 30 лет. Как теперь пишут, перестройка и стала завершающей стадией в **демон-таже** советского народа.

XX съезд вовсе не соединил общество в покаянии и примирении, а расколол его, причем расколол на непримиримые части. С того момента пути этих частей стали расходиться и довели до пропасти. Дело в том, что XX съезд

породил **реваншизм** всех, кто был обижен или покалечен в «казарме». И этот реваншизм был для народа гораздо опаснее, чем раскол Гражданской войны. Это меня удивляло с детства. Моя мать и шестеро ее братьев и сестер были родом из казачьей станицы. В 1945—1946 гг. они и их земляки и свояки часто собирались вместе у нас дома — большинство были офицерами, шла демобилизация, путь многих шел через Москву. Выпив, они всегда говорили о детстве — станица была расколота на красных и белых, за столом сидели дети и тех, и других. Были враждебные нотки, но они были слабы — ведь их семьи породнились, дети переженились. А главное, все они воевали в одной армии.

Теперь, после XX съезда, произошло совсем другое. Были собраны, идейно вооружены и легитимированы все «дезертиры» и «диссиденты», которые стали внутренними союзниками противника России в столетней «войне цивилизаций» (в это время она имела форму *холодной войны*). Посмотрите состав «шестидесятников»! Это не дети монархистов и белых казаков, это выходцы из высшей партийной элиты — Якир, Окуджава, Антонов-Овсеев. Сейчас самые совестливые из них говорят, что «целились в коммунизм, а попали в Россию» — какая нелепая фраза! Целился в шинель, а попал в сердце!

XX съезд глубоко *оскорбил* большинство людей из уже сознательных поколений (например, меня лично, студента 1-го курса МГУ, хотя мы уже вовсе не были сталинистами). Речь идет о том, как XX съезд обошелся с «культом Сталина». Поскольку речь идет именно о *культе*, то есть явлении иррациональном, объяснять его молодому поколению начала XXI века столь же бессмысленно, как объяснять истоки религиозной веры безбожнику. Однако это поколение обязано знать, что такое явление реально су-

ществовало полвека назад и оказывало огромное влияние на бытие народа и государства.

Любой культ — сокровенная часть духовного мира. Когда эту часть вырывают грубо, грязными лапами, как это сделал Хрущев, в ответ получают цинизм и глухую, часто даже неосознанную ненависть. Нам говорят: зато Хрущев прекратил репрессии. Чушь! Репрессии прекратило само время, изменение самого общества. Я уж не говорю о том, что сам Хрущев явно не думал о «восстановлении истины». Например, он заявил в докладе: «Когда Сталин умер, в лагерях находилось до 10 млн. человек». В действительности на 1 января 1953 г. в лагерях содержалось 1 727 970 заключенных, о чем Хрущеву было сообщено докладной запиской. Таким образом, в докладе XX съезду Н.С. Хрущев искажил истину сознательно. С того времени тема репрессий стала главной в *психологической* войне против СССР.

Есть разные версии объяснения причин, по которым верхушка партийного аппарата решила нанести такой удар по основам государственности. Иногда говорят о якобы российской традиции укреплять новую власть, очерняя умерших, но это мелочь. Некоторые историки делают вывод, что речь шла о реванше номенклатуры и мести за репрессии против нее в 1937—1938 гг. Положение самого Хрущева было двусмысленным, т.к. в годы репрессий он, как секретарь Московского горкома ВКП(б), был председателем «тройки», выносившей приговоры московским кадрам. Он был также и членом комиссии ЦК ВКП(б), которая рассматривала дело Бухарина и Рыкова. Возможно, поэтому разоблачения сталинизма сопровождались уничтожением многих архивных материалов.

XX съезд сделал СССР страной-изгоем, дал огромные козыри ведущему против нас войну Западу и оттолкнул

всех союзников — Китай на Востоке, интеллигенцию на Западе. Левое движение Запада стало *антисоветским*. Это создало для страны огромные перегрузки.

Всего этого можно было избежать и сделать XX съезд инструментом укрепления и модернизации нашего общества и государства. Почему же этого не произошло? Почему интеллигенция пошла на поводу у Хрущева и не смогла нейтрализовать его тупого импульса? Потому что, как выразился позднее Андропов, «не знала общества, в котором живем». XX съезд поставил нам страшный диагноз, и мы его обязаны осмыслить. Он выявил полную несостоятельность того обществоведения, которое было основано на историческом материализме (марксизме), а теперь основано на его близнеце — либерализме. Начиная свою акцию, команда Хрущева не понимала, что делает. Те, кто чувствовал, что дело неладно, не могли этого связно объяснить и выглядели просто сталинистами, которые хотят уйти от ответственности. А те демократы, которые и сегодня славят XX съезд, и до сих пор не понимают, что он сделал со страной. Они, конечно, закусил удила и на страну им плевать, но для нас важнее *непонимание*. Оно ведь продолжает *работать*.

«Старики» из поколения Сталина вульгаризировали марксизм, скрыли его разрушительные для России смыслы, следовали своему опыту и интуиции. Этих инструментов хватало в чрезвычайный период — вследствие очевидности задач и наличия коллективной памяти о социальных бедствиях и войне. Люди понимали, что к чему. Но для перехода к новому, благополучному этапу этого было недостаточно. Требовалась иная рациональность и иной язык. Возник мировоззренческий вакуум, и он был заполнен примитивным троцкизмом и мещанской философией, воплощенными в Хрущеве.

А молодежь 60-х годов, уже не обладавшая опытом, интуицией и памятью стариков, стала рыться в чужих теориях (прежде всего в марксизме) и убедилась, что Россия (тогда СССР) устроена «неправильно» и надо ее сломать и переделать по «правильным» шаблонам. Вот мы и сидим на Трубе, пока она еще куда-то что-то выкачивает из нашей земли.

Положение почти не улучшается. Брежнев после Хрущева на время заморозил распад, как сейчас это делает Путин после Горбачева с Ельциным. Но при незнании и непонимании «нашего общества» остановить распада нельзя. Надо стягивать в сеть ячейки, в которых создается обществоведение, отвечающее нашей реальности и работающее на Россию, а не на догмы «цивилизации». Это надо делать, хотя мощные силы заинтересованы в том, чтобы такие ячейки затаптывать.

ЭПОХА БРЕЖНЕВА

В жизни Советского Союза период 1965—1980 гг. называют «эпохой Брежнева», а на злобном языке перестройки — «периодом застоя». В 1990—1991 гг., когда фиговый листок горбачевской демагогии завял и отвалился, и людям приоткрылась мерзость грядущего «переходного периода», большие опросы среди граждан разных национальностей СССР обнаружили замечательное явление. Из всех исторических эпох, как их представляли себе жители нашей страны, больше всего положительных оценок получила «эпоха Брежнева», а наихудшим временем оказалась перестройка (только среди евреев она вышла на первое место).

Замечательно это тем, что именно после завершения эпохи Брежнева массы с жадностью, даже со страстью

приветствовали Горбачева с его «общечеловеческими ценностями». Как же произошел такой облом? Сейчас обе эти эпохи стали историей, страсти слегка утихли, можем спокойно разобраться. Как видится сегодня исторический смысл эпохи Брежнева?

На мой взгляд, массовое сознание, при его кажущейся шизофреничности, верно ухватило главное. Брежнев с его мудростью, интуицией и обтекаемостью создал идеальные условия для вызревания того нарыва, который прорвался катастрофой перестройки. Когда этот нарыв созрел, люди буквально жаждали прихода Горбачева, чтобы вскрыть его. Да, фельдшер оказался негодный, с грязными руками и липовым дипломом. Занес заразу, чуть не уморил — не повезло нам. Но мы не о нем, а о Брежневе.

В чем же тут мудрость — подвести страну к катастрофе? Дал вызреть кризису вместо того, чтобы его предотвратить! Нет ли тут той самой шизофрении или даже диалектики? Думаю, не больше, чем во всей нашей истории последних двух веков — и дальше вглубь, на тысячу лет.

Будучи открытыми Западу, русские в то же время отвергли всяческих тевтонов и уперлись на том, чтобы строить свою самобытную православную цивилизацию. Причем строить ее, будучи оттесненными в огромные холодные пространства, опираясь на небольшое поначалу славянское ядро и собирая множество народов с близким мироощущением, но большим культурным разнообразием — собирая их без апартеида и ассимиляции. Начиная с XVIII века, когда возникла современная энергичная и хищная западная цивилизация, такая Россия могла выжить только совершая регулярные сверхусилия — чрезвычайные программы модернизации с творческой переработкой заимствованных у Запада технологий (в том числе интеллектуальных).

Времени, кадров и ресурсов для этих программ всегда не хватало. Их мобилизация и концентрация на главных, критических направлениях всегда приводили к истощению и загниванию «тылов». Это значит, что быстрое и даже чудесное развитие одной части культуры, которая принимала на себя главный удар очередного исторического вызова, сопровождалось кризисом других частей. Можно сказать, что каждое поколение, решая главную для него, поставленную именно перед ним историческую задачу, обеспечивало жизнь России еще на целый исторический период — но «готовило» для следующего поколения новый кризис, который также мог стать смертельным. Если Запад научился экспортировать свои кризисы на периферию (в колонии, «третий мир», теперь и в Россию), то нам приходилось экспортировать наши кризисы в будущее, перекладывать их на плечи следующего поколения. Иногда эти «посылки из прошлого» содержали бомбы, хотя и с вынутыми взрывателями. Их активизировали своими неумелыми или злонамеренными действиями реформаторы. Горбачев много таких бомб подорвал, оправдываясь тем, что это, сами же видите, взрывчатый материал.

Какому кризису дал вызреть Брежнев и в каком виде он подготовил его к экспорту в наше настоящее? На какой исторический вызов ответило поколение «периода застоя»? Можно ли было разделить эти две сущности эпохи Брежнева и уже тогда разрушить структуру кризиса, не дав ему вызреть в бомбу перестройки? Ответ на эти вопросы и будет оценкой доктрины, которую реализовала собранная Брежневым команда.

Мы помним, что главной задачей с середины 50-х годов был выход из чрезвычайной программы «мобилизационного социализма» (сталинизма) и переключение

энергии военного и восстановительного периодов на развитие и модернизацию всех сфер общественной жизни. За десятилетие хрущевской «оттепели» ряд задач был выполнен, но в целом «демобилизация» была проведена очень плохо. Был нанесен тяжелый удар по советской государственности, а развитие мировоззренческой основы советского строя и мирового коммунистического движения было загнано в коридор, который закончился «стенкой» еврокоммунизма и горбачевщины.

Скольжение к этой пропасти было заторможено изгнанием Хрущева, и кризис «подморожен» — подобно тому, как сегодня подморожен кризис, запущенный Ельциным. Противоречие, которое должен был разрешить «режим Брежнева», заключалось в следующем. Развитие общества и государства требовало осуществления нового цикла модернизации, в том числе обновления той мировоззренческой основы, на которой были «собраны» советское общество и государство, был легитимирован советский проект и советский общественный строй. Однако модернизация политической, хозяйственной и социальной систем усугубляла кризис мировоззренческой основы, ядром которой был крестьянский общинный коммунизм, слегка прикрытый адаптированным к нему («вульгаризированным») марксизмом. Модернизация требовала урбанизации, а урбанизация подрубала этот самый крестьянский общинный коммунизм — тот сук, на котором в действительности сидела советская идеология.

Идеальным было бы разрешение этого противоречия через синтез — переход на новый уровень социальной и политической философии, а также антропологии советского общества, обновление и укрепление культурной гегемонии советского строя, модернизация остальных сфер с опорой на прочные мировоззренческие тылы. Сегодня

совершенно очевидно, что сил и средств для такого идеального решения в середине 60-х годов в наличии не было.

Интеллектуальный задел для этого мы только-только начинаем нарабатывать сегодня, уже освоив тип мышления городского человека и приобретя опыт катастрофы, которая всегда прочищает мозги хотя бы у небольшой части общества. В 60-е годы мы и в малой степени не понимали природы накатывающего на нас кризиса. Мы даже и признаки его трактовали неверно (вспомним хотя бы, с каким непониманием все отнеслись к сигналу, который подали «стиляги» в середине 50-х годов). Более того, прозорливое предсказание Сталина о том, что именно на этапе «развитого социализма» у нас вспыхнет классовая борьба, воспринималось как старческое чудачество. Понять этого мы не могли, как римляне не могли складывать большие числа столбиком — цифры у них были не те. Когда сейчас говорят, что Брежневу следовало бы провести демократизацию партии и начать творческий диалог о проблемах социализма, это выглядит наивным детским лепетом.

Вот в 50-е годы на философском факультете МГУ вместе учились Мамардашвили, Зиновьев, Грушин, Щедровицкий, Левада. Теперь об этой когорте пишут: «Общим для талантливых молодых философов была смелая цель — вернуться к подлинному Марксу». Что же могла обнаружить у «подлинного Маркса» эта талантливая верхушка наших философов? Жесткий евроцентризм, крайнюю русофобию, блестящее доказательство «неправильности» всего советского жизнеустройства и отрицание «грубого уравнительного коммунизма» как реакционного выкидыша цивилизации, тупиковой ветви исторического развития.

Сталинское руководство, не имея возможности отцепиться от марксизма, спрятало от советского общества все эти идеи, сфабриковав для внутреннего пользования вульгарную, очищенную версию марксизма. Но уже к 60-м годам талантливые философы «вернулись» к Марксу, раскопали все эти антисоветские заряды и запустили их в умы трудовой советской интеллигенции. Ну как не быть кризису в идеократическом обществе, в основу официальной идеологии которого положено учение, это самое общество отрицающее!

Ни о какой «свободной дискуссии» тогда и речь не могло быть. Повязанные официальным марксизмом, наши большие и малые сусловы были бы тут же биты знатоками подлинного Маркса, и перестройка была бы приближена на 10 лет. Вот это была бы катастрофа безо всяких метафор. Задача обновления философской базы без прямого конфликта с марксизмом настолько сложна и нетривиальна, что и сегодня для ее решения не найдено приемлемого варианта. Это видно и по западным левым, и по нашей КПРФ, которая за 15 лет не смогла сказать ничего внятного о будущем «обновленном социализме».

Брежнев рассудил настолько разумно, что сегодня это просто поражает. Это не могло быть сделано по расчету — тут или здравый крестьянский смысл помог, или был голос свыше. Спорить с талантами не стали, их рассовали в разные башенки из слоновой кости — Мамардашвили в Прагу, Зиновьева в Мюнхен, с другими тоже как-то договорились. «Подморозили» их. Решили все наличные средства бросить на то, что было тому поколению по силам — отстроить и укрепить страну, насколько возможно, до прихода Меченого.

В какой мере удалось выполнить эту программу? В очень большой. Можно спорить по мелочам, находить

конкретные ошибки или упущения. Но в целом программе на три пятилетки надо считать удивительно компактной, системной и гармоничной. Вряд ли из нынешних умников кто-то смог бы сладить ее лучше. Это, кстати, видно из того, что «второе Я» Брежнева, исполнительный директор всей этой программы А.Н. Косыгин за все время перестройки и реформы не получил от умников ни одного замечания. Хотели бы сказать про него гадость, но не нашли к чему прицепиться. Все вокруг да около — «застойный период, застойный период...»

Команда Брежнева — Косыгина выжала все, что могла, из стареющей плановой системы. Правильно сделали, что свернули «реформу Либермана» — если бы стали переделывать хозяйственный механизм, то потеряли бы темп и подошли к перестройке на спаде. А так, на «энергии выбега» системы, успели создать тот запас прочности, который позволил нам куролесить уже двадцать лет и, очень возможно, вылезти живыми из этой ямы.

Так что выбор, который был сделан при участии и, видимо, под влиянием личных установок Брежнева, сводился к тому, чтобы перевести кризис мировоззренческих оснований советского строя в режим хронического медленного течения, а все силы бросить на конструктивную работу, задачи которой были ясны и кадры имелись. Этот выбор был стратегически верным. Любой другой реально осуществимый вариант с большой вероятностью приблизил бы крах системы, но в любом случае резко ухудшил бы положение страны и народа в тот момент, когда этот крах наступил бы.

Вот поэтому наши разумные граждане так высоко оценивают «эпоху Брежнева». Тогда работалось легко, потому что делали заведомо нужные стране вещи. Более того, «казарму» нашего социализма расширили и прибрали

так, что людям стало легче дышать, в буквальном смысле жить стало лучше, жить стало веселей. Милиция ходила без оружия, о дубинках и слезоточивых газах читали в газетах и считали это «пропагандой». В Крым и на Кавказ можно было ехать на машине с детьми и жить в палатке. Посмотрите сегодня на карту страхов среднего советского человека в «период застоя» и сравните с нынешней. Это был золотой век, который уже не повторится.

И никакого нет противоречия в том, что люди жаждали перестройки — ведь кризис духовных оснований продолжал развиваться, хотя и в режиме хронической болезни. Его надо было преодолевать, и это была историческая задача нового поколения. Оно ее не решило, а сорвалось в катастрофу. Это уже другая история, теперь уж надежда на новых молодых.

Давайте посмотрим, что было сделано за «эпоху Брежнева» (округлим ее до трех пятилеток 1966—1980 гг.). Начнем с самых обыденных вещей. За это время был кардинально обновлен жилищный фонд страны. Было построено 1,6 млрд. кв. метров жилья, то есть 44% от всего жилья, что имелось в СССР к 1980 г. Новое жилье получили 161 млн. человек — за три пятилетки. Если бы не эти колоссальные вложения, жилищный фонд РФ в 90-е годы просто рухнул бы, ветхие дома не пережили бы реформы, которая оставила жилье страны без капитального ремонта.

За эти три пятилетки было построено $\frac{2}{3}$ инфраструктуры городов и поселков — водопровода, теплоснабжения и канализации. Стоимость этих систем такова, что сейчас экономика РФ не может даже содержать их, не то чтобы строить. Инфраструктура быстро ветшает, и средств хватает только на аварийный ремонт.

В общем, именно в «эпоху Брежнева» быт подавляющего большинства граждан был поднят до стандартов самых развитых стран — при отсутствии в СССР массовой бездомности, присущей этих самым странам. Другое дело, что режим Брежнева не смог объяснить нашим гражданам, чего стоит эта ценность, и они ее выплюнули — но это уже проблема мировоззрения.

В эпоху Брежнева было создано то развитое информационное пространство, в котором советский народ уже дозревал до связности современной нации. Он стал связан интенсивными потоками печатной информации, тираж журналов вырос в 3 раза, а их объем в листах в 4 раза. Сегодня постсоветское информационное пространство приобретает параметры, присущие племенам слаборазвитых стран. Средняя обеспеченность населения газетами снизилась в РФ в 7,3 раза, а, например, в Грузии в 137 раз. Вперед, в каменный век!

Именно за эпоху Брежнева хозяйство и все другие сферы насытились кадрами высокой квалификации и энергетическими мощностями. Пашня страны стала получать удобрений почти достаточно, чтобы компенсировать вынос питательных веществ с урожаем. Почва стала улучшаться. Это был эпохальный рубеж в истории России. Мы его сдали и откатились назад, село осталось без удобрений, без тракторов и без электрической энергии. За эпоху Брежнева в стране было создано стадо породистого скота — сейчас оно вырезано более чем наполовину.

За эпоху Брежнева люди обустроились, стали хорошо питаться, расширились социальные возможности — в 3 раза выросло число выпускников полной средней школы, в 2 раза число студентов вузов. Население стабильно прирастало — в РСФСР за те 20 лет выросло на 20 млн. человек. Почувствуйте разницу...

Именно в ту эпоху были созданы большие системы, благодаря которым мы сегодня держимся на плаву, хотя и пускаем пузыри. Были разведаны, обустроены и введены в строй основные мощности топливно-энергетического комплекса, построена основа Единой энергетической системы. Все большие системы страны, включая армию, были обеспечены научным сопровождением высшего класса. Трудно даже оценить, какие преимущества давал нам статус великой державы, в том числе научной. Даже в сугубо шкурном смысле для каждого обывателя. Сейчас мы этот статус проедаем, и будущее не кажется нам мрачным — пока есть что жевать. Потом придется ускорить темпы сокращения ртов, на всех хватать не будет.

Принципом доктрины Брежнева стали массивные инвестиции в фундамент страны. Наконец-то были сделаны огромные металлоинвестиции — вложена масса металла в машины, мосты, трубопроводы. По величине металлического фонда мы подтянулись к США — что, кстати, вызвало ярость придворных экономистов перестройки. Была обновлена техническая база промышленности — ввод в действие активной части основных фондов (машин и оборудования) за пятилетку 1976—1980 гг. составил в целом 41% от имевшихся в 1980 г., а в машиностроении 49%. Сегодня это кажется фантастикой.

Так в нашем хозяйстве был накоплен очень толстый слой подкожного жира. Представьте себе, что «рынок» навалился на нас на 15 лет раньше! Не было бы сегодня ни света, ни топлива, ни канализации. Надо к тому же учесть, что тогда был создан промышленный капитал, который в 90-е годы страна смогла бросить в пасть «новым русским», чтобы утолить их волчий аппетит. Иначе бы они, победив нас в гражданской войне конца XX века, вырезали бы у каждого по фунту мяса из груди, как контрибуцию. Ведь такие покладистые народы надо резать или стричь.

Ценность эпохи Брежнева в том, что она наглядно показала: если устроить жизнь в России, не разделяясь на волков и овец, то в материальном плане можно жить вполне прилично всем — с большим потенциалом улучшения. Сам этот факт очень важен, он вселяет надежду. Ведь он означает, что непреодолимых, физических запретов на создание такого жизнеустройства для нас нет. А барьеры, построенные в сфере сознания, разумные люди могут преодолеть. Если, конечно, захотят.

УНИЧТОЖЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

После трагедии в Беслане В.В.Путин сказал, что население РФ пожинает плоды «распада огромного и великого государства» (СССР). Но СССР не «распался» сам собой, а был уничтожен в ходе большой военной операции, проведенной совместно силами Запада и его союзников внутри страны.

Развал СССР В.В. Путин назвал самой большой геополитической катастрофой XX века. Но для нас важнее, что он был национальной катастрофой для народов СССР и, прежде всего, для русского народа как того ядра, вокруг которого собралась Российская империя, а затем СССР. После 1991 г. Россия, как говорят, переживает «системный» кризис. Но его глубина и продолжительность таковы, что надо говорить о «системной» катастрофе — за 90-е годы были подпилены основные устои российской цивилизации. Не все они рухнули, сейчас понемногу мы поворачиваем к их восстановлению и модернизации. Но ущерб мы понесли огромный и возрождение потребует колоссальных усилий и средств.

Однако здесь речь именно о философии и технологии развала Союза. Их надо понять, поскольку РФ по своему

национально-государственному типу — тот же Советский Союз, только поменьше. Никуда не делись ни философия развала, ни сами философы. Леонид Баткин, один из «прорабов» перестройки, сказал после ликвидации СССР, напоминая своим соратникам: «На кого сейчас рассчитана формула о единой и неделимой России? На неграмотную массу?..»

Идея развала Российской империи была одной из ключевых идей западной геополитики с конца XIX века, а в начале XX в. она овладела и возрожденным под эгидой Запада российским масонством. К этому были и предпосылки — наступление капитализма, породившего национальную буржуазию. Дворянство России было многонациональным и было заинтересовано в сохранении монархии и империи, а буржуазия хотела создания национальных государств на обломках империи. Свергнув монархию, она растащила империю.

Примерно такие же предпосылки возникли в позднем СССР. Если поначалу номенклатура имела черты сословия и укрепляла империю СССР, то в 80-е годы ее соблазнила идея оборотиться буржуазией и приватизировать достояние страны. Для этого надо было сначала «разрезать пирог». Декларации о суверенитете 1990 г. и были первым шагом по ликвидации общенародной собственности, разделом ее по национальным республикам. Захват ее влиятельным меньшинством после этого резко упростился.

Но предпосылки — это всего лишь предпосылки. Нужна была доктрина, организация и ударная сила. Интерес Запада в ликвидации СССР понятен, поговорим о «своих». Идея разрушения Советского Союза была выношенной частью всего проекта демократов, рупором ее стал А.Д. Сахаров. Предложенная им «Конституция Союза Со-

ветских Республик Европы и Азии» (1989) означала расчленение СССР на полторы сотни независимых государств. Например, о нынешней РФ в ней сказано: «Бывшая РСФСР образует республику Россия и ряд других республик. Россия разделена на четыре экономических района — Европейская Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь. Каждый экономический район имеет полную экономическую самостоятельность, а также самостоятельность в ряде других функций».

Примечательно, что в этой «конституции» Северный Кавказ в Россию не включен — он входит в «ряд других республик». Это было правовое и идеологическое обоснование развала. Помимо полной (!) экономической самостоятельности даже части «республики Россия» получали свои силовые структуры. В «Предвыборной платформе», которую Сахаров опубликовал 5 февраля 1989 г., было выдвинуто требование: «Компактные национальные области должны иметь права союзных республик... Поддержка принципов, лежащих в основе программы народных фронтов Прибалтийских республик».

Второй шаг — принятие 12 июня 1990 г. «Декларации о суверенитете РСФСР». Это решающая акция по расчленению СССР. Недаром вплоть до В.В. Путина ее праздновали как абсурдный «день независимости России». Одновременно в тех же кругах готовились декларации по отделению — уже от РСФСР. 27 ноября 1990 г. такую декларацию приняла Чечено-Ингушетия. Она рассматривала себя уже как суверенное государство, в Декларации не содержалось прямых и даже косвенных упоминаний о ее принадлежности к РСФСР. Эти два акта — единая связка, они написаны, можно сказать, одной рукой.

Дирижировал Горбачев, и он выступил как *враг народа* в самом простом смысле этого слова. Американский спе-

циалист по СССР А. Брумберг признал: «Ни один советолог не предсказал, что могильщиком Советского Союза и коммунистической империи будет генеральный секретарь КПСС Михаил Горбачев».

В одном стремлении уничтожить нашу «империю зла» сошлась вся рать демократов — от святого старца Сахарова до гротескной Новодворской. Она рубанула прямо: «Может быть, мы сожжем наконец проклятую тоталитарную Спарту? Даже если при этом все сгорит дотла, в том числе и мы сами». Сами-то они не горят и не тонут — горят школьники в Осетии и пассажиры в московском метро.

Горбачев усиливал эту кампанию властью государства. В 1991 г. он устроил, преодолев возражения Верховного Совета, референдум с провокационным вопросом — надо ли сохранять СССР. До этого сама постановка такого вопроса казалась абсурдной и отвергалась массовым сознанием. Теперь всему обществу власть заявила, что целесообразность сохранения СССР вызывает сомнения и надо бы этот вопрос поставить на голосование. Как мы помним, 76% населения высказалось за сохранение Советского Союза.

Сохранение СССР очевидно было в интересах подавляющего большинства людей. Даже В.В. Путин говорит о нем как «великом государстве», которое было «надежно защищено и с Запада, и с Востока». А главное, оно было надежно защищено от яда собственной социальной и национальной ненависти. И защитой от этого яда были не танки и ракеты, не КГБ и даже не дубинки ОМОНа, а такое жизнеустройство, которое не выбрасывало массы людей из общества, при котором не тлел по всей стране огонь голодовок учителей и инвалидов-спасателей, а телевизионной сволочи не разрешалось стравливать людей разных

религий и национальностей, как это делалось все 90-е годы, да и сейчас не закончилось.

В республиках со сложным этническим составом ценность той системы межнационального общежития, созданного в СССР, ощущалась особенно остро. В голосовании на референдуме о судьбе СССР в Узбекистане приняли участие 95% граждан, из них за сохранение Союза высказались 93,7%, в Таджикистане явка была 94%, «да» сказали 96%.

Но против СССР проголосовала элита двух привилегированных столиц. В западной прессе советник Ельцина, директор Центра этнополитических исследований Эмиль Паин в статье «Ждет ли Россию судьба СССР?» оправдывался: «Когда большинство в Москве и Ленинграде проголосовало против сохранения Советского Союза на референдуме 1991 года, оно выступало не против единства страны, а против политического режима, который был в тот момент. Считалось невозможным ликвидировать коммунизм, не разрушив империю».

Что же это за коммунизм надо было ликвидировать, ради чего не жалко было пойти на такую жертву? Коммунизм Сталина? Нет — Горбачева и Яковлева. Знал и Паин, и его «интеллигенция», что от коммунизма у того «политического режима» осталось пустое название, которое он и так бы через пару лет сменил. Голосовали именно против Союза и против воли народа. Хотели Мирового правительства, которое взяло бы их в «золотой миллиард».

В своем проекте «конституции» 1989 г. Сахаров пишет: «В долгосрочной перспективе Союз стремится к конвергенции социалистической и капиталистической систем... Политическим выражением такого сближения должно стать создание в будущем Мирового правительства».

Сахаров, признанный духовный лидер нашей демократической интеллигенции, в холодной войне встал на сторону Запада против СССР категорически и открыто. В интервью Ассошиэйтед Пресс в 1976 г. он заявляет: «Западный мир несет на себе огромную ответственность в противостоянии тоталитарному миру социалистических стран». Он завалил президентов США требованиями о введении санкций против СССР и даже о бойкоте Олимпийских игр в Москве в 1980 г. В 90-е годы демократы этим хвастались, теперь помалкивают, но надо же вспомнить расстановку сил.

Как виделся СССР той элите, которая господствовала над умами «интеллектуальной галерки»? Приблизженный к Горбачеву номенклатурный историк Юрий Афанасьев писал: «СССР не является ни страной, ни государством... СССР как страна не имеет будущего». Историк М. Гефтер говорил в 1993 г. в Фонде Аденауэра об СССР, «этом космополитическом монстре», что «связь, насквозь проникнутая историческим насилием, была обречена» и Беловежское соглашение, мол, было закономерным.

Даже сейчас в докладе Горбачев-фонда та же песенка: «Не секрет, что Советский Союз был построен на порочной сталинской идее автономизации, полностью подчиняющей национальные республики центру. Перестройка хотела покончить с такой национальной политикой». Какая позорная схоластика! При чем здесь «порочная идея» 1920 года — ко времени перестройки СССР пережил несколько исторических эпох, прошел самые тяжелые испытания. Перестройка изощренно и насильно ставила народы!

В 80-е годы были сознательно запущены процессы, разрушающие «империю», ту сложную систему нацио-

нальных отношений, которая была кропотливо создана за 200 лет. «Прораб» перестройки Нуйкин довольно вспоминает в связи с войной в Нагорном Карабахе: «Как политик и публицист, я еще совсем недавно поддерживал каждую акцию, которая подрывала имперскую власть. Поэтому мы поддерживали все, что расшатывало ее. А без подключения очень мощных национальных рычагов ее было не свалить, эту махину». Как это назвать?

Мы помним, какому избиению в перестроечной прессе и с трибун были подвергнуты все институты, прямо ответственные за безопасность государства — правоохранные органы, армия и особенно КГБ. Кто забыл, пусть полистает подшивки газет и журналов конца 80-х и начала 90-х годов, это чтение освежает голову.

Но надо сказать, что только западники не могли бы легитимировать в глазах достаточно большой части интеллигенции развал страны, а значит, и поражение России в тяжелой и неравной холодной войне. Немалую роль тут сыграли и «патриоты», отвергавшие имперское устройство России. Это крыло было представлено И.Р. Шафаревичем. В кампании по подрыву национально-государственного устройства СССР он высказывал совершенно те же тезисы, что и крайняя западница Г. Старовойтова (иногда совпадение у них почти текстуальное).

Сразу после роспуска СССР в Беловежской пуще И.Р. Шафаревич выступил с большой статьей «Россия наедине с собой» («Наш современник», 1992, № 1), где очень высоко оценил эту акцию, которая принесла народу такие беды. Кстати, само название статьи говорит о принципиальном отрицании имперской России — прежде ни монархисты, ни белые, ни красные не считали что Россия «наедине с собой» расположена на территории нынешней РФ.

Что же хорошего видит И.Р. Шафаревич в уничтожении СССР? Прежде всего, разрыв связей с большими нерусскими народами. Он пишет: «Мы освободились от ярма «интернационализма» и вернулись к нормальному существованию национального русского государства, традиционно включающего много национальных меньшинств». Тут он грешит против исторической правды. Мы ни к чему не «вернулись», а переброшены в новое для России качественное состояние. «Ярмо интернационализма» возникло вместе с появлением Киевской Руси, когда в государство изначально собирались этнически разные племена. Князь Игорь, герой русского эпоса — по крови на три четверти половец. Идея создания «нормального национального русского государства» просто скрывает в себе идею уничтожения исторической России.

Второе благо от дела Ельцина, Кравчука, Шушкевича и их хозяев И.Р. Шафаревич видит в смене общественного строя: «Другое несомненное благо происшедшего раскола в том, что он поможет окончательно стряхнуть мороку коммунизма. Еще с начала 70-х годов я начал писать о социализме и коммунизме как о пути к смерти (конечно, в самиздате, с переизданием на Западе)».

После этого всякая критика в адрес Ельцина и Чубайса, которые что-то сделали не так тонко, как хотелось бы И.Р. Шафаревичу, имеет ничтожное значение. В катастрофе уничтожения СССР И.Р. Шафаревич видит благо, он ее готовил с начала 70-х годов и при этом выступал в союзе с Западом. А это была война Запада против России, а вовсе не против «мороки коммунизма».

И.Р. Шафаревич отвергает сложившийся за многие века принцип построения российского государства и

предлагает взять за образец «нормальные» государства Запада (ведь все же, наверное, не Заир): «На месте СССР, построенного по каким-то жутким, нечеловеческим принципам, должно возникнуть нормальное государство или государства — такие, как дореволюционная Россия и подавляющая часть государств мира».

Здесь опять явные подтасовки — дореволюционная Россия по своему устройству вовсе не была похожа ни на «подавляющую часть государств мира», ни на «нормальное национальное государство». Дореволюционная Россия была многонациональной империей, надо же это наконец-то признать. При этом она не была похожа на другие, колониальные империи. И вообще, ничего «нормального» в государственных устройствах нет ни в США, ни в Германии, ни в Монако — тип государства вырастает не логически, по какому-то правильному шаблону, а исторически. Каждый государственный организм имеет множество своих, уникальных черт.

И завершает И.Р. Шафаревич свою хвалу убийцам СССР крайней в своей антиисторичности мыслью: «Россия может считать себя преемником русской дореволюционной истории, но уж никак не преемником СССР, построенного на заклании русского народа. Иначе тот ужас, который внушает коммунистический монстр, будет переноситься на Россию». Отказаться от наследия СССР, это надо же такое посоветовать. От всего, что огромный народ строил и с огромными жертвами защищал 70 лет!

На мой взгляд, вся концепция И.Р. Шафаревича и всего течения русских националистов, которых он представляет, губительна для России как цивилизации и государства. На своем сложном историческом пути

национально-государственного строительства Россия сумела найти исключительно богатый по своим творческим возможностям способ жизнеустройства множества народов, сплоченных русским ядром. Это был тип жизнеустройства, прекрасный своей справедливостью и даже красотой. Он породил мощный кооперативный эффект культур и социальных сил. Это и было источником чудесного Преображения России, появления Пушкина, всей русской литературы и музыки. Отказываться от этого открытия, чтобы стать как «подавляющая часть государств мира», — какое падение!

Нет, лучше вспомнить слова другого патриота, причем тоже резкого критика СССР, А.С. Панарина, из его последней книги: «Только теперь, после наступления этого момента истины [реформы 90-х годов], все мы можем оценить, чем в действительности был для всех нас Советский Союз. Он был уникальной, не предусмотренной Западом для других народов перспективой самостоятельного прогресса и приобщения к стандартам развитости. Западная цивилизационная дихотомия: Запад и остальной мир, Запад и варварство, Запад и колониальная периферия — была впервые в истории нарушена для гигантского региона Евразии».

РОССИЯ И РУССКИЕ

УГРОЗА ДЛЯ РОССИИ: ДЕМОНТАЖ НАРОДА

Наша страна переживает долгий глубокий кризис. Прирастает ВВП, гордо смотрит двумя головами наш орел, пышно празднуют дни рождения наши города — то на Неве, то в Казани, — а мы угасаем. Что произошло с нами? Страна больна, но каков диагноз, где коренится болезнь?

Думаю, дело в том, что за двадцать лет демонтирован, «разобран» главный деятель нашей истории, создатель и хозяин страны — народ. Все остальное — следствия. И пока народ не будет вновь собран, не вернет своей памяти, разума и воли, не может быть выхода из этого кризиса. Не кризис это, а Смута, особая национальная болезнь, которая нефтедолларами не лечится.

Внешние атрибуты державы, и вообще независимой страны — сильная государственность и наличие национального проекта, понятого и поддержанного большинством общества. Но за ними стоит главное — существование народа. В народе, в отличие от населения, люди, семьи, общности связаны так, что «целое больше суммы частей». Здесь возникает мнение народное, народная сила, которых нет даже в сотнях миллионов «свободных индивидов», они — как куча песка.

Раньше и сами «люди из народа», и государи это прекрасно знали и о сохранении народа как целого непре-

рывно·пеклись, охраняли его связность. Потом мы увлеклись западными идеями, точнее, их дешевой версией, производимой на экспорт — одни уперлись в идею классов, другие — в идею гражданского общества. О народе просто забыли. А ведь связи, соединяющие людей в народ, можно порвать и народ демонтировать — как демонтировались на наших глазах в 90-е годы рабочий класс или научно-техническая интеллигенция РФ. Ничего мистического в этом нет, надо просто знать, как устроены те или иные связи, собирающие людей в сплоченные общности разного типа. У нас же вообще мало кто знает, когда возник русский народ, и каким образом он был собран — как будто народы вырастают, как грибы в лесу. Не учили этому в школе и не надоумили задуматься самим.

Бывало ли такое, чтобы народы «разбирали», чтобы угасали их память, разум и воля? Не просто бывало, а и всегда было причиной национальных катастроф, поражений, даже исчезновения больших стран, империй, народов. Повреждение механизма скрепления народа, разборка народа — одно из важных средств войны во все времена. Сейчас это технология, основанная на развитой науке.

Применение этой технологии против нашего народа — главная угроза для России в настоящий момент и в ближайший период.

Народ и государство — две ипостаси страны, два лица ее держателя. Они и болеют вместе, хотя и по-разному. Государство утрачивает авторитет (легитимность), чиновники распродают страну по частицам. Народ рассыпается, детей не рожают, к горю ближних равнодушны — «и пьяные с улицы смотрим, как рушатся наши дома».

Население собирается в народ на общей мировоззренческой матрице (вокруг общего «культурного ядра»). Ее надо постоянно строить, обновлять, «ремонтировать». Но

против нее можно и совершать диверсии — подтачивать, подпиливать, взрывать. У государства с подорванным «культурным ядром» резко ослаблен суверенитет. Власть в нем легко свергается просто при помощи спектакля, построенного на голом отрицании и возбуждении эмоций. Это показали «оранжевые революции». Но результаты такого спектакля — того же масштаба, как у войны, вплоть до полного изъятия у населения прав на свою национальную власть и на определение своего пути. И власть, и путь ему задаются извне, право на свой «проект будущего» теперь изымается. Грузия уже почти в таком состоянии, Украина — на грани. В РФ такая «оранжевая» революция тоже готовится, хотя сценарий, видимо, перерабатывается.

Во второй половине XX века народ России существовал как *советский народ*. Это факт, как бы к нему ни относились. В 90-е годы элита произносила это понятие с ненавистью («старые русские», «совки»). На разрушение духовного и психологического каркаса этого народа была направлена большая кампания, названная «перестройкой». Демонтаж народа проводился целенаправленно, с применением сильных и даже преступных технологий. Считалось, что взамен старого народа удастся создать новый, с иными качествами, идеалами и культурой («новые русские»). Это и был бы *демос*, который получил бы всю власть и собственность. Ведь *демократия* — это власть *демоса*! Новые русские стали бы *демосом*, а «совки», утратив статус народа, были переведены в разряд быдла, лишённого собственности и прав.

Уже в самом начале реформы была поставлена и задача изменить тип государства — так, чтобы оно изжило свой *патерналистский* характер и перестало считать все население народом, большой семьей. Утверждалось, что на-

стоящей властью может считаться только такая, которая защищает *настоящий* народ (новых русских). Для этого надо срочно изменить тип армии — из «защитницы трудового народа» превратить ее в армию карательного типа. Когда мы читали эти тексты в элитарных журналах в 1991 г., они казались бредом сумасшедшего, а на деле говорилось о программе, над которой долго корпели «лучшие умы» мировой элиты.

Выполнение этой программы велось в форме холодной гражданской войны нового народа (демоса) со старым (советским) народом. Главными видами оружия были средства *информационно-психологической* и *экономической* войн.

Экономическая война внешне лишила народ его общественной собственности («приватизация» земли и промышленности), а также личных сбережений. Это привело к кризису народного хозяйства и утрате социального статуса огромными массами рабочих и технического персонала, квалифицированных работников села. Резкое обеднение привело к изменению *образа жизни* (типа потребления, профиля потребностей, доступа к образованию и здравоохранению, характера жизненных планов). Это означало глубокое изменение и в материальной культуре народа, и в мировоззрении.

Воздействие на массовое сознание средствами *информационно-психологической* войны имело целью непосредственное разрушение культурного ядра народа. Был произведен демонтаж исторической памяти, причем на очень большую глубину, опорочены или осмеяны символы, скреплявшие национальное самосознание, в людях разжигалось антигосударственное чувство, неприязнь к главным институтам государства — власти, армии, школе, даже Академии наук.

В результате была, как говорят, размонтирована «центральная матрица» мировоззрения, население утратило целостную систему ценностных координат. Сдвиги в сознании и образе жизни были инструментами демонтажа того *народа*, который и составлял общество, и на согласии которого держалась легитимность советской государственности. К 1991 г. советский народ был в большой степени «рассыпан» — осталась масса людей, не обладающих надличностным сознанием и коллективной волей. Эта масса людей утратила связную картину мира и способность к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей. Этих людей «либералы» и называли охлосом.

В этом состоянии у населения РФ отсутствуют некоторые важнейшие качества народа, необходимые для выработки национального проекта и для организации действий в защиту своего государства и даже своего права на жизнь. Можно говорить, что народ болен и лишен дееспособности, как бывает ее лишен больной человек, который еще вчера был зорким, сильным и энергичным. Но и в этом болезненном состоянии он продолжает подвергаться ударам, направленным на разрушение его самосознания, хотя за последние пять лет государство понемногу начинает выстраивать оборону.

В начале реформ утверждалось, что речь будет идти о «пересборке» народа, о консолидации индивидов, «освобожденных» от уз тоталитаризма, в *гражданское общество*. Этому должны были служить новые отношения собственности и политические партии, представляющие интересы классов и социальных групп. Эти планы оказались утопическими, обширного «среднего класса» не возникло. Созданный квазинарод («новые русские») оказался выхолощенным, лишенным творческого потенциала и

неспособным к строительству. Возникла патологическая социальная система — старый народ наполовину «разобран», а новый никуда не годен.

Возрождение страны и выход из нынешнего кризиса будут происходить по мере новой «сборки» народа из большинства населения посредством восстановления его культурного ядра с преемственностью исторического цивилизационного пути России. Это большой общий труд. Он понемногу набирает силу, но участники его пока что следуют интуиции, а необходимо знание.

Идея *разборки и создания* народов нам непривычна, нам внушили, будто общество развивается по таким же законам, как и природа. Зарождаются в природе *виды* растений и животных, так же естественно зарождаются и развиваются *народы* у людей. В действительности все сообщества людей складываются в ходе их сознательной деятельности, они *проектируются и конструируются*. Это — явления культуры, а не природы.

Процесс разборки и строительства народов резко ускоряется в переломные моменты истории. Свержение государств и уничтожение народов происходит сегодня не в ходе классовых революций и межгосударственных войн, а посредством искусственного создания и стравливания *этносов*. Бесполезно пытаться защититься от этих новых типов революции и войны марксистскими или либеральными заклинаниями.

Мощная кампания по демонтажу народа исторической России нанесла нам тяжелейший удар, но главной цели не достигла. Главные мировоззренческие устои выдержали этот удар, главные представления о добре и зле, составляющие ядро нашей культуры, остались прежними. Если будет государственная воля и самоорганизация снизу, «ремонт и сборка» народа могут быть произведены очень

быстро. За последние двадцать лет мы многому научились, и полученное в отступлении знание начинает широко расходиться и осваиваться.

Но угроза еще не миновала.

КРИЗИС РОССИИ И ЭТНИЧНОСТЬ: УПОРЯДОЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Социальным субстратом страны является не население, не совокупность индивидов, а *народ*. Он может быть организован и структурирован по-разному — и как классовое гражданское, и как сословное, и как кастовое, и как «почти неклассовое и несословное» советское общество. Механизмы разделения и объединения всех этих общественных структур (классов, сословий, каст) являются более слабыми и более «внешними», чем разделение и соединение этническими или квазиэтническими границами и связями. Народ и страна — две ипостаси одной большой системы, а государство — жесткая несущая конструкция, обеспечивающая их бытие и воспроизводство, их продукт и генератор.

Согласно привычным представлениям страны ликвидируются или подвергаются глубоким деформациям или вследствие поражения в войне, или в результате внутренних гражданских войн. Однако непосредственной причиной ликвидации или «переформатирования» страны может быть исчезновение народа, слом или эрозия механизма, воспроизводящего те связи, которые соединяют людей и их малые группы в народ. Часто именно этот процесс бывает и предпосылкой поражения в войне или гражданской войны между частями рассыпающегося народа. Распад народа может происходить незаметно, так что страна

и государство слабеют с необъяснимой скоростью и становятся добычей внешних сил (как это произошло в Китае в конце XIX века). В других случаях углубление кризиса наблюдается и даже изучается, но он представляется как накопление социальных противоречий (как в Российской империи в начале или в СССР в конце XX века).

Механизм соединения людей в народ поддается рациональному анализу и изучению научными методами. Значит, могут быть созданы и эффективные технологии таких воздействий, которые приводят к поломкам этого механизма, его отказам или даже переподчинению заданным извне программам, заставляющим этот механизм работать на разрушение скрепляющих народ связей.

За последние десятилетия это и произошло. Период «перестройки» стал большой спецоперацией холодной войны, целью которой был демонтаж советского народа. К 1991 г. этот демонтаж был проведен на глубину, достаточную для ликвидации СССР при полной недееспособности всех защитных систем государства и народа. После 1991 г. эта программа была продолжена с некоторой потерей темпа вследствие нарастания стихийного, неорганизованного сопротивления «контуженного» перестройкой народа. Параллельно велось совершенствование технологии демонтажа народов, и ее обновленная версия была с успехом применена в Сербии, Грузии и на Украине в форме «цветных» революций.

Для обсуждения процессов создания, демонтажа и пересборки народов требуется изложить те представления об этничности, которые мы принимаем в этом обсуждении.

Когда мы рассматриваем общественные процессы через призму национальных отношений, сразу сталкиваемся с понятием *этнос*, а также с производными от него по-

нтиями *этничность, этнизация, этноцентризм, этническое меньшинство, этнический конфликт, этническое насилие* и даже *этноцид*.

Племя, народность, народ, национальность, нация — для всех них *этнос* является общим, «родовым» понятием. У нас в этом смысле обычно применяется слово *народ*. Общим внешним признаком того, что стоит за словом «этнос», служит тот факт, что им обозначаются общности, имеющие *самоназвание* (неважно даже, сама ли общность его для себя изобрела, или его ей навязали извне). Нет народа без *имени* (при этом другие народы могут называть один и тот же народ по-разному, не обращая внимания на его самоназвание — пусть немцы называют себя «дойч», а испанцы называют их «алеман», мы-то знаем, что они *немцы*). Логично считать, что раз у общности есть самоназвание, значит, у нее есть и *самосознание*. И если правнук русского эмигранта во Франции говорит, что он русский, то он сможет (если захочет) объяснить, что он под этим понимает и что его связывает с русским народом¹.

Понятия *народ, демос, нация, национальность, раса, национализм, расизм* и т.п. предельно нагружены идеологически. Поэтому читать эту книгу надо, постаравшись хотя бы на время отрешиться от злободневных идеологических пристрастий. На людей, глубоко погруженных в конфликт интересов, связанных с этничностью, бесполезно воздействовать логикой, теориями и аналогиями. В. Малахов в одной из дискуссий предупреждал: «Что ка-

---

¹ Следуя установкам марксизма, советская этнология принимала, что этническое самосознание есть явление вторичное, определяемое «реальным процессом жизни», под которым в марксизме понимается материальное социальное бытие. Это сильно сужает явление. Реальный процесс жизни правнука эмигранта во Франции не одолел его духовного мира, частью которого и осталось его самоосознания себя *русским*.

сается «нации» и «этноса», то это настолько идеологически нагруженные слова, в них заложены такие эмоциональные и политические инвестиции, что ожидать установления научного согласия относительно их определений — просто наивно... От того, как определить ту или иную группу — как «нацию» или как «народность», зависит направление колоссальных денежных потоков...

Если вы видите в девяноста случаях из ста, что под нацией понимают этнос, или под этносом понимают кровнородственное сообщество, или считают этнос автономным агентом социального действия, самостоятельным, либо коллективной персоной — чисто теоретически это опровергнуть невозможно».

И тем не менее, значительная часть нашей интеллигенции пока еще способна рассуждать хладнокровно, подходя к предмету с соблюдением норм рациональности. Лучше использовать оставшееся относительно спокойное время для взаимопомощи в ликвидации нашей общей безграмотности. Для этой книги я отобрал наиболее проверенные, обсужденные сведения — исходя из того, как я представляю себе потребности нашего общества в знаниях об этничности.

Греческое слово «этнос» в древности означало любую совокупность одинаковых живых существ (такую, как стадо, стая и пр.). Позже оно стало использоваться и для обозначения «иных» — людей, говорящих на непонятных языках (в смысле, близком к слову «варвары»). В дальнейшем слово «этнический» употребляется, когда речь идет о неиудеях и нехристианах. В церковном языке оно означало язычество и языческие суеверия. В западноевропейское богословие слово «этнический» в этом смысле вошло в 1375 г. Позже оно проникло в светский язык и стало использоваться для обозначения культур, непохожих на европейские.

В конце XIX века *этническими* называли любые сообщества людей, непохожих на «цивилизованные». Любую самобытную культуру называли *этнической* (как иронизируют этнологи, «своя культура этнической быть не могла»). Например, в США этническими назывались индейские сообщества, потом социологи стали называть так группы иммигрантов («этнические поляки» и пр.), а во второй половине XX века «этничность обрели практически все».

Придерживаясь различных и даже взаимоисключающих представлений о происхождении этничности, большинство ученых, однако, признает, что общность людей, сложившаяся как этнос, есть присущая человеческой истории форма жизни, подобно тому, как животному миру присуща форма биологического вида. Из этого следует, что даже если этническую общность понимать как общность *культурных* признаков, развитие человеческой культуры происходило не путем ее равномерной беспорядочной «диффузии» по территории Земли, а в виде культурных *сгустков*, создателями и носителями которых и были сплоченные общности — этносы. Между ними происходило непрерывное общение, обмен культурными элементами, но при этом сохранялась система, культурная целостность, отличная от иных целостностей. В развитии культуры человечество шло не цепью и не толпой, а организованными «отрядами» — этносами.

Большую роль в распространении и внедрении современных понятий этнической (национальной) принадлежности сыграли переписи населения, которые начали проводиться в Европе с середины XIX века. В них этничность, как правило, *приписывалась* по признаку языка или религии. Так, в переписи в России (1897 г.) — по признаку языка, а в Греции начиная с 1856 г. по признаку религии, а по-

том по двум признакам: языку и религии. Люди стали официально получать «национальность». Таким образом, это очень недавнее изобретение. И. Валлерстайн высказал важную мысль: «Категории, которые наполняют нашу историю, были *исторически* сформированы (и в большинстве всего лишь век назад или около этого). Настало время, когда они вновь открылись для исследования».

Там, где понятие национальности уже вошло в обыденное сознание и стало привычным, люди считают, что этническое самоосознание людей — вещь *естественная* и существовала всегда и везде. Как считают социальные психологи (Т. Шибутани), в настоящее время «этнические категории составляют важную основу для стратификации, так как люди считают их естественными подразделениями человечества». В действительности это подразделение людей не является естественным и даже появилось не слишком давно.

Даже и в XX веке на земле остаются уголки, где этничность «навязывается» людям извне, сами они в этих категориях о себе не думают. В Новой Гвинее до начала массовых антропологических и этнографических исследований группы туземного населения, как правило, не имели даже самоназваний. Похожая ситуация была в Австралии. Границы так называемых «племен» отличались условностью, самосознание их членов было выражено весьма слабо. В Африке названия племенам присваивали колониальные администрации, произвольно причислявшие к тому или иному «этнониму» различные группы населения. В частности, термин «йоруба», будучи колониальным изобретением XIX века, долгое время был «не более чем китайской грамотой» для тех, кого им называли.

Совсем недавно категория национальности была неизвестна и просто недоступна для понимания жителям не-

которых областей даже Европы. Во время первой переписи 1921 г. в восточных районах Польши, вышедшей из состава Российской империи, крестьяне на вопрос о национальности часто отвечали: «тутейшие» (местные). На вопрос о родном языке они отвечали: «говорим по-просту» (то есть говорим как простые люди, не как паны). В быту они делили себя на людей «с польской верой» (католиков) и людей «с русской верой» (православных). Сегодня этих крестьян однозначно зачислили бы в белорусы (в соответствии с их разговорным языком), но сами они свое отличие от господ (поляков-католиков), мыслили как *социальное и религиозное*, а не этническое или национальное.

В 1945 г. при переписи в Югославии оказалось невозможно определить этническую принадлежность большой группы населения в Юлийской Краине (юго-западнее Триеста). Жители одинаково хорошо владели двумя языками — итальянским и славянским (было трудно определить точно, что это за диалект). Они были католиками, а сведения о своем этническом происхождении считали «несущественными». Часть их людей потом все же признала себя либо хорватами, либо словенцами — под административным давлением, а не по внутреннему убеждению.

Так же обстояло дело и в СССР. А.В. Кудрин приводит выдержку из работы П.И. Кушнера «Этнические территории и этнические границы» (М., 1951): «Выявление национальности затруднялось тем, что в первые годы советской власти существовали этнические группы, не сложившиеся в народности. Для членов таких первичных этнических объединений было очень трудно без помощи переписчика сформулировать ответ о национальной принадлежности. В сомнительных случаях учитывались не

только показания населения, но его язык и особенности культуры». Однако, несмотря на все усилия переписчиков и школьных учителей, даже в послевоенный период приходилось констатировать, что «сохраняются у отдельных групп населения наряду с пониманием принадлежности к определенной народности или нации родоплеменные и земляческие представления об этнической общности».

Директор Института антропологии и этнографии РАН В.А. Тишков писал в 1990 г.: «В нашей стране вплоть до первых десятилетий XX в., а отчасти и по сегодняшний день, этническое самосознание было и остается на массовом уровне довольно зыбким. Даже, например, у крупных народов Средней Азии и Казахстана, которые квалифицируются по нашей иерархии этнических образований как «социалистические нации», еще в 20-е годы преобладали в самосознании и самоназвании локальные или родоплеменные названия. Среди узбекоязычного и таджикоязычного населения среднеазиатских оазисов, а также Южного Казахстана употреблялись этнонимы: таджик (как коренное оседлое население оазисов независимо от языка), сарт, тат, чагатай. Они перекрывались локальными наименованиями: бухарец, ташкентец, самарканди, пухори (имелись в виду не только данный город, но и его округа). Даже во время двух последних переписей (1979 и 1989 гг.) некоторые группы в составе узбеков называли себя «тюрк», в связи с чем в Фергане, например, под одним названием оказались два совершенно разных народа — этнографическая группа узбеков и турки-месхетинцы...

Многие народы или даже родоплеменные группы, в представлениях и лексиконе которых не было не только самого понятия «нация», но даже иногда и ее названия (азербайджанцы, например, назывались до этого «тюрками»), не только действительно совершили разительные

перемены в своем развитии, но и быстро овладели самой идеей нации, включив в нее значительные мифотворческие, сконструированные начала».

В Новое время, когда наука в европейских странах стала активно формировать общественное сознание, возникновение слова, обозначающего *явление*, становилось пусковым событием для того, чтобы этим явлением занялась наука. Этничность (национальность) стала предметом научных и философских изысканий. То, что существовало неявно, как «вещь в себе», приобретает активность и создается, как было «создано» наукой и научной технологией *электричество*¹.

Истоки теорий национальной идентичности можно найти еще в классической немецкой философии (например, у Шеллинга, который задался вопросом о причинах разделения единого человечества на народы, т. е. об *этногенезе*). В XIX веке возникли научные общества, например, Лондонское этнологическое общество, стали выходить специальные труды. Классическими стали работы Л.-Г.Моргана «Лига ирокезов» (1852), Дж.-С. Милля «Национальность» (1862) и Э. Ренана «Что такое нация» (1882). Однако те научные представления, которые служат инструментом для современного исследователя, вырабатывались уже в XX веке.

Круг этих представлений очень широк. В их создании прямо участвовало *языкознание* (важный момент этнической идентификации — выработка своего *имени*, этнонима, придание языку роли «этнической границы»). Другим важным способом национальной идентификации является выработка и усвоение *мифов*. Изучением их

---

¹ Конечно, электричество и до XVII века существовало в природе, но оно было скрытым и «пассивным», а сейчас пропитывает весь мир, человек живет в интенсивном электрическом поле.

структуры и принципов их создания занимаются многие разделы антропологии и культурологии (*культурная антропология*). Коллективным бессознательным, на уровень которого погружается этническое самоосознание, занялись психологи и психоаналитики (*этнопсихология*). Социальным взаимодействием людей в этническом сообществе с другими этносами занимаются социологи. Все более важной частью экономической науки становится *этноэкономика* — исследование взаимосвязи между этническими факторами и типом хозяйственных укладов. В последние десятилетия этнические проблемы стали одним из главных предметов *политических наук*.

Фактически, осмысление этничности стало необходимым разделом *всех наук о человеке и обществе*. В каком-то смысле это привело к тому, что само явление этничности утратило свою собственную определенность, а стало представляться как множество своих *ипостасей* — политических, социальных, экономических, культурных и т.д.

Некоторые ученые стали даже считать, что этничность — лишь обобщенное имя, под которым нет реальной сущности и которое не имеет смысла вне более конкретных и жестких частных понятий¹. Крупный американский социолог П.А. Сорокин писал: «Национальности как единого социального элемента нет, как нет и специально национальной связи. То, что обозначается этим словом, есть просто результат нерасчлененности и неглубокого понимания дела». Это существенное предупреждение, но

---

¹ Такое приращение слову смысла реальной сущности (*гипостазирование*, от слова *ипостась*) — свойство абстрактного мышления. Оперирование абстрактными понятиями, необходимое на стадии анализа, нередко приводит к грубым ошибкам при ориентации в реальной действительности. В спорах по поводу этничности ученые нередко обвиняют друг друга в гипостазировании, в отрыве этого понятия от его конкретного наполнения.

без «нерасчлененного» понятия не обойтись — надо лишь иметь в виду тот контекст, в котором оно употребляется, и не требовать жесткой однозначной дефиниции. В текстах многих ученых даже напоминает: «Этничность (*ethnicity*) — термин, не имеющий в современном обществоведении общепринятого определения».

Это утверждение надо понимать так, что сложное явление этничности принимает определенный смысл лишь в определенном контексте, который при строгих рассуждениях требуется специально оговаривать. Для пояснения этой ситуации привлекают даже известную притчу о слоне — явлении, которому семеро слепых дали семь разных определений. Каждый из слепых ощупал какую-то одну часть слона и составил образ, дающий представление о какой-то одной стороне объекта.

В этом нет ничего необычного. Подобных явлений множество. Им, как и этничности, *в принципе* нельзя дать т.н. «замкнутого» определения. Их определение складывается из содержательных примеров, и чем больше таких примеров, тем полнее и полезнее становится определение. Есть, например, такое многим известное явление, как *жизнь*. А четкого определения, независимого от контекста, этому явлению дать не удастся¹. А полное определение *атома*, по словам Лэнгмюра, содержится лишь во всей совокупности текстов физики.

Здесь мы не будем пытаться полно описать нашего «слона», этому посвящена большая литература. Просто укажем на многообразие объекта, а дальше будем стараться яснее

Следуя канонам позитивизма, согласно которым наличие замкнутого определения является необходимым признаком научности, Энгельс дал определение жизни — «это способ существования белковых тел и т.д.». Точно так же Ленин определил, что такое *материя* — «реальность, данная нам в ощущении». Большой познавательной ценности такой подход не имеет.

обозначать контекст, в котором ведутся рассуждения об этничности.

Взять, например, такую сторону вопроса, как этническая *идентичность*. Ясно, что само явление этничности возникает (или выявляется) лишь тогда, когда люди идентифицируют себя как *принадлежащие* к какому-то конкретному этносу и отличают себя от *иных* этносов. Выше мы видели, что в некоторых исторических условиях у людей и не возникает такой потребности. В совокупности их жизненных процессов процесс этнической идентификации отсутствует (или, как говорят, в «идентификационном пространстве личности» занимает незначительное место). Значит, этничности как *статическому*, более или менее устойчивому свойству человеческой общности соответствует *процесс* этнической идентификации. Статика и динамика этничности взаимосвязаны.

Часто национальная идентификация «включается» политическими событиями, а через какое-то время другие события ее тормозят или даже «отключают». На наших глазах менялись условия, и в некоторых общностях процесс их идентификации ослабевал или усиливался — одни и те же люди то называли себя русскими, то вдруг оказывались прирожденными евреями или находили и выпячивали свои немецкие корни. Сравнительно недавно в судьбе русских большую роль играли сильные соседние народы — половцы и печенег. Потом по каким-то причинам, которые до нас не дошли, их потребность в идентификации себя как половцев и печенегов угасла, и они совершенно незаметно для себя и для соседей растворились в других народах¹.

---

¹ Вот близкий нам пример: не слишком озабоченные проблемой этнической идентификации тюрко-язычные группы — качинцы, кизыльцы, койбалы, бельтиры, сагайцы, — в советское время были объ-

Но уже этот частный процесс идентификации имеет довольно сложную структуру. В ней выделяют *когнитивный* компонент (знания о признаках, особенностях и собственного этноса, и важных для него «иных») и *аффективный* компонент — чувство принадлежности к своему народу, отношение к этой принадлежности. Один русский горячо любит русский народ, другой, как Смердяков, является русофобом и страдает от своей принадлежности к нему. Это аффективная сторона их этнической идентификации. Когнитивный компонент имеет рациональную природу, а аффективный эмоциональную.

В своей лекции 1882 г. Ренан показывает, как по-разному влияла на этническую идентификацию политика разных монархов в зависимости от выбранной ими национальной доктрины. Франция была населена множеством племен кельтской, иберийской и германской групп — бургундцами, ломбардцами, норманнами, визиготами, аланами и т.д. Семь веков королевская власть настойчиво способствовала их соединению в один большой народ, и уже в XVIII веке практически никто из французов не идентифицировал себя с каким-то из этих исходных этносов.

Совершенно по-другому вели себя султаны Турции, и даже в XIX веке турки, славяне, греки, армяне, арабы и курды были в Турции столь же разделенными общностями, как и в начале становления империи. Более того, Ренан обращает внимание на европейские Венгрию и Богемию, где венгры и славяне или немцы и чехи 800 лет сосуществовали, «как масло и вода в пробирке».

единены в народ под названием «хакасы». А создание «аварской народности» в Дагестане из лингвистически сходных групп удалось не вполне. При микропереписи 1994 г. некоторые «аварцы» предпочли записать себя андиями, ботлихцами, годоберинцами, каратаями, ахвахцами, багулалами, чамалалами, тиндиями, дидоями, хваршинами, капучинами или хунзалами.

Процесс идентификации подразделяется на фазы, этапы. В первой фазе происходит классификация человеческих групп на «мы» и «они». По мнению антропологов, зачатки деления «свой» — «чужой» относятся к ранним, базовым структурам культуры. Однако с самого же начала существовала и тенденция к преодолению замкнутости группы. Как заметил К. Леви-Стросс, уже в первобытной культуре тотемистические классификации указывают на стремление разорвать замкнутость групп и развить понятие, по смыслу приближающееся к понятию «человечества без границ».

Во второй фазе процесса идентификации идет работа по «формированию образов» — этническим общностям приписываются определенные культурные и другие характеристики. Целостный образ того или иного этноса — сложная система. Некоторые наглядные элементы этой системы входят в обиход как этнические *маркеры*, стереотипные, привычные черты образа.

Для «узнавания» своего этноса нужно его соотнесение с другим, то есть необходимо наличие в зоне видимости других этносов, не похожих на свой. «Непохожесть», возможность распознавания обеспечивают так называемые *этнические маркеры*. Они определяют социальное поведение людей, обусловленное отношениями «этноносителей». Различение людей по этническим признакам, с которыми сцеплены главные *этнические ценности*, устанавливает *этнические границы*. Говорится, что, этнос существует благодаря этнической идентичности членов группы, основой которой являются этнические границы.

Как замечают этнологи, маркер может не иметь никакой «культурной ценности», он всего лишь позволяет быстро и просто различить «своих» и «чужих». И. Чернышевский полагает, что «таков генезис всех (или почти

всех) *значимых* этнических различий. При этом [маркер] как различительный признак, как правило, обладает *минимальной* затратностью на его распознавание: это «цепляющая мелочь» — которая, однако, достаточно надежно маркирует границу «своего» и «чужого».

Он цитирует Ветхий завет (Книги Судей, 12, 5—6) — эпизод со словом «шибболет» (колос), которого не могли произнести ефремляне. Это незначительное этническое различие внезапно стало «вопросом жизни и смерти» (в эпизоде дано одно из первых описаний геноцида): «И перехватили Галаадитяне переправу чрез Иордан от Ефремлян, и когда кто из уцелевших Ефремлян говорил: «позвольте мне переправиться», то жители Галаадские говорили ему: не Ефремлянин ли ты? Он говорил: нет. Они говорили ему: скажи: «шибболет», а он говорил: «сибболет», и не мог иначе выговорить. Тогда они, взяв его, закололи у переправы чрез Иордан. И пало в то время из Ефремлян сорок две тысячи».

Этнос является носителем культурных традиций, которые выработались за долгий период адаптации к природной и социальной среде. В нем сложились и социальные механизмы поддержания этих традиций и их передачи новым поколениям. Сохраняются и этнические маркеры, служащие для быстрого обозначения этнических границ.

В советском обществоведении было принято определение, сформулированное в 70-е годы XX в. академиком Ю. Бромлеем: «Этнос может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех

других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)».

По сравнению с другими большими социальными общностями (классами, «стратами», сословиями) этнос является самой *устойчивой* группой. Это происходит потому, что передача культурных традиций, в свою очередь, скрепляет этнос. Этот процесс не позволяет ему рассыпаться на индивидов, он сплавливает их в более мелкие общности и порождает множественные связи между ними, так что образуются даже профессиональные категории, выполняющие функцию сохранения и передачи традиций и одновременно этнической идентичности (например, духовенство, учительство).

Критерии для проведения этнических границ и применяемые при этом маркеры различны в разных культурах, да и сами границы не являются неподвижными. Например, чернокожие граждане США, поселившиеся в Америке вместе с первыми европейскими иммигрантами и уже четыре века говорящие на английском языке, официально считаются отдельной этнической группой, и эта их идентичность сохраняется. Считается, что первопричиной ее возникновения была социальная граница между рабами и господами. Черный цвет кожи стал восприниматься как маркер, обладающий отрицательным смыслом — как клеймо (*stigma*) на человеке с низким социальным статусом. Напротив, в Бразилии чернокожие не считаются этнической группой, и цвет кожи не учитывается в официальных документах (например, в переписях населения).

В последние десятилетия в США ведется интенсивная работа по ослаблению этого этнического барьера и интеграции негров в американскую нацию (это наглядно отражается, например, в голливудских фильмах). Но в то

же время этнические границы возникают внутри чернокожего населения. Его быстрое социальное расслоение привело к появлению новых типов идентичности. Представители среднего класса называют себя *aframerican* — американцы африканского происхождения. Менее образованные и состоятельные называют себя, как и раньше, *black* — черные. К тому же появились черные мусульмане (*black Muslim*), черные иудеи (*black Jew*) и др.

Но все, о чем мы говорили выше, относится лишь к формальному обозначению видимых сторон явления этничности. Главное же — в понимании *сущности* явления. Где оно кроется? Как возникает? Какому миру принадлежит — миру природы или миру культуры? Именно в таком понимании этничности возникли две несовместимые концепции, которые развиваются по двум непересекающимся траекториям. Обе они корректируются и наполняются новым и новым фактическим материалом. Оба сообщества ученых, принимающих ту или иную концепции, находятся в диалоге, следят за работами друг друга и выступают друг для друга оппонентами. Здесь мы их кратко обозначим, а затем изложим каждую концепцию отдельно.

Во-первых, надо учесть, что в наших рассуждениях об обществе, в том числе об этнических общностях, мы пользуемся понятиями, заимствованными из арсенала *западной*, европейской философской мысли. Лишь небольшое число эрудированных специалистов знает, в каких понятиях трактовалось явление этничности в незападных культурах, тем более до заимствования ими языка и логики европейской науки. Очень трудно понять, как мыслили о племенах и народах китайцы, индусы, американские индейцы или австралийские аборигены. Читая переводы их старых книг, мы на деле читаем *переложение* их текстов

на язык привычных нам понятий — переложение, сделанное более или менее вдумчивым и знающим переводчиком.

Вот, например, переводы рассказов китайского писателя XVII века Пу Сун-лина «Лисьи чары», одного из сокровищ китайской литературы. В русскую культуру его ввел выдающийся знаток и исследователь китайской литературы В.М. Алексеев (с 1918 г. профессор Петроградского университета, с 1929 — член АН СССР). Его замечательное предисловие само по себе есть произведение высокой культуры. Действие рассказов происходит почти на всей территории Китая, множество деталей передает социальные образы действующих лиц, но этническая сторона персонажей и их поведения полностью отсутствует.

Более того, мой отец, китаевед, выполнил в 1928 г. первый перевод на русский язык главного труда Сунь Ятсена «Три народных принципа». Я пользуюсь рукописью этого перевода. Она содержит большое количество примечаний, объяснений и предупреждений о том, что найденные наиболее близкие по смыслу русские эквиваленты в действительности вовсе не близки смыслу китайских выражений. Само название, в которое входит слово «народ», невозможно перевести кратко, поскольку составляющие его три иероглифа выражают целую систему смыслов.

Наиболее точным было бы русское название «Три народизма», и речь в книге идет о трех сторонах одной проблемы — возрождения китайского народа (или даже проблемы *превращения китайцев в народ*). Это была совершенно новая постановка проблемы для Китая. Чтобы спасти Китай от превращения его в периферийный придаток Запада, надо было перенять у Запада технологию создания политической нации — так же, как во времена Петра Великого России надо было перенять у Запада технологию управления и военного дела.

Язык обществоведения, которым мы пользуемся, был создан в Европе в рамках проекта Просвещения, то есть очень недавно. Это была часть того нового языка, который вырабатывало молодое буржуазное общество. В нем отразилась определенная картина мира и определенная антропология — представление о человеке. Понятно, что при переносе понятий этого языка в русскую культуру мы неизбежно принимали и сцепленные с ними неявные смыслы. В частности, антропологии нарождавшегося западного буржуазного общества была присуща жесткая *натурализация* (биологизация) человеческого общества. Как говорят, «социал-дарвинизм» возник гораздо раньше самого дарвинизма.

В представлениях о человеческих общностях с самого начала был силен компонент *социобиологии*, в разных ее вариантах. Американский антрополог М. Салинс писал: «То, что заложено в теории социобиологии, есть занявшая глухую оборону идеология западного общества: гарантия ее естественного характера и утверждение ее неизбежности».

Перенесение понятий из жизни животного мира («джунглей») в человеческое общество мы видим уже у первых философов капитализма. Это создало методологическую ловушку, о которой М. Салинс пишет: «Раскрыть черты общества в целом через биологические понятия — это вовсе не «современный синтез». В евроамериканском обществе это соединение осуществляется в диалектической форме начиная с XVII в. По крайней мере начиная с Гоббса склонность западного человека к конкуренции и накоплению прибыли ассоциировалась с природой, а природа, представленная по образу человека, в свою очередь, вновь использовалась для объяснения западного человека. Результатом этой диалектики было оп-

равдание характеристик социальной деятельности человека природой, а природных законов — нашими концепциями социальной деятельности человека. Человеческое общество *естественно*, а природные сообщества *человечны*. Адам Смит дает социальную версию Гоббса; Чарльз Дарвин — натурализованную версию Адама Смита и т. д.

С XVII века, похоже, мы попали в этот заколдованный круг, поочередно прилагая модель капиталистического общества к животному миру, а затем используя образ этого «буржуазного» животного мира для объяснения человеческого общества... Похоже, что мы не можем вырваться из этого вечного движения взад-вперед между окультуриванием природы и натурализацией культуры, которое подавляет нашу способность понять как общество, так и органический мир... В целом, эти колебания отражают, насколько современная наука, культура и жизнь в целом пронизаны господствующей идеологией собственнического индивидуализма».

Так возникло и представление об этничности, которое господствовало в западной науке до недавнего времени. Оно получило название **примордиализм** (от лат. *primordial* — изначальный). Согласно этому учению этничность рассматривается как *объективная данность, изначальная характеристика человека*. Иными словами, этничность есть нечто, с чем человек рождается и чего не может выбирать. Она неизменна, как пол или раса (хотя в последнее время кое-кто стал менять и пол, и расу). Этничность является *органичным* образованием — *вещью*, которая запечатлена в человеке и от которой он не может избавиться.

Что касается культурных характеристик личности, то этнические черты, согласно концепции примордиализма, оказываются базовыми элементами личности (это «сущностные структуры самой личности, являющиеся вмес- тилищем этнической субстанции»).

Начиная с 50-х годов XX века, в ходе распада системы колониальной зависимости и сопровождавшего этот процесс роста этнического самосознания, стал складываться иной подход к представлению этничности, названный **конструктивизмом**. Конструктивизм отвергает идею врожденного, биологического характера этничности. Ученые этого направления исследовали этничность как результат деятельности социальных факторов в конкретных исторических условиях. Этничность в таком представлении понималась как принадлежность человека к культурной группе. Разные ее проявления — результат творческой деятельности различных социальных агентов (государства, иных типов власти, церкви, политических и культурных элит, окружающих «простых» людей).

При таком подходе этничность можно рассматривать как процесс, в ходе которого дается *интерпретация* этнических различий, выбираются из материала культуры этнические *маркеры*, *формируются* этнические границы, *изобретаются* этнические мифы и традиция, формулируются *интересы*, создается (*воображается*) обобщенный портрет этнического сообщества, вырабатываются и внедряются в сознание *фобии* и образы этнического врага, и т.д. Такая этничность не наследуется генетически, ей *научаются*. Человек обретает этническую идентичность в процессе социализации — в семье, школе, на улице.

КАК НАС СОБИРАЮТСЯ ФОРМИРОВАТЬ

Недавно объявили, что «Единая Россия» делает главным пунктом своей программы «русский проект». 3 февраля 2007 г. заседал Центр социально-консервативной политики — «мозговой трест» партии «Единая Россия».

Стенограмма заседания помещена на официальном Интернет-сайте Центра (<http://cskp.ru/clauses/6/2529/>).

Председательствующий Ю.Е. Шувалов сказал: «У нас сегодня очень серьезный вопрос. Мы его называли «Формирование российской нации». Предлагается несколько проектов. Главный — это проект И. Демидова «Русский проект партии «Единая Россия».

Действительно, серьезный вопрос. Важно само утверждение, что российскую нацию надо еще формировать. Важно также, из кого и как ее собирается формировать партия власти. Если бы речь шла о заседании какого-нибудь молодежного клуба или маргинальной секты, все сказанное можно было бы пропустить мимо ушей. Но ведь «Единая Россия» господствует в парламенте, монопольно издает законы, по которым нам жить. Стенограмма этого заседания — важный документ. Он отражает ход мысли сильных мира сего в России.

Не знаю, как его восприняли сами члены партии. Я скажу без всякой политической подоплеки, что у меня этот документ вызвал крайнее недоумение. Я даже подумал, уж не лукавый ли нас водит? Может, это и сайт подставной, соорудили его какие-то глумливые «оранжевые»? Если так, пусть извинит меня «мозговой центр», но я выскажу некоторые соображения — по поводу высказанных идей, а не людей (из людей я там никого не знаю, хотя кое-кого, судя по фамилиям, видел по телевизору).

Первое, что удивляет: множество видных интеллектуалов (профессора, деканы, издатели журналов) собрались формировать нацию, но не договорились, что под этим понимают. Каждый выступавший фантазировал на эту тему, все по-разному. Один (Шеляпин Н.В.) даже сказал: «По большому счету, общеупотребительного понятия «нация» в современном пространстве не существует.

Каждый это понимает так, как он желает. Есть и научные концепции, но в целом общество еще пока не воспринимает как что-то устойчивое и понятное».

Не знаю, что он понимает под «современным пространством», но в современной литературе (в том числе на русском языке) понятие «нация» представлено как вполне разработанное. Понятие широкое, но в каждом контексте ясно, о чем речь. Понятие «гражданская нация» задает одну плоскость рассуждений, «территориальная нация» — другую и т.д. «Понимает так, как он желает» лишь человек, который эту литературу не читает, а мыслит, как и «в целом общество», понятиями обыденного сознания. Но такой человек и не берется за составление партийной программы «Формирование российской нации». Он просто эту нацию формирует ежедневно, сам того не замечая, на «молекулярном» уровне.

Горяинов Л.В. не видит никаких проблем с понятием: «Что такое русская нация? Это люди, которые и за границей чувствуют себя русскими». Ничего себе критерий! А как быть с теми 95% русских, которые за границей не бывали? И как согласуется это определение с положением русского в Латвии, который «чувствует себя русским», но волею судеб теперь принадлежит к латвийской нации? А главное, г-н Горяинов, взявшись за «формирование российской нации», меняет предмет формирования на «русскую нацию». Интересно, сам-то он замечает эту подмену? Согласитесь, что для многонациональной России она вовсе не так уж безобидна. Неизвестно еще, как к ней отнесутся рядовые члены «Единой России» вроде Рамзана Кадырова.

Положение пытается поправить Вассоевич А.Л.: «Что такое «русская нация»? В принципе это нация всех коренных народов исторической России. Давайте вспомним о

том, что при Петре Великом были и русские немцы, и русские татары и, по сути дела, сам этот термин вовсе не подразумевал дробления на этнические группы».

Тут уже не недоумение, а изумление. Азербайджанцы у Вассоевича входят в «русскую нацию»? А эстонцы входят? Они — типичные «коренные народы исторической России». Они и оформились как народы уже в составе России. И что за «русские татары» были при Петре Великом? Наверное, члены тогдашней «Единой России». Но этот термин, если таковой был, как раз «подразумевал дробление на этнические группы». С его помощью человек объявлял, что он — татарин (это его этническая группа), подданный России (это его политическая нация).

Полосин А.В. тоже себя не затрудняет: «Русскими мы считаем тех, кто говорит, думает на русском языке. И отсюда вытекает прямо проект». Какой проект? Откуда он вытекает и куда втекает? О чем речь? Язык — один из множества (порядка сотни) признаков этничности, а речь то идет не об этносе, а о российской нации! Если татарин, забыв о предупреждении Полосина, вдруг что-то подумает на татарском языке, он что — выбывает из российской нации? А если он, учась в МГУ, говорит и думает по-русски, то он уже не татарин, а русский?

Вскользь была высказана и такая странная мысль: «Русской была немка Екатерина Вторая, русским был политический деятель Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин). Безусловно, любой человек, который относит себя к пространству русской культуры и русской политики, является русским». Почему же «немка была русской»? Тут какая-то загадка, словам придается необычный смысл. Всегда считалось, что Иосиф Джугашвили, как зачем-то назван Сталин, был грузином и никогда не просил считать себя русским. А теперь его посмертно награждает

этим званием «Единая Россия»? Зачем такие сложности? Что за критерий русскости — «относит себя к пространству русской политики»? И Кондолиза Райс по службе относит себя к этому пространству.

Заключает весь этот социально-консервативный симпозиум сам автор «Русского проекта» И.И. Демидов: «Есть же такой тезис, что народ — это все, и мертвые, и живые, и будущие. А нация — это актуальный народ, в актуальное время расположенный... Как ответственные люди мы должны доказать, что все, что мы сегодня говорили и что еще будем говорить и делать, действительно отвечает интересам нашей русской нации».

Ну это, как говорится, вообще... «Нация — это актуальный народ, в актуальное время расположенный». Нет у нации ни прошлого, ни будущего. Она вся — здесь и сейчас, общность временщиков. Вот какую нацию из нас хотят «сформировать»! Французы будут каждодневно спланиваться воспоминаниями и спорами о Жанне д'Арк и Вольтере, о Наполеоне и Пастере, французские дети будут изучать подвиги Верцингеторига, вождя восстания галлов против Рима в 52 г. до н.э., а «наша русская нация» под рукой «единороссов» — качать французам нефть по трубе и бороться с Зурабовым за пенсии. Какие, однако, странные мысли бродят в этом «Александр-хаусе», где обитает мозг партии.

Итог обсуждению подвел один из ведущих идеологов партии А.К. Исаев: «Я думаю, что мы можем сегодня осознать и сказать, что, безусловно, партия «Единая Россия» является партией русского народа и русской цивилизации».

Прекрасно, что участники заседания «могут осознать и сказать» такие вещи. Надо только дождаться, чтобы это осознали и сказали и другие граждане России.

Все это заседание вызывает такую тревожную мысль. Государство РФ тратит деньги на зарплату и условия работы сотен ученых этнологов, издаются и обсуждаются их труды, созываются международные конференции. Почему интеллектуальная верхушка «партии власти», вместо того чтобы заниматься импровизациями на темы народов и наций, не пригласила двух специалистов, чтобы они сделали два сжатых доклада о современных концепциях по этим вопросам? Есть две концепции, обе их надо знать тем, кто берется за такие «проекты». Надо знать, а не изобретать плохие велосипеды. Честное слово, я не могу найти объяснения тому, что происходит. Невозможно придумать, чем бы такое знание могло повредить «Единой России».

Надо остановиться и на одной конкретной (и очень рискованной мысли), которая прозвучала на заседании. Ее высказал А.К. Исаев: «Мы должны сказать о том, что идея права наций на самоопределение, вплоть до отделения, в свое время сформулированная большевиками, была сформулирована с вполне конкретной целью — разрушения государства. Мы можем признать право наций на самоопределение вплоть до отделения, если нации грозит геноцид... Поэтому мы выступаем за сохранение существующих государственных и цивилизационных пространств. И в силу этого мы, конечно же, должны принять программу разгосударствления национальных автономных формирований внутри России... Черты квазигосударств внутри страны должны быть сняты. Особенно с национальных образований. И мы должны сказать открыто, что мы по этому пути будем двигаться, никого не унижая и не обижая».

Это — совершенно новый поворот в национальной и международной политике «партии власти». Ссылкой на

злодеев-большевиков тут не отделаться. Я даже не буду обсуждать тезис Исаева по существу, в такой манере этого делать просто нельзя. Я хочу сказать именно о форме постановки вопроса такого ранга.

Идеолог правящей партии отвергает Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятую Генеральной Ассамблеей ООН в 1960 году (Резолюция ООН № 1514). Ее Статья 1 гласит: «Все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободны определять свой политический статус и свободны осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие».

Допустим, ООН не указ «Единой России», но реальность такова, что на постсоветском пространстве идут болезненные процессы разборки тех дров, что наломали в 1991 г. Перед нами Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье. Кто уполномочил А.К. Исаева одним махом лишать их права на самоопределение от имени РФ? При чем здесь геноцид? Кто и где будет доказывать, что Грузия собирается устроить геноцид абхазов?

И что значит «сохранение существующих цивилизационных пространств»? Что это за понятие? Где кончается «цивилизационное пространство» России? В Константинополе? В Ханты-Мансийске? В Хасав-Юрте? Как можно в политике оперировать такими расплывчатыми сущностями? Ведь это говорится в контексте «формирования российской нации». Дело же нешуточное!

Но главное — практическое следствие из всего этого: «Мы должны принять программу разгосударствления национальных автономных формирований внутри России... Черты квазигосударств внутри страны должны быть сняты».

Скажите, когда, на каком референдуме было принято это революционное решение? Понимает ли г-н А.К. Иса-

ев, что он сказал? Ведь речь не о смутных желаниях или мечтах, а прямо о «программе разгосударствления», вроде как о приватизации по Чубайсу. Объясните, что значит «разгосударствление Республики Татарстан»? Как снять с нее «черты квазигосударства»? Переименовать в «зону № 17»? Ведь есть же какие-то наметки политических действий. Если вы «должны сказать открыто», так и скажите. А не можете сказать, так не смущайте людей. Не лукавый ли нас водит? Мутно небо, ночь мутна...

Наконец, скажу об историческом открытии А.К. Исаева, будто «идея права наций на самоопределение в свое время сформулирована большевиками с целью разрушения государства». Историческая память — одна из важнейших сил, соединяющих людей в нацию. Это проектировщикам «российской нации» надо бы знать. Так вот, к их сведению, из популярных источников.

Принцип «каждая национальность должна быть вершителем своей судьбы» был выдвинут правительством Франции в 1851 г. (хотя Энгельс считал, что это — изобретение злокозненной России). Понятие «права наций на самоопределение» было высказано в 1865 г., на Женевском конгрессе Интернационала. В глуши Симбирска тогда еще и не родился мальчик Ленин. В 1896 г. Международный конгресс рабочих партий и профсоюзов в Лондоне принял постановление, в котором сказано: «Конгресс объявляет, что он стоит за полное право самоопределения всех наций». Марксизм на Западе был тогда влиятельной идеологией, а социал-демократия — влиятельной политической силой. При чем здесь большевики? Их еще просто не было, ведь это немаловажная деталь.

Российские социал-демократы в 1903 г., на своем, по сути, первом съезде, включили в программу право народов на самоопределение (п. 9 Программы). Иначе и быть

не могло, раз они социал-демократы. К разделению на большевиков и меньшевиков это не имело отношения.

Концепция самоопределения народов стала одной из главных идей XX века. В американском обзоре на эту тему сказано: «Во времена I мировой войны две личности, неожиданно получившие значительное глобальное влияние в области управления государством, В. Ленин и В. Вильсон, придали этому потенциальному разрушителю международного порядка новый нормативный статус».

Так надо же вникнуть в значение этой идеи, а не бросать ее походя в корзину со странными комментариями. В Сенате США президент Вильсон сказал: «Вы не знаете и не можете себе представить те переживания, которые я испытываю в результате того, что у многих миллионов человек мои слова пробудили надежды».

Право наций на самоопределение, декларированное из России и из США, позволило демонтировать мировую колониальную систему со сравнительно небольшими жертвами. А ведь могло быть так, как в Алжире (1 миллион погибших при населении 8 млн. человек). Представим себе войну Индии за независимость в середине XX века!

А в России, когда начался либеральный развал империи, большевики провозгласили право наций на самоопределение как раз чтобы сохранить единство трудящихся всей Российской империи — и на этой основе произвести ее «пересборку» уже в виде Советского Союза. Без признания этого права было невозможно нейтрализовать националистические «элиты», которые после Февральской революции растащили империю. И эта программа «усмирения этнонационализма» признана в мировой науке блестящим достижением. Повторите-ка его сегодня!

И опыт подтвердил правильность того шага — неужели А.К. Исаев это забыл? Попытавшись подавить сепаратизм под флагом «единой и неделимой России», белые, по

выражению их же историка, «напоролись на национализм и истекли кровью». Красные, напротив, собрали страну «снизу», как многонациональную «республику Советов», ради которой трудящиеся поддержали русскую Красную армию против своих «элит».

Право на самоопределение в СССР было отнесено к «нецелесообразным», и Сталин заявил в 1923 г.: «Следует иметь в виду, что, помимо права наций на самоопределение, существует также право рабочего класса на укрепление своей власти, и этому последнему праву на самоопределение является подчиненным». На опыте мы знаем, что вплоть до «революции Горбачева» в СССР и в голову никому не приходило ставить вопрос об отделении. Это понятно — советское национально-государственное устройство было устойчивым именно при советском строе. А когда Ельцин стал всем приказывать «берите суверенитета, сколько проглотите», это и означало развал страны «сверху». Но, в отличие от большевиков, никакого проекта пересборки «Единая Россия» не предложит. Мы видим лишь «газовые войны».

Вот такие мысли вызвало это заседание.

А вообще-то лучше не об этом писать, а спокойно и внятно обсудить, чем скреплен русский народ, какие в нем возникли разломы, как их заделать и собрать вокруг русского ядра многонациональную российскую нацию.

ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКИЙ НАРОД

Тема отношения религии и народа очень деликатная. Сразу ограничим ее — будем говорить с позиции светской, не касаясь сокровенного смысла религии как разговора личности с Богом, как надежды на спасение души.

Это — дело тайное и сугубо личное. Но у религии есть и другая, земная ипостась, ее общественное дело. Она особым светом освещает мир и все человеческие дела, является житнетворным корнем культуры. В этом качестве религия принадлежит всему народу, даже атеистам. Она «пропитывает» всю общественную жизнь — семью и школу, хозяйство и политику.

И даже необязательно это утверждать — религиозный взгляд на мир неустраним, как ни быются над его искоренением в некоторых культурах. Понятное дело, в своей земной ипостаси церковь утрачивает ореол непогрешимости — и священники, и верующие выступают как особая часть общества, порой очень влиятельная, которая имеет свои интересы и свои установки, иногда спорные. Даже папе римскому, который формально непогрешим и ошибаться не может, приходится извиняться. Обычно за давно умерших предшественников (как в деле с Галилеем), но недавно и за себя лично.

Сначала несколько общих замечаний. Людей старших поколений у нас долго обучали кое-чему из марксизма. Обрывки его еще сидят в сознании, надо о них сказать. Обсуждение религии — один из главных *методов*, даже инструментов марксизма. Маркс утверждал: «Критика религии — предпосылка всякой другой критики». Если учесть, что все составные части марксизма проникнуты именно *критическим* пафосом, то можно сказать, что «критика религии — предпосылка всего учения Маркса».

Марксизм отрицает конструктивную роль религии в создании и сохранении народов, и это ошибка. Религия (шире — религиозное мировоззрение) — ключевая часть мировоззренческой матрицы, на которой собирается народ. Маркс пишет о религии: «Ее сущность выражает уже не *общность*, а *различие*. Религия стала выражением *отделения* человека от той *общности*, к которой он прина-

длежит, от себя самого и других людей, — чем и была *первоначально*... Она низвергнута в сферу всех прочих частных интересов и изгнана из политической общности как таковой».

Это неверно, религия не отделяет человека от общности, а совсем наоборот — *соединяет* его с нею. Религия всегда была средством господства (то есть создавала «вертикальные» связи между людьми), но она же связывала людей и в «горизонтальные» общности (народы). Даже на пороге Нового времени Ф. Бэкон называл ее «главной связующей силой общества».

Именно в религиозном сознании возникла важнейшая связующая людей сила — *коллективные представления*. Они не выводятся из личного опыта, а вырабатываются только в совместных размышлениях, и были первой в истории человека формой *общественного* сознания. Поэтому религиозные первобытные представления сыграли ключевую роль в этногенезе — соединении людей в племена, а затем и народы.

Религия порождает специфические для каждого народа культурные нормы и запреты, а также и понятия об их нарушении (*грехе*). Это связывает людей в народ. Ведь именно присущие каждому народу моральные (шире — культурные) ценности и выражают его идентичность, неповторимый образ.

Обретя способность «коллективно мыслить», человек сделал огромное открытие для познания мира, равноценное открытию науки — он разделил видимый реальный мир и невидимый «потусторонний». Оба они составляли неделимый Космос, оба были необходимы для понимания целого, для превращения хаоса в упорядоченную систему символов, делающих мир *домом* человека. Эта функция религиозного сознания не теряет своего значения до наших дней.

Религия соединяет людей в народ не только общими ценностями, но и *ритуалами* — которые связывают космологию с устройством общества. Ритуал — «символический способ социальной коммуникации», его первая функция — укрепление солидарности людей и психологическая защита общества. В ритуальном общении преодолевается одиночество людей, укрепляется чувство принадлежности к целому, через ритуал разрешается внутренний конфликт между желаниями и запретами. Антропологи считают, что именно поэтому в традиционных обществах, следующих издавна установленным ритуалам, не встречается шизофрения. Ее даже называют «этническим психозом западного мира».

Признаком кризиса «среднего класса» считают возникновение субкультур, которые в поисках способа преодолеть отчуждение осваивают мистические культы, создают секты и коммуны, проводящие бдения и медитации (часто с применением наркотиков). Это — реакция на безрелигиозное бытие, не удовлетворяющее неосознанные духовные запросы человека. Всплеск такой мистики мы наблюдаем сейчас и у нас в новом «среднем классе».

Понятно, что для земной жизни человеку нужно рациональное мышление. Религия же — качественно иной тип сознания, в ней осуществляется разделение сакрального и профанного (земного) пространства и времени. Это одна из возможностей убежать от профанного времени, от «ужаса истории» — в богослужении и молитве (другие способы дает искусство, театр). Религиозный взгляд укрепляет рациональность (если их не пытаются вульгарно смешивать).

Религия — *уникальное* историческое явление, возникшее как разрыв непрерывности, подобно науке. Религия не «выросла» из дорелигиозных воззрений, как и наука не выросла из натурфилософии. И функцией религии, воп-

реки представлениям Маркса, является вовсе не утверждение невежественных представлений, а *рационализация* человеческого отношения к божественному.

При этом религия мобилизует и присущее каждому народу видение *истории*, и *художественное* сознание. Возникает духовная структура, занимающая исключительно важное место в мировоззренческой матрице народа, дает ему, по словам Тютчева, «предчувствие неизмеримого будущего».

Христианство во всех его ветвях сыграло важнейшую роль в становлении европейских народов, включая народы России. Русский же человек «создан Православием». В зависимости от того, как формировалось религиозное ядро народа, предопределялся ход его истории на века. Бережное введение христианства в Киевской Руси было важным условием для собирания большого русского народа.

Религия во все времена оказывала огромное влияние на *искусство* как способ осмысления мира и человека в художественных образах. Песни и былины, иконы и картины, архитектура и театр — все это сплавливает людей одного народа общим невыражаемым переживанием красоты. Русское искусство корнями уходит в Православие. Ему мы обязаны тем, что наше искусство лишено изуверства и «воли к смерти». Можем ли мы найти картины русских художников, подобные картинам Босха!

Роль религии как силы созидания народа была различной в разных странах и в разные моменты. В Новое время в этот момент бывают тяжелые столкновения религии с идеологией национализма, стягивающего народы в нации. Этим объясняется антиклерикализм Французской революции, производившей сборку *нации граждан*. Русская революция была проникнута национализмом в двух его версиях — буржуазно-либерального у кадетов и об-

щинно-государственного у большевиков (их интернационализм был формой мессианизма). И в этой революции мы наблюдали столкновение идеологии и религии, как и в других больших революциях. Отношения государства и церкви стабилизировались только после Гражданской войны, к 1924 г.

Во время кризиса Германии для сборки нового «народа фашистов» была попытка создания новой «немецкой национальной церкви». Идеолог этой программы Розенберг писал: «Не жертвенный агнец иудейских пророчеств, не распятый есть теперь действительный идеал, который светит нам из Евангелий... Теперь пробуждается *новая вера*: миф крови, вера вместе с кровью вообще защищает и божественное существо человека... Старая вера церкви: какова вера, таков и человек; северно-европейское же сознание: каков человек, такова и вера».

Здесь видны философские различия двух тоталитаризмов — фашистского и советского. Чтобы укрепить связность русского народа, государство не стало создавать суррогат религии, как якобинцы или фашисты, а обратилось за помощью к традиционной для русских православной церкви. В 1943 г. Сталин встречался с иерархами, церкви было дано национальное название — Русская православная церковь. После войны число церковных приходов увеличилось с двух до двадцати двух тысяч (антицерковная кампания Хрущева была *антинационалистической* и имела целью пресечь одну из программ сталинизма; это облегчило демонтаж советского народа).

После советского периода, во время которого народ был скреплен квазирелигиозной верой в коммунизм, вся система связей народа переживает кризис, в преодолении или углублении которого религии снова предоставлена важная роль. Нынешний процесс расщепления народов

на расходящиеся этнические общности с возрождением признаков племенного сознания вызван ослаблением всей системы связей, сплачивающих людей в народы, и не в последнюю очередь ослаблением интегрирующей силы религии.

Вся эта система — в неустойчивом равновесии. Разбиты, ослаблены или рассыпаны почти все скрепы, стягивающие русских в народ — государство, хозяйство, общая память и общая мораль, чувство территории, связи с братскими народами, мир национальных символов (не считая символа Великой Отечественной войны, который тоже неустанно подтачивается). Православие стоит, как утес над пропастью, за который мы зацепились. Оно тоже — объект подкопов и подгрызания. В общем, это понимают и берегут Церковь от соблазнов реформации, расколов и внешней критики — и злобной, и простодушной.

Опасность, мне кажется, исходит от наших общих умеренных притязаний. На Православие многие хотят взвалить земную ношу, которой оно не должно и не может нести — без того, чтобы повредить своей главной сокровенной цели. Беда в том, что уровень религиозной грамотности у постсоветской интеллигенции очень невысок, и политики обычно смешивают религиозные и клерикальные понятия, религиозную составляющую мировоззрения с политической ролью церкви. От Православия ждут советов и указаний о том, как нам устроить чисто социальные или даже политические дела. Не хотят вспомнить, что «Богу Богово, а кесарю — кесарево».

Сегодня почти все политические силы трактуют ту или иную религию в качестве атрибута этничности. Когда политики говорят о проблемах русского народа, то вставить в свои программы «немножко Православия» стало почти обязательной нормой. Тут есть риск национализации или

даже этнизации церкви, ослабления вселенского и всечеловеческого духа Православия. А этот дух сегодня для русских — необходимая опора, чтобы не поддаться настойчивым попыткам толкнуть наше самосознание в тупик этнического национализма. Это и было бы эпохальной победой противников России, так как лишило бы русских той способности к собиранию народов, которую им дало принятие Православия.

С другой стороны, сам русский народ переживает, как было сказано, кризис всех скрепляющих его систем. Укрепление русской этничности может стать тем чрезвычайным, хотя и рискованным средством, которое на время может компенсировать обрывы и разрыхление других связей. Тут требуется пройти по краешку обрыва.

Судя по всему, в руководстве Церкви понимают величину и сложность задачи. В доктрине «Основы социальной концепции РПЦ» (2000 г.) сказано: «Когда нация, гражданская или этническая, является полностью или по преимуществу моноконфессиональным православным сообществом, она в некотором смысле может восприниматься как единая община веры — православный народ».

Пока что и гражданская, и этническая нации в РФ находятся в процессе становления. Более того, между двумя русскими национализмами — гражданским (имперским) и этническим (изоляционистским) идет борьба. Влиятельные силы стремятся загнать русских в этнонационализм и вытравить из них имперское сознание. В массовом сознании Православие выступает как защитник и русской этнической, и российской гражданской идентичности. Это — важный фактор всего политического процесса в нынешней России.

С гражданской точки зрения, это вызывает тревогу. Слишком многие и разнородные интересы липнут к Церкви, пусть даже искренне. В условиях раскола общества и

множественного конфликта интересов это может нанести ущерб той системообразующей миссии, которую Православие сегодня выполняет для сохранения России. Эта миссия несравненно важнее частных интересов.

Власть стремится получить от Православия его сакральную силу, которая, как считают, укрепит легитимность политического порядка, вернув идею «Православия — самодержавия — народности» в ее новом виде. Это, на мой взгляд, рискованная попытка. Каша, заваренная Горбачевым с его «демократией» и Ельциным с его «олигархией», никоим образом не отвечала православным нравственным нормам, и расхлебывать ее надо на чисто земной социальной основе, не сваливая эту ношу на Церковь.

Левые иногда ищут обоснования социальной справедливости в христианстве, чуть ли не ставя знак равенства между ним и социализмом. Это — тоже иллюзия, непозволительное смешение земли и Неба. Ведь Царство Божие не от мира сего. Кризисные проблемы земного жизнеустройства надо решать на рациональной основе, исходя из интересов социальных групп, хотя и следуя высоким идеалам. Появились и политические организации, действующие под православными эмблемами. Эти эмблемы и названия как будто гарантируют правоту их чисто партийным установкам. Иногда эти установки бывают агрессивными и создают новые линии раскола в обществе. Конечно, таких радикалов, как Глеб Якунин, больше мы не видим, но все равно, это — рискованный путь. Запад пошел по этому пути, допустил политизацию религиозности, и это привело, как выражаются их же богословы, к угасанию в людях «естественного религиозного органа». Христианско-демократическая партия — порождение гражданского общества, организованного по интересам на основе социальной конкуренции, благодати она не может

иметь по определению. Да она ее и не ищет, ей важна эффективность.

Повторю мысль, высказанную в начале. Есть риск, что, навязав религиозному сознанию и религиозному чувству политические и социальные функции («меч кесаря»), мы помешаем им выполнять ту тайную и, на мой взгляд, необъяснимую миссию Православия, которая необходима России абсолютно.

Православие — невидимый стержень, без которого русский народ рассыплется и исчезнет, как человеческая пыль. Но на этот стержень нельзя нагружать работы, для выполнения которых нужны другие механизмы, причем много разных. Мы обязаны строить и ремонтировать, проектировать и конструировать эти механизмы, не упо-вая на Бога. Мы же видим, как разнятся православные народы, как отличаются русские от греков, сербы от румын. Значит, в сборке их участвовали и другие силы, помимо Православия.

Другое дело, что строительство этих связей и механизмов надо вести, сверяя их с теми нравственными ценностями, которые Православие излучает в мир. Эти ценности, их явный и сокровенный смысл нам надо понимать гораздо лучше, чем сейчас. И тут, конечно, лучше вести диалог с Русской Православной церковью, чем с астрологами или хаббардистами. Но ответственность за земные дела мы должны брать на себя.

РОССИЯ: ВЗГЛЯД С НЕБА

Когда спрашивают, чем люди стягиваются в народ, то самый краткий ответ гласит: общей мировоззренческой матрицей. То есть общим воззрением на мир. Особое место в этой матрице занимает образ своей страны и всех ее

ипостасей — родной земли, живущего на ней и создающего ее народа, его символов и святынь, ее государства и личности.

Собирание племен в русский народ означало и строительство в общем народном сознании образа Руси, а собирание множества народов вокруг русского ядра — общего образа России. Расчленение России, стравливание ее народов и рассыпание русского народа включает в себя большую операцию информационно-психологической войны, специально направленную на разрушение образа России. Это разновидность «войны цивилизаций», и Запад ведет ее против России с XVI века, с Ливонской войны, когда сложилась особая идеологическая программа — русофобия. Последние двадцать лет мы переживаем «горячий» этап этой войны, несем большие потери, но в целом выстояли. Во всяком случае, блиц-криг не удался, война стала позиционной.

Заметим, что травмы, которые нам наносит такая война, в то же время необходимы для нашего национального самосознания — под ее ударами образ России очищается и закаляется, мы начинаем не только чувствовать, но и понимать свои сокровенные ценности. Кстати, Запад, вылепливая свой образ России как «варвара на пороге», тоже формировал свою мировоззренческую матрицу, и русофобия была важным инструментом сплочения современных больших наций Запада. Мы для себя такой инструмент не стали готовить, что имело свои большие преимущества, но и породило известные слабости.

Одной из наших слабостей как раз является наивная вера в то, что наш собственный образ России есть что-то «объективное», как таблица умножения. Столкнувшись с русофобией, мы удивляемся, обижаемся, пытаемся «устранить недоразумение». Из-за этого перестройка привела

к такому конфузу — мы поверили Горбачеву, позвавшему нас в «лоно цивилизации». Как ядовито пишет один наш политолог, это помешало нашим «идеологам общечеловечества видеть, что все мы скопом уже давно зачислены в разряд нечистых и что неожиданное появление из-за забора бедного дальнего родственника с атомным топором не вызовет сильной радости у родственников богатых».

Но сначала надо разобраться с образом России у нас самих, у жителей России. И, прежде всего, — с образом России у русских. Затем надо будет перейти к больной теме — о том, как в момент кризиса деформируются и расходятся образы России в сознании разных ее народов. Начнем с понятий.

Ясно, что образ такой сложной и большой системы, как Россия, является многомерным. Работа по его реконструкции требует взглянуться в каждый отдельный срез системы, а затем объединить все эти частные образы в один интегральный. Чем больше срезов, тем более верным и насыщенным станет наша многомерная картина. Методологически работа эта сложная на всех ее этапах, тем более, что каждый частный образ имеет свою динамику и во время кризисов преломляется в сознании разных людей по-разному. Всю нашу мировоззренческую матрицу лихорадит. Вот, например, важный срез образа России — образ ее народного хозяйства. Тут даже слова сейчас трудно подобрать, жестами и восклицаниями изъясняемся — одни кулаками трясут, другие ручки потирают.

Так что начнем с более устойчивого образа — Россия на «карте человечества». Как мы видим свою землю и свое небо? В первых дошедших до нас источниках мы видим Русь как *«путь из варяг в греки»*. Некоторые историки даже говорят о Руси Скандовизантия (в 1995 г. был введен и второй важный для становления Руси образ — Сла-

вотюркика). В этих образах выражается самоосознание русских как народа, *соединяющего миры*, а страны русских, как *страны-моста*. За тысячу лет этот образ не выпал из нашей матрицы: и Волга, и Транссибирский путь, и Северный морской путь остаются «осями» образа России, а землепроходцы остаются частью образа русских («Россия — избяной обоз», — писал поэт Клюев).

Объединяющее народ географическое видение мира — это «сплав поэзии и мифа». Отправляясь из Вены в Прагу, Моцарт считал, что едет *на Восток*, к славянам (хотя Прага находится *западнее* Вены). Большое значение люди придают такому условному понятию, как *континент*. Мы, мол — европейцы, а там, за рекой — азиаты. За определение таких признаков ведется ожесточенная идеологическая борьба. Австрийский канцлер Меттерних говорил: «Азия начинается за Ландштрассе», то есть австрийцы живут в прифронтовой полосе Европы.

Как страна, соединяющая народы, Россия быстро осознала себя континентом — землепроходцы, казаки и мореходы прошли огромные расстояния объединяя земли. Но и Запад так ее видит. Немец Вальтер Шубарт в книге «Европа и душа Востока» пишет в 1938 г. о грядущей войне: «Вопрос ставится не в форме: Третий рейх или Третий Интернационал, и не фашизм или большевизм. Дело идет **о мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России**».

В 20—30-е годы XX века русские ученые в эмиграции, размышляя о судьбах России уже в облике СССР, создали целостный и хорошо проработанный образ *Евразии* — особого континента, в котором закономерно уместились русские и связанные с ними общей судьбой народы. При этом народы азиатской части России становились и европейцами, через русских подключались к большой мировой культуре.

Образ России-Евразии обладал мощным духовным и творческим потенциалом и сыграл важную роль в сборке советского народа. Новые возможности включения этого образа в мировоззренческую матрицу наших народов для их объединения в преодолении кризиса, изучаются сейчас и в РФ, и в азиатских республиках. Он же лежит в основе ряда больших проектов, внешне очищенных от мировоззрения — транспортных и экономических.

Образ страны отражает и космогонические представления — взгляд на нее «с неба». Неосознанно мы верим, что земное (социальное) пространство отражает строение космоса. Устройство города красноречиво говорит о мировоззрении народа. Например, христианский город представляет микрокосм с центром, в котором находится храм, соединяющий его с небом. Один из крупнейших антропологов (А. Леруа-Гуран) помещает в своей книге план Москвы как города, отражающего облик всего мира.

Так Москва и воспринималась, она была мистической точкой в образе России (то-то сюда рвался Наполеон). На шоссе за Волгой на указателе читаем: «Москва — 2372 км», такое в США написать о Вашингтоне никому в голову не придет. Сейчас Москву не любят не потому, что слишком жирует, а потому, что это свое место она продала за чечевичную похлебку. Одумается — снова о ней будут петь «золотая моя Москва».

Редко-редко поэты, говоря о том, как видится Россия с небес, касаются главного. Тютчев написал:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благославляя.

Этот образ — именно обобщенный, в нем соединяются небо и земля (перед этим говорится: «Край родной долго-терпенья, / Край ты русского народа»). Может быть, из стихов русских поэтов и надо было бы составлять действительный образ России. Впрочем, и ученые применяют поэтические выражения. Менделеев, предвидя великие противостояния XX века, говорил, что Россия живет «между молотом Запада и наковальней Востока».

К нашей теме надо подходить через главное нынешнее противостояние в России, через ядро нашего кризиса. Большую роль в его развитии сыграл за последние два века образ *России-как-Европы*, созданный «западниками». Он заключает в себе сильную идеологическую и политическую концепцию, которая не раз была (и сегодня является) предметом острых общественных конфликтов. Это представление Запада, ставшее официальным во время перестройки, было большой акцией психологической войны, подрывающей образ России. Она отрицала сам статус России как самобытной цивилизации, ее видение в человечестве как системы культур и цивилизаций. Люди чувствовали себя русскими, потому что «с небес» было видно: вот Запад, а вот Россия (СССР).

Эту акцию начали уже «шестидесятники». В книге П. Вайля и А. Гениса «60-е. Мир советского человека», которая публиковалась с начала перестройки в журналах, пересказываются мысли И. Эренбурга, которого авторы уподобляют апостолу Павлу. «Спор об отношении к западному влиянию стал войной за ценности мировой цивилизации. Речь шла уже не об историческом месте России на карте человечества... Эренбург страстно доказывал, что русские не хуже и не лучше Запада — просто потому, что русские и есть Запад... То, что хотел сказать и сказал Эренбург, очень просто: Россия — часть Европы... Ну что

может разделять такие замечательные народы? Пустяки», — пишут Вайль и Генис и приводят слова Эренбурга. — «Их разделяют не мысли, а слова, не чувства, а форма выражения этих чувств: нравы, детали быта».

Итак, русским навязывается совершенно новое основание для самоосознания — из него удаляется стержневое положение о самобытности русской культуры. Дескать, между мыслями и чувствами русских и немцев, православных и протестантов, советского и буржуазного мировоззрения нет никакой существенной разницы — так, детали быта (чуть позже скажут, что и быт наш недостойный). Не занимает Россия и никакого особого места «на карте человечества». Когда подобные утверждения стали литься на головы людей в тысячах разных словесных и художественных форм, был ослаблен или разрушен целый важный пучок связей народа и национального сознания. Была разрушена часть фундамента этого сознания, выстроенная с огромными трудами в советский период, о чем писал А.С. Панарин: «В формационных сопоставлениях Россия впервые осознавала себя как самая передовая страна и при этом — без всяких изъяснов и фобий, свойственных чисто националистическому сознанию».

Мощная атака была направлена и на образ России как континент Евразии. Вот, в журнале «Вопросы философии» излагается эта навязчивая идея 90-х годов: «Россия не Евразия, она принадлежит Европе и не может служить мостом между Европой и Азией, Евразией была Российская империя, а не Россия». Как это должны понимать русские — Сибирь не Россия, а часть Российской империи? А Приморье чье будет? Как это должны понимать якуты — они из России изгоняются и места в Европе лишаются? Это типичная идеологическая диверсия, одна из

множества бомб психологической войны против России. Устойчивое восприятие пространства, одна из важнейших «сил созидания» народа, подтачивается.

Образ России как части Запада (явно периферийной), означал разрыв генетической связи с русской культурой начала XX века, разрушал историческую память не только советского периода, но и времен Российской империи. Ее евразийство было принято всеми культурными течениями, кроме либералов-западников. Достоевский в «Дневнике писателя» (1881) писал: «Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!»

Уже на революционной волне обнародовал свой поэтический манифест евразийства Александр Блок — свою поэму «Скифы». Напротив, либералы, беря за идеал устройство Запада, вели к разрушению России как евразийской державы. В случае их успеха (как это и случилось в феврале 1917 г.) их программа обрекала Россию на распад.

Это предвидел П.А. Столыпин и в 1908 г. предупреждал: «Не забывайте, господа, что русский народ всегда сознавал, что он осел и окреп на грани двух частей света, что он отразил монгольское нашествие и что ему дорог и люб Восток; это его сознание выражалось всегда и в стремлении к переселению, и в народных преданиях, оно выражается и в государственных эмблемах. Наш орел, наследие Византии — орел двуглавый. Конечно, сильны и могущественны и одноглавые орлы, но, отсекая нашему русскому орлу одну голову, обращенную на восток, вы не превратите его в одноглавого орла, вы заставите его только истечь кровью».

Критический момент образ России пережил в момент политических игр правящей верхушки РФ с НАТО. В массовом сознании НАТО воспринимался как военный союз Запада в его холодной войне против России (СССР). НАТО объединил огромные ресурсы и заставил нас втянуться в тяжелую гонку вооружений. От НАТО исходила постоянная угроза для русского народа как ядра СССР. Советских людей соединяло возмущение несправедливостью и тупостью этой политики с позиции силы, что усиливало и образ России как общемирового препятствия этой тупости.

В Москве «демократы» заговорили о «европейской цивилизационной идентичности» России, взяли курс на выталкивание из союза среднеазиатских республик, выступали в тесном альянсе с «народными фронтами» Прибалтики. Стали говорить о вступлении в НАТО и его расширении до границ Ирана и Китая как общего у Запада с Россией противника. Как только был ликвидирован СССР, Ельцин в первом же своем послании Совету НАТО 20 декабря 1991 г. заявил: «Сегодня мы ставим вопрос о вступлении России в НАТО, однако готовы рассматривать это как долговременную политическую цель».

Влиятельный политик С. Караганов в статье «У дверей НАТО мы должны оказаться первыми» (1994) доказывал, что РФ надо бороться с Польшей, Чехией и Венгрией за право вступить в НАТО первой. А. Козырев представлял РФ как союзника Запада в назревающем столкновении с исламом, в «совместной защите ценностей» при «продвижении на восток». Он выражался ясно: «Здесь основное бремя ложится на плечи России». При этом НАТО вовсе не стал для русского народа мировоззренчески и нравственно близкой организацией. Сама мысль отдать российскую армию и российское оружие под команду американских генералов разрушала образ России.

Те же самые силы в России, которые тащили ее в НАТО, стали и пропагандистами программы мироустройства, которую США пытаются реализовать под названием глобализации. Это очередная программа ослабления и расчленения незападных национальных государств и втягивания их кусков в периферию Запада. В России большинство населения относится к доктрине глобализации отрицательно, но голос его не слышен, поскольку оно лишено доступа к СМИ.

Каков же исход этого столкновения образов России? В своих главных чертах традиционный образ выдержал удар и снова набирает силу. Ни рвать историческую связь народов, ни пытаться встроиться поодиночке в «Европу» на правах бедного родственника никто из народов России и больших социальных групп не собирается. Представление о России и о самих себе стало жестче. На все попытки заставить русских принять Запад за духовный образец дан ответ в большом опросе 2001 г. Вот как видят люди главные характеристики русского народа (в % от числа опрошенных в каждой возрастной группе):

Характеристики русского народа	Возрастные группы			В целом
	18-24 года	40-49 лет	50-59 лет	
Народ-освободитель	74,2	80,1	79,4	78,9
Созидатель великой культуры	78,4	77,7	80,6	78,2
Народ-строитель	63,8	70,0	71,6	69,1
Защитник народов	60,8	65,8	65,2	63,9

Русский народ — защитник народов! Народ-освободитель! Вот что думают о себе русские, сравнивая себя с Западом. И какое единодушие всех поколений! Это и есть образ России и ее исторической роли в человечестве. На этом направлении ударов психологической войны оборона русских устояла.

Россия изначально сложилась как страна многих народов («многонациональная»). Ядром, вокруг которого собрались народы России, был русский народ, который и сам в процессе своего становления вобрал в себя множество племен. Их «сплавило» Православие, общая историческая судьба с ее угрозами и войнами, русское государство, язык и культура.

Каждая большая страна уникальна и неповторима. И Россия самобытна во всех ее проявлениях. Здесь мы скажем об одном ее творческом открытии — особом типе общежития народов, о ее многонациональной «цветущей сложности». Восточные славяне, соединяясь в русский народ, нашли способ создать на огромном пространстве империю неколониального типа. Беря «под свою руку» новые народы и их земли, эта империя не превращала их в подданных второго сорта, эксплуатируемых имперской нацией. Земли шли в общий котел, а народы принимались в общую семью. Элита этих народов, даже покоренных военной силой, автоматически включалась в дворянство, правящее сословие всей России — и сын имама Шамиля, взятого в плен после долгой и тяжелой Кавказской войны, становился генералом российской армии.

Это — вовсе не военная хитрость и не обычная вещь. Военное сословие Золотой Орды постепенно влилось в офицерство русского войска не за деньги и не из страха. Оно обрусело, для него Россия уже стала их страной. Но так построить государство — надо было много ума и духовной широты. Когда в 70-е годы XIX века происходило присоединение к России Средней Азии (в том числе и с применением военной силы), индийские наблюдатели

вели очень интересные сравнения с тем, как действовала английская администрация в Индии. Полезно бы нам было эти их заметки почитать. Замечали, среди прочего, что в России какой-то генерал — мусульманин, а другой — армянин, и командуют армиями. А «каждый английский солдат лучше дезертирует, нежели согласится признать начальником туземца, будь он хоть принц по крови».

В общем, за пять веков в России был выработан сложный и даже изощренный тип межнационального общежития. Его принципам следовала и верховная власть, и местные начальники, и элита, и сами народные массы — что-то поправляя, что-то обновляя, учась предвидеть и гасить конфликты, находить компромиссы. Чем этот тип отличался от других известных «моделей»? Отличия сразу видны. Здесь не было этнических чисток и тем более геноцида народов, подобных тем, как очистили для себя Северную Америку англо-саксонские колонисты. Здесь не было планомерной ассимиляции с ликвидацией этнического разнообразия (как произошло со славянскими племенами в Германии к востоку от Эльбы). Здесь не создавался «этнический тигель», сплавляющий многонациональные потоки иммигрантов в новую нацию (как в США или Бразилии). Здесь не было и апартеида в самых разных его формах, закрепляющего части общества в разных цивилизационных нишах (мы часто слышали об апартеиде ЮАР, но иммигрантские гетто во Франции — тоже вариант апартеида).

Конструкция, созданная в России, обладала исключительной гибкостью и ценными качествами, которые не раз спасали страну. Но в то же время в ней были источники напряжения и хрупкости, и ими умелые противники пользовались. Например, всю вторую половину XIX века

либеральные западники, а с конца века и марксисты, интенсивно использовали для подрыва легитимности Российской империи и монархического строя идеологическую концепцию России как «тюрьмы народов». Как только монархия зашаталась, подросшая национальная буржуазия стала рвать ее на куски, торопясь их «приватизировать». В этом деле не отставала и элита русских областей (например, Сибири).

В феврале 1917 г. Российская империя, по выражению В.В. Розанова, «слиняла в два дня». Это в большой мере произошло потому, что ее растащили «по национальным квартирам». Было разрушено здание межнационального общежития, рассыпана «симфония народов». Тогда Россию спасло то, что подавляющее большинство населения было организовано в крестьянские общины, а в городах несколько миллионов грамотных рабочих, проникнутых общинным мировоззрением, были организованы в трудовые коллективы. Они еще с 1902 г. начали сборку нового, уже советского имперского народа — обдумывали проект его жизни, в том числе национальной.

Мирного времени не хватило — матрицу для пересборки народа и страны пришлось достраивать в Гражданской войне, когда разные проекты проверялись абсолютными аргументами — с кровью. Как ни гонишь от себя эту тяжелую мысль, но чем больше читаешь материалов тех лет, тем больше склоняешься к выводу, что для строительства народа России в его советском облике нужно было удалить или подавить те силы, которые до революции вели демонтаж имперского русского народа — и ту философствующую интеллигенцию, которая металась между народопоклонством и народоненавистничеством, и ту «ленинскую гвардию», что слишком глубоко погрузилась в марксизм. Первых отправили на пароходе «в Париж», со вторыми обошлись круче.

Историк Г.П. Федотов, в юности марксист и социал-демократ, уехал в Париж своим ходом в 1925 г. Он вспоминал: «Мы не хотели поклониться России — царице, венчанной царской короной. Гипнотизировал политический лик России — самодержавной угнетательницы народов. Вместе с Владимиром Печериным проклинали мы Россию, с Марксом ненавидели ее». (О Печерине мы слышали меньше, чем о Марксе, о нем писал Пушкин: «Ты нежно чуждые народы возлюбил, ты мудро свой возненавидел»).

В советской системе те принципы «семьи народов», на которых собиралась Россия, были укреплены и дополнены важными экономическими, политическими и культурными механизмами. Насколько они были эффективны, показала Великая Отечественная война, в которой впервые все народы на равных выполняли воинский долг.

В советское время продолжился процесс, который шел уже при монархии — формирование большой многонациональной «гражданской» нации с общей мировоззренческой основой, общим миром символов, общими территорией и хозяйством. Но, как любая большая система, нация может или развиваться и обновляться, или деградировать. Стоять на месте она не может, застой означает распад соединяющих ее связей. Если это болезненное состояние возникает в момент большого противостояния с внешними силами (вроде холодной войны), то оно непременно будет использовано противником, и всегда у него найдутся союзники внутри страны — какие-то диссиденты и масоны, сахаровы и курбские. И едва ли не главный удар будет направлен как раз на тот механизм, что скрепляет народы в семью.

Решение перенести главное направление информационно-психологической войны против СССР с социальных проблем на сферу межнациональных отношений было принято в стратегии холодной войны уже в 70-е

годы. Но шоры исторического материализма не позволили советскому обществу осознать масштаб этой угрозы. Считалось, что в СССР «нации есть, а национального вопроса нет».

Антисоветские революции в СССР и в Европе, сходная по типу операция против Югославии в большой мере опирались на искусственное разжигание агрессивной этничности, направленной против целого. Технологии, испытанные в этой большой программе, в настоящее время столь же эффективно применяются против постсоветских государств и всяких попыток постсоветской интеграции.

По советской системе межнациональных отношений были нанесены мощные удары во всех ее срезах — от хозяйственного до символического. Были использованы инструменты всех больших идеологий — либерализма, марксизма и национализма. Вся эта технология — предмет особого разговора, здесь затрагивать его не будем. Главное, что в этой большой операции противникам России удалось произвести два стратегических прорыва.

Во-первых, политизированное этническое сознание нерусских народов в значительной мере было превращено из «русоцентричного» в этноцентричное. Ранее за русским народом безусловно признавалась роль «старшего брата» — ядра, скрепляющего все народы страны. С конца 80-х годов, наоборот, прилагались огромные усилия, чтобы в нерусских народах разбудить «племенное» сознание — этнический национализм, обращенный вспять, в мифический «золотой век», который якобы был прерван присоединением к России. Это резко затрудняет восстановление испытанных веками форм межнациональных отношений, создает новые расколы, замедляет преодоление кризиса из-за нагромождения новых, необычных задач.

Во-вторых, «социальные инженеры», которые сумели настроить национальные элиты против союзного центра и добиться ликвидации СССР, взрастили червя сепаратизма, который продолжает грызть народы постсоветских государств. Та трещина, которая прошла по Украине, говорит о беде, зреющей во многих народах. Ведь соблазн разделения идет вглубь, и даже народы, давным-давно осознавшие себя едиными, начинают расходиться на субэтноты. В России сумели подавить и опорочить державный национализм, который соединяет родственные народности в народы, а народы — в большую нацию. Взамен в массовое сознание «накачивают» этнонационализм, ведущий к разделению или даже стравливанию народов и к архаизации их культуры.

Эта угроза, прямо связанная с операцией по демонтажу советского народа и его ядра — русских, — продолжает вызревать и порождать новые, производные от нее опасности. Она требует изучения и ответственного хладнокровного обсуждения.

НАРОД И ПРАЗДНИКИ

Что же значат праздники в жизни народа? Затронем лишь малую часть темы. Праздник связывает людей, которые за много лет коллективно выработали его образы и символы, в народ. Праздник — всегда коллективное действие, его корень в религиозном взгляде на мир. Это такой момент времени, когда как будто открывается в небесах окошечко, через которое наша жизнь озаряется особым магическим светом. Он позволяет нам вспомнить или хотя бы почувствовать что-то важное и проникнуть взглядом в будущее.

Важным механизмом сплочения людей в такие моменты является *ритуал* — древнейший компонент религии, поныне сохраненный в праздниках. Его первостепенная роль, как выражаются ученые, — укрепление солидарности этнической общности. Ритуал представляет в символической форме действие космических сил, в котором принимают участие все члены народа. Духи предков и боги становятся помощниками и защитниками людей, указывают, что и как надо делать. Во время праздничного ритуального общения преодолевается одиночество людей, чувство отчужденности. Как говорят, «ритуал обеспечивает общество психологически здоровыми членами». При этом ритуал — это та часть культуры, которая обладает ярко выраженными этническими особенностями. Они — специфическое культурное наследие народа. Праздники и их ритуалы, будучи продуктом коллективной творческой работы, в то же время *создают* этот народ, придают ему неповторимые черты.

В момент праздника даже у современного человека оживает чувство *святости* времени, а вещи, связанные с ритуалом праздника, обнаруживают свой символический священный смысл. Это не требуется осознать, об этом не говорят, но праздник, проведенный вместе с близкими за одним столом и вместе с народом за десятками миллионов столов, духовно преображает человека. Праздник мобилизует присущие каждому народу видение *истории* и *художественное* сознание. В празднике оживают события национальной истории, определившие судьбу народа, а следовательно, люди незримо соединяются общими воспоминаниями. В этом смысле к праздникам примыкают дни памяти обо всех событиях, вызывающих коллективные гордость и горечь, радость и сожаление. Возникает духовная структура, занимающая исключительно важное место в центральной мировоззренческой матрице народа.

Отсюда видна прямая связь наших праздников с той главной угрозой для России, о которой мы говорили, — демонтаже нашего народа. Говоря о «шоковой терапии» первых лет реформы, обычно обращают внимание на разрушение хозяйственных и связанных с ними социальных структур. Но едва ли не более важно для нашей темы «молекулярное» действие культурного шока, уничтожавшее «слабые взаимодействия» между людьми, устранение связующего эффекта участия в коллективных действиях, в том числе в праздниках.

Старшие поколения за свою жизнь дважды пережили большие кампании насильственной перестройки «календаря праздников». Это тяжелые испытания. Первая кампания проводилась в 20-е годы «прогрессивной» частью большевиков, которые ставили своей целью демонтировать старый «имперский» русский народ. По мере того, как этот народ объединялся, уже в советской форме, вокруг Сталина, нарастал накал этой кампании, для оппозиции она была уже средством ослабления социальной базы сталинизма.

В 1928 г. была даже начата кампания против встречи Нового года и Рождества с елкой. Поэт Семен Кирсанов писал в «Комсомольской правде»:

Елки сухая розга
Маячит в глазища нам.
По шапке Деда Мороза,
Ангела — по зубам!

Изживалось и праздничное поминовение войны 1812 года. В 1927 г. Главный репертуарный комитет запретил публичное исполнение увертюры Чайковского «1812 год». Победа России над Наполеоном воспринималась как ци-

визитационная катастрофа Запада, Отечественная война России была представлена на Западе как война «реакционного народа» против «республики, наследницы Великой Французской революции». Свернуть всю эту кампанию удалось только после того, как была разгромлена, самыми жестокими методами, «оппозиция» в ВКП(б). Резкий поворот был совершен в мае 1934 г. Вернулись и елка, и увертюра «1812 год».

Но сходные лозунги выбросили «шестидесятники» в короткий момент хрущевской «оттепели». Режиссер Михаил Ромм, выступая 26 февраля 1963 г. перед деятелями науки и искусства, заявил: «Хотелось бы разобраться в некоторых традициях, которые сложились у нас. Есть очень хорошие традиции, а есть и совсем нехорошие. Вот у нас традиция: исполнять два раза в году увертюру Чайковского «1812 год». Товарищи, насколько я понимаю, эта увертюра несет в себе ясно выраженную политическую идею — идею торжества православия и самодержавия над революцией. Ведь это дурная увертюра, написанная Чайковским по заказу. Я не специалист по истории музыки, но убежден, что увертюра написана по конъюнктурным соображениям, с явным намерением польстить церкви и монархии. Зачем Советской власти под колокольный звон унижать «Марсельезу», великолепный гимн французской революции? Зачем утверждать торжество царского черносотенного гимна? А ведь исполнение увертюры вошло в традицию».

Ромм увязал увертюру Чайковского с «советским антисемитизмом», а сегодня израильский историк Дов Конторер увязывает эту увертюру и саму победу России в Отечественной войне 1812 г. с тезисом о «русском фашизме». Он пишет о демарше Михаила Ромма: «Здесь мы наблюдаем примечательную реакцию художника-интерна-

ционалиста на свершившуюся при Сталине фашизацию коммунизма».

Кампания 90-х годов велась (и продолжается) с гораздо более мощными средствами, чем первая, но по своей структуре и методам схожа с ней. Задача разрушения исторической памяти народа соответствует устойчивым философским установкам западников, согласно которым, по словам историка, «время должно быть не хранителем вековой мудрости, не естественным залогом непрерывности традиции, а разрушителем старого и создателем нового мира».

Люди, лишившиеся привычных праздников, выпадают из традиции. Эту цель и преследовала развернутая в перестройке пропаганда *беспочвенности*. аплодисментами встречали философа Г. Померанца с такими советами: «Что же оказалось нужным? Опыт неудач. Опыт жизни без почвы под ногами, без социальной, национальной, церковной опоры. Сейчас вся Россия живет так, как я жил десятки лет: во внешней заброшенности, во внешнем ничтожестве, вися в воздухе... И людям стало интересно читать, как жить без почвы, держась ни на чем».

Идеал беспочвенности и есть та кислота, которая разъедает связи, соединяющие людей в народ. Правители, стремящиеся сохранить и укрепить эти связи, даже при самых радикальных реформах сохраняют и старый пантеон священных символов, и старый календарь праздников — дополняя и осторожно обновляя его. Вводя на Руси православие, не стали запрещать языческий праздник масленицы, сохранили ритуалы и других старых праздников, включив их в порядок новых. Это — разумный подход царей и президентов, берегущих свой народ.

У нас же с 1991 г. был начат настоящий штурм символического смысла праздников, которые были приняты и

устоялись в массовом сознании народа. Вот 7 Ноября, годовщину Октябрьской революции, Ельцин постановил «отныне считать Днем Согласия». Какая пошлость, оскорбляющая чувство и достоинство людей. Ведь революция — трагическое столкновение, а не день согласия. Русская революция — великое событие, повернувшее ход истории. Это великое событие с одинаковым волнением отмечал весь народ, независимо от того, на какой стороне баррикады были деды и прадеды. Так же отмечают 14 июля, годовщину своей революции, французы. И сама мысль отменить во Франции этот праздник показалась бы там чудовищной и глупой. У нас, как известно, этот «красный день календаря» отменили. Да еще предложили по праздновать нечто 4 ноября. Мол, какая разница — выпьете водки на три дня раньше. Плюнули людям в душу, да еще стравили людей. Ладно...

Массовое сознание советских людей приняло праздник 23 Февраля, он давно уже утратил первоначальное политическое значение и стал общенародным праздником (в паре с 8 Марта). Но в ритуале этого праздника обязательным было шествие ветеранов, стариков-военных. И вот к этим-то старикам была применена демонстративная жестокость в самой примитивной форме — массового показательного избиения на улицах Москвы 23 февраля 1992 г.

Газета «Коммерсант» (1992, № 9) так описывает ту операцию: «В День Советской Армии 450 грузовиков, 12 тысяч милиционеров и 4 тысячи солдат дивизии имени Дзержинского заблокировали все улицы в центре города, включая площадь Маяковского, хотя накануне было объявлено, что перекроют лишь Бульварное кольцо. Едва перед огражденной площадью начался митинг, как по толпе прошел слух, будто некий представитель мэрии сообщил,

что Попов с Лужковым одумались и разрешили возложить цветы к Вечному огню. С победным криком «Разрешили! Разрешили!» толпа двинулась к Кремлю. Милицеские цепи тотчас рассеялись, а грузовики разъехались, образовав проходы. Однако вскоре цепи сомкнулись вновь, разделив колонну на несколько частей». Разделенные группы ветеранов были избиты дубинками, и это непрерывно показывали по Центральному телевидению.

Газета добавляет: «К могиле Неизвестного солдата не были допущены даже делегации, получившие официальное разрешение: Совета ветеранов войны и Московской федерации профсоюзов». Одновременно ряд СМИ провели кампанию глумления над избитыми. «Комсомольская правда» писала «сочувственно»: «Вот хромает дед, брэнчит медалями, ему зачем-то надо на Манежную. Допустим, он несколько смешон и даже ископаем, допустим, его стариковская настырность никак не соответствует дряхлеющим мускулам — но тем более почему его надо теснить щитами и баррикадами?»

А сколько приложено усилий, чтобы вытравить смысл 1 Мая — праздника, очень любимого народом. Реформаторы решили изъять из памяти людей само понятие солидарности трудящихся, велели называть 1 Мая «Днем весны и труда». Какая пошлость! Это — никакой не День весны и труда, а особый праздник трудящихся, их ежегодный крик о солидарности. Праздник стал всемирным потому, что в основе его была пролитая кровь — сила мистическая, не сводимая ни к идеологии, ни к экономическим интересам. Все это прекрасно изучено, и ни один режим на Западе не посягает на этот праздник. В этот день улицы и площади отдаются красному флагу. А демонстрации в этот день имеют характер процессий. Любое правительство, которому взбрело бы в голову запретить, а тем более

разогнать первомайскую демонстрацию, было бы устранено назавтра же — причем по инициативе правых партий и самих капиталистов. И, зная все это, Ельцин отдает приказ об избиении демонстрации 1 Мая 1993 г.

Тогда в Москве устроили «анти-праздник», наподобие черной мессы. Поражал сам вид кордонов вокруг отведенного для демонстрации места. С трех сторон маленького пространства — сверкающие на солнце щиты и каски, баррикады из грузовиков, множество машин для перевозки арестованных, свирепые немецкие овчарки. И на глазах этой надменно-враждебной силы людям было «разрешено» провести исполненный большого для них смысла ритуал. Это был садистский удар по подсознанию людей, безусловно преступная акция власти. Мой знакомый (кстати, видный предприниматель), рассказал мне назавтра, как, нарядно одетый, он вышел из метро «Октябрьская» и испытал потрясение, увидев эти легионы с овчарками. Он обошел этот строй и не выдержал — заплакал. «Ничего не мог поделать, — рассказывал он. — Текут слезы, и все. И уехал». Человек, кстати, очень крепкий.

Способом убийства праздников была и профанация, неявное издевательство. Религиозное сознание понесло урон от той пошлости, с которой «возвращали религию» бывшие работники идеологических служб КПСС. Американская журналистка М. Фенелли, которая наблюдала перестройку в СССР, подмечает: «По дороге в аэропорт Москва подарила мне прощальный, но впечатляющий образ лжи, которым проникнуто все их так называемое «обновление»: кумачовые плакаты с лозунгом «Христос во истину воскрес!» Сперва думаешь, что перед тобой какая-то новая форма атеистического богохульства...». А разве не профанацией было устройство концерта поп-музыки на Красной площади именно 22 июня 1992 г.? И чтобы

даже у тугодума не было сомнений в том, что организуется святотатство, диктор ТВ объявил: «Будем ганцевать на самом престижном кладбище страны».

Ученые-гуманитарии кинулись изобретать методы профанации советских праздников. Д.А. Левчик с философского факультета МГУ (!) в академическом журнале дает власти рекомендации. Вот как видит философ возможности *испоганить* людям праздник: «Доказать, что место проведения митинга не «святое» или принизить его «священный» статус; доказать, что дата проведения митинга — не мемориальная, например, развернуть в средствах массовой информации пропаганду теорий о том, что большевистская революция произошла либо раньше 7 ноября, либо позже; нарушить иерархию демонстрации, определив маршрут шествия таким образом, чтобы его возглавили не «главные соратники героя», а «профаны». Например, создать ситуацию, когда митинг памяти жертв «обороны» Дома Советов возглавит Союз акционеров МММ».

Этот интеллектуал понимает смысл того, что советует: «Профанация процедуры и дегероизация места и времени митинга создает смехотворную ситуацию... Катализатором профанации может стать какая-нибудь «шутовская» партия, типа «любителей пива». Например, в 1991 г. так называемое «Общество дураков» (г. Самара) профанировало первомайский митинг ветеранов КПСС, возложив к памятнику Ленина венок с надписью: «В.И. Ленину от дураков». Произошло столкновение «дураков» с ветеранами компартии. Митинг был сорван, а точнее превращен в хэппенинг» (СОЦИС, 1995, № 11). Такова мораль их «гражданского общества».

Примерно так же профанируют и самый главный праздник, который пока что скрепляет подавляющее боль-

шинство народа — День Победы. Философ Л.Д. Гудков, доктор наук, руководитель отдела Центра Юрия Левады и пр., определяет смысл этого праздника так: «Это самое значительное событие в истории России, как считают ее жители, опорный образ национального сознания... Победа торчит сегодня как каменный столб в пустыне, оставшийся после выветривания скалы».

Поэтому этот праздник и стал объектом ударов в психологической войне. Гудков объясняет: «Победа стягивает к себе все важнейшие линии интерпретаций настоящего, задает им масштаб оценок... [Она дала] огромному числу людей свой язык «высоких коллективных чувств», язык лирической государственности». Поэтому ему ненавистен праздник Победы. Надо быть просто свиньей, чтобы ехать на симпозиум в Германию и говорить такие слова о празднике 60-летия Победы: «Это будет принудительная имитация коллективной солидарности с властью, не имеющей ничего за душой, кроме казенного полицейского патриотизма и политического цинизма».

А нам надо праздновать наши праздники и думать о том, как загнать это свинство в цивилизованные рамки. Рамки, определенные нашей цивилизацией.

СВЯЗНОСТЬ СТРАНЫ И НАРОДА

Кризис, в который втянулась Россия в конце XX века, называют системным. Это значит, что повреждены все системы страны, она больна. Едва ли не главная опасность, порожденная болезнью, — возможный распад страны. Это всегда — общее бедствие и источник массовых страданий народа. Старшие поколения помнят, как «бригада Горбачева» у власти развалила СССР. Ее дело продолжила

«бригада Ельцина», который ездил по регионам и уговаривал: «Берите суверенитета, сколько проглотите». Силы, которые за ними стояли, никуда не делись, и для них Россия — такая же империя, как СССР, только поменьше. Цель развала России с повестки не снята, и работа не прекращается. Каковы перспективы?

Общее правило гласит: большие системы или развиваются и укрепляются, или хиреют и распадаются, покоя им нет. Нынешняя Россия (РФ) — система переходная, в неустойчивом равновесии. В ней сегодня одновременно идут процессы распада и укрепления. Куда качнутся весы — зависит и от власти, и от всех нас. Подавляющее большинство, конечно, старается укрепить страну. Для этого полезно взглянуть на дело хладнокровно.

За последние годы сделано два больших шага — укреплена центральная власть и в основном потушен опасный очаг в Чечне. Это достижения на двух участках большого фронта. А на остальных? Перечислим главные источники опасности и посмотрим, угасают ли они. Пройдем по главным скрепам, которые соединяют людей и земли в страну, а также по «механизмам», которые эти скрепы производят, обслуживают, ремонтируют. В каком состоянии все это хозяйство?

Создатель и «держатель» страны — народ. Первое условие прочности страны — соединение ее населения в народ многообразными связями. Главных типов таких связей можно выделить около сотни, объединить их в десяток «пучков». В духовном плане соединение в народ значит наличие общего культурного ядра (мировоззрения, понятий о добре и зле), общего образа «благой жизни». В плане земном — общий для народа реальный образ жизни, принадлежность к одному типу цивилизации. Иными словами, не слишком большое расслоение по до-

ступности основных благ — как в социальном плане (между группами и классами), так и в национальном (между народами и народностями России).

Тут и таится первая и главная опасность для России — продолжается демонтаж народа, хозяина страны. Эта операция, проведенная против советского народа, была для противника успешной и позволила ему расчленить СССР. До сих пор не может опомниться от радости. Но эта операция вовсе не прекращена в РФ. Народ извлек некоторые уроки, сопротивляется, но стихийно. Государство почти не помогает, а то и подливает масла в огонь.

Народ России раскалывают и дробят во всех планах и измерениях, тут тенденция неблагоприятна. Совесть народа так оплевали и осмеяли, что она ушла в катакомбы и там переживает смутное время. Значит, рассыпано скреплявшее нас общее культурное ядро. Результат — динамика смертности и рождений, разбоев и ограблений, ход призыва в армию. Мы вышли из советского времени, а наши отцы и деды — из крестьянской России. 95% их тяжело работали, совершили немыслимый труд, погибали на фронте, построили все то, чем мы сегодня живы. Эта жизнь выработала у них стойкие представления о долге, правах и справедливости.

Сегодня власть у людей другого типа — «новых русских». Они сумели приватизировать все, вплоть до нашего сознания. Их господство над информационным пространством почти тотально. По-детски счастливые, они стали глумиться и издеваться над всем, что нам казалось добрым и красивым. Я старый человек, эмоциям воли не даю. Я просто фиксирую, что с телеэкрана на меня ежедневно льется поток оскорблений, стараются уязвить побольнее, с садизмом. Может, это надо перетерпеть, а по-

том все наладится? Это зависит от того, получилось ли у этой «элиты» собрать народ на новой духовной матрице.

Нет, не получилось, и сама проблема эта снята с повестки дня. Да, появились богатенькие, которые возомнили себя солью земли и для бодрости считают остальных быдлом и неудачниками. Но это сравнительно небольшая группа, и их жаль — ушиблены реформой, впали в вульгарный социал-дарвинизм. Главное, не убедили большинство людей ни Гайдар с Чубайсом, ни Абрамович с Дерипаской, ни Познер со Сванидзе в том, что их мораль и принципы жизни справедливы и благородны. Посмотрели мы на них и так, и эдак, и все с ними ясно. Пустота и творческое бессилие. Это не строители, с ними Россию ждет тупик, а дальше — падение в пропасть.

В таком положении слаба легитимность государства. Нет у людей уверенности, что оно обеспечивает выживание народа. ВВП, финансовые активы, конкуренция — все это слабые связи. Даже более того, у многих зреет ощущение, что они лично при таком устройстве страны не нужны и даже нежелательны. Нас все время попрекают, что мы много жжем электричества, много тратим топлива на обогрев наших жилищ, загрязняем атмосферу — тяготит это новых хозяев жизни. В.В. Путин нас успокаивает, и ему за это благодарны. Но высокий рейтинг президента при общем недоверии к правительству — признак плохой.

В статье не представить всю карту расколов и трещин, которые пошли по душе народа, но эта карта есть, и от вида ее содрогнешься. Судя по всему, заделывать эти трещины и «ремонттировать» духовную сферу власть не собирается. Может, кто-то, еще более властный, ей это запрещает? Остался у нас один скрепляющий почти всех символ — Великая Отечественная война. И то, к каждому

9 Мая на бюджетные деньги успевают выпустить пару фильмов, поливающих грязью этот образ.

Если опуститься на грешную землю, то тут положение проще и грубее, но особых сдвигов к лучшему не видно. В период «бури и натиска» 90-х годов народ раскололи, как топором, на два расходящихся мира — патологически богатых и столь же патологически бедных. Это было настолько несправедливое и противное разуму разделение, что надо удивляться, как вся эта безумная социальная конструкция еще держится. Бедной стала самая квалифицированная и самая работающая часть населения, а наверх, в общем, поднялось «дно» советского общества. Еще говорят: ах, как жаль, что у них нет протестантской этики. Какая там протестантская! Что у них вообще есть? Получили в собственность нормально работающую экономику, вторую в мире по мощности — и практически угробили ее.

Ограбили большинство, но ведь и награбленного не пустили в дело — накупили себе вилл и яхт, обжираются самым позорным и примитивным образом. У какого разбитого корыта мы останемся, когда они, наконец, отвратятся от России, как сытые пиявки? Олигархи получили разведанные, обустроенные и налаженные месторождения нефти. Все было в порядке — и кадры, и оборудование. Знай, качай нефть и гони ее на ненасытный мировой рынок! И что же? За десять лет реформ они ухитрились снизить производительность труда в четыре с лишним раза. В 1988 г. на одного работника, занятого в нефтедобыче, приходилось 4,3 тыс. тонн добытой нефти, а в 2001 г. 0,97 тыс. т. Хищник умелым хозяином не станет — вот в чем тут дело. Ведь снимают с месторождений сливки, безвозвратно оставляя в земле 2/3 нефти. И власть хочет, чтобы мы признали их за законных хозяев национально-

го богатства! Не бывать этому — вот и основание для раскола.

Нам говорят о быстром развитии российской экономики в последние годы. Из чего же это видно? Что построили за эти годы, какие великие «стройки капитализма» завершили? Отверточное производство «Форда-фокуса»? Если взять реальную экономику, то она растет медленнее, чем в годы перестройки — а ведь тогда нас уговорили сломать нашу экономическую систему из-за низкого темпа роста. Посыпалась на нас манна небесная — нефтедоллары, — но где же восстановительная программа? Нет ее, а ведь брешь в экономике за 90-е годы — побольше, чем от войны. Ее явно не собираются закрывать. Деньги идут на ледяные дворцы в Сочи, а в Архангельске теплосети уже не поддаются ремонту.

Не надо говорить о ВВП — надо смотреть на натурные показатели. Посевные площади сократились на 42 млн. га, а поголовье крупного рогатого скота — в три раза. У нас его теперь намного меньше, чем в 1916 г.! Замечательно, что у нас есть приоритетный национальный проект в животноводстве, но сравнима ли эта капля с масштабами провала 90-х годов? А сколько у нас тракторов осталось? А торговый флот, который сократился в 4 раза? А как стареет оборудование промышленности? А кто будет работать на заводах, когда умрут пенсионеры? В ПТУ теперь учатся на официантов.

Какое может быть развитие, если в РФ остается для собственного потребления 0,8 т нефти на душу населения — меньше трети того, что мы имели до реформы? Энергетическая держава — это, иными словами, сырьевой придаток. Ведь нефть и газ не производятся, а извлекаются из кладовых России. Их «тащат из семьи». Да и Запад предупредил, что сокращение поставок нефти из

РФ будет рассматриваться как военные действия против стран НАТО. «Наш ответ Чемберлену» таков: не извольте беспокоиться!

Почему это важно для нашей темы? Потому, что без восстановления полноценного народного хозяйства население России не прокормится от Трубы. Значит, большую его часть так или иначе оттеснят в гетто, в «цивилизацию трущоб». Это и происходит более 15 лет, а признаков отказа от этой доктрины не видно. Кто же будет держать страну, если именно работающая часть переселится в трущобы? Брокеры и дизайнеры? Да они бачок своего унитаза починить не смогут.

Если считать народ человеческой ипостасью страны, то она уже сейчас расчленена — большинство ведет иной образ жизни, нежели 20—30% «зажиточных», живет в иной цивилизации. Когда осознание аналогичного состояния произошло в начале XX века, началась революция. Для большинства населения помещики (1%) и буржуазия (еще 1%) стали «внутренними немцами». И империя рассыпалась, ее пришлось собирать на новых основаниях. Теперь правящие круги умеют революции кастрировать, а значит, будем жить в условиях холодной гражданской войны — психологической и экономической. Небывалый для России размах преступности — одно из выражений этой войны.

Надо признать фундаментальный факт: нынешний тип распределения национального богатства и дохода в России несовместим с длительным существованием страны. Пока он воспринимается как временная аномалия, люди готовы его перетерпеть. Но затем народ разойдется на две уже антагонистические части, их сосуществование станет невозможным. Возможно, большинство угаснет и зачах-

нет, не найдя способа организовать, — но что это будет за страна?

А что мы видим не в социальном, а территориальном измерении? Тот же процесс — регионы расходятся по разным цивилизационным нишам. Связность страны утрачивается просто потому, что уклады жизни людей в разных частях уже не соединяют их. Разница между регионами в среднем доходе на душу в 12 раз означает распад страны, даже если она формально не расчленяется. Да, положение улучшается — в середине 90-х годов разница была почти 16 раз. Но ведь стабилизация происходит на уровне, несовместимом с единством страны. Какова же программа действий государства? Я лично ничего внятного никогда не слышал. Зимняя олимпиада, свободные экономические зоны, куда-то инвестиции... а в Чечне 70% населения — безработные. Какой тип культуры там вырастает? Свяжет ли Чечню со страной Интернет, который там проводят в каждую школу? Это наш национальный приоритет.

Каковы тенденции в техносфере? Ведь эта сфера, созданная человеком, играет важнейшую роль в соединении людей и территорий. Большие технические системы — транспортные, энергетические, информационные, делают организм страны единым, как кровеносная система человека. В целом, мы видим деградацию систем, которые служили всем людям, и оживление той их части, которая обслуживает меньшинство. Слабеет общественный транспорт — укрепляется парк личных автомобилей; в 4 раза сократились авиаперевозки пассажиров внутри России — но взмыли вверх перевозки в дальнее зарубежье; почта стала людям не по карману — но растет Интернет-сообщество. По российским рекам, которые соединяли десятки тысяч деревень и городков, поток пассажиров со-

кратился в 5 раз. Не связывают теперь реки наши села и города. Сколько мы слышим о строительстве дорог — как будто и впрямь у нас строительный бум. Наконец-то! Но ведь в 1991 г. было построено 43 тыс. км дорог, а в 2005 г. — 2 тысячи! И это число все время уменьшается.

Вещь банальная — пространственная связность страны. Но ведь она тает на глазах при разбухании омертвленного Стабилизационного фонда. Что им собираются стабилизировать? Север — часть России? Но морским транспортом на Крайний Север теперь завозят в 7—8 раз меньше грузов, чем до реформы. Рвется артерия, которая связывала западные и восточные районы страны, деградируют северные приграничные территории.

А впереди маячит расчленение Единой энергетической системы, роль которой в интеграции страны важнее финансовых показателей. Но ведь и они резко ухудшатся при уничтожении системной целостности РАО ЕЭС. С такими усилиями СССР создал эту замечательно эффективную систему — и вот свое же государство ее губит. Еще одна важная скрепа страны будет с нее сбита.

Вот другая система — и техническая, и социальная, и культурная. Это школа, «генетический аппарат» национальной культуры. В Новое время она — один из главных инструментов собирания нации, а значит, и скрепления страны. Она уже в детстве задает будущему гражданину ту мировоззренческую матрицу, которая соединяет людей в народ. Культура России, можно сказать, выстрадала особый тип школы — единую общеобразовательную. Именно эта школа воспитала поколения, которые сделали СССР великой державой, а сегодня с поразительной стойкостью переносят кризис. Эта школа обладала такой интегрирующей силой, что даже спустя 15 лет после развала СССР люди, приезжающие к нам из Средней Азии, оказы-

ваются нам цивилизационно близкими. И вот эту школу с поразительной настойчивостью сейчас стараются изменить так, чтобы она утратила именно свои главные черты — перестала быть единой. Ее превращают в конгломерат каких-то лицеев, гимназий, колледжей с мириадами разных программ и учебников. Это выглядит как сознательная операция по развалу страны.

Еще более наглядно это происходит в системе СМИ. Иногда говорят, что современные нации создал «печатный станок» — прежде всего, центральные газеты, позволяющие одновременно на всей территории страны давать людям пакет важной для всех информации. Реформа первым делом ликвидировала эту «скелетную» систему, превратив главные газеты в торговцев, конкурирующих на рынке. Кроме того, был сразу резко сокращен доступ основной массы населения к газете — разовый тираж газет на душу населения сократился в России в 7 раз.

Но главное, газеты, якобы подчиняясь диктату рынка, стали нагнетать информацию, углубляющую все трещины и расколы, возникшие в обществе. Особенно это касается межнациональных отношений. Тут, как выражаются социологи, в СМИ господствует «язык вражды». В одном и том же номере науськивают подростков на «лиц кавказской национальности» — и представляют спровоцированных подростков «русскими фашистами».

Все это вещи известные. Но они как будто не касаются ни государства, ни политических партий. Я пробую представить себе, где все эти вещи могут по-деловому обсуждаться в целом, как система, как общая проблема укрепления связности страны. И я не вижу никаких следов подобных обсуждений, концепций и доктрин. Они не выходят в научную печать, не просвечивают в выступле-

ниях или хотя бы в частных разговорах. Как будто наложен какой-то запрет на обсуждение и даже размышления, касающиеся первейшей обязанности государства.

А для обсуждения таких проблем «внизу» люди лишены минимальных возможностей — нет теперь ни собраний трудового коллектива, ни очередей, ни ночевок у костра. Надо плести какие-то новые информационные сети.

АТАКА НА ЦЕННОСТИ И ДЕМОНТАЖ НАРОДА

И в царской, и в советской России русский народ пребывал в форме идеократического общества. Это общество хрупкое. Достаточно, чтобы в массовом сознании возникла мысль «*живем не по правде*», и легитимность всего жизнеустройства резко ослабляется. Мысль «живем не по правде», то есть «следуем ложным ценностям», может быть внедрена противником в ходе психологической войны, если внутри страны он имеет влиятельных пособников. Так оно и произошло в СССР, а в 1917 г. обрушенную Российскую империю успела подхватить и спасти советская революция.

Атака на ценности — прелюдия к любой войне. Цель этой атаки — ослабить связность народа, лишить его коллективной памяти, общего языка и системы координат, в которой он различает добро и зло. В пределе — демонтировать ту центральную мировоззренческую матрицу, на которой собран и воспроизводится народ. Если это удастся, народ рассыпается, как куча песка. В начале XX века ядро этой матрицы удержали русские общинные крестьяне и родственные им рабочие. Они и «собрали» русский народ уже на обновленной, советской матрице. Сюда же подтянулись и народы исторической России.

В 60—80-е годы такой сплоченной общности, как общинные крестьяне, не оказалось, и в момент духовного кризиса смены поколений и образа жизни взял верх альянс геополитических противников России, нашей антисоветской интеллигенции и воров. Скорее всего, взял верх на время — творческого импульса в этом альянсе нет.

Мировоззренческой основой советского строя был **общинный крестьянский коммунизм**, «прикрытый тонкой пленкой европейских идей — марксизмом». Это понимали и большевики, и марксисты-западники (меньшевики), которые видели в этом общинном коммунизме своего врага и пошли на гражданскую войну с ним в союзе с либералами. Своим врагом его считали и большевики-космополиты (вождем которых был Троцкий). Это течение было подавлено в период сталинизма, но в 60-е годы вновь вышло на арену, и влияние его стало нарастать в среде интеллигенции и нового молодого поколения. Поэтому перестройка — этап большой русской революции XX века, которая лишь на время была «заморожена» единством народа ради индустриализации и войны. Сознательный авангард перестройки — наследники троцкизма и, в меньшей степени, либералов и меньшевиков.

Утверждение, что советский народ является «неправильным», стало с 1986 г. официальной установкой, и вскоре было заявлено даже, что перестройка является **революцией**, то есть ставит целью радикальное изменение мировоззрения. Перестройка нанесла по культурному основанию народа мощный удар и в большой мере разрушила его. Используя введенный в 70-х годах термин, можно сказать, что в 90-е годы мировоззренческая матрица народа представляла собой *ризому* — размонтированную среду без матричной иерархии, среду «тотальной равно-

значности», лишённую «образа истинности». Это утрата связной картины мира и способности к логическому мышлению, выявлению причинно-следственных связей.

Антрополог Конрад Лоренц писал о жертвах таких диверсий в сфере ценностей: «Во всех частях мира имеются миллионы юношей, которые потеряли веру в традиционные ценности предыдущих поколений; эти юноши стали беззащитными против внедрения в их сознание самых разных доктрин. Они чувствуют себя свободными, потому что отбросили отцовские традиции, но невыносимым образом не замечают, что, воспринимая сфабрикованную доктрину, они отбрасывают не только традиции, но и всякую свободу мысли и действия».

Какие части центральной мировоззренческой матрицы советского (прежде всего русского) народа понесли самый тяжёлый урон? Прежде всего, *самосознание*. Была проведена кампания по представлению СССР (на деле, исторической России) как неправильной страны. Жизнь в России была официально лишена смысла, самоуважение человека было подорвано. На короткое время людей увлекли идеей «возврата в человеческую цивилизацию», но в эту идею было встроено устройство саморазрушения. Осталась идея *беспочвенности*, что вела к мировоззренческому хаосу и ослаблению всех общественных связей, включая национальные.

Крайне жесткое, во многих отношениях преступное, воздействие на массовое сознание имело целью разрушение культурного ядра народа, его систему ценностей. Изменения такого масштаба уже не подпадают под категорию *реформ*, речь идет именно о революции, когда, по выражению Шекспира, «развал в стране и все в разъединенье».

Хайдеггер сказал: «Человеческая масса чеканит себя по типу, определенному ее мировоззрением». Беды, которые переживает сейчас Россия, вызваны тем, что господствующее меньшинство применяет чужой, западный чекан, чтобы отштамповать им русских. Это наносит народу тяжелые травмы, сводящие на нет шансы реформы на успех. В стремлении «переделать» народ правящая элита РФ проявила мессианское упорство, которого не наблюдалось у реформаторов Японии, Китая, Индии. Поразительно, что даже с опытом XX века, имея доступ к результатам развитой антропологии и этнологии, российский правящий слой проявляет крайнее невежество в отношении России как этнической системы.

Предпринятое в психологической войне разрушение ценностей было направлено абсолютно на все части мировоззренческой матрицы — целью было действительно уничтожение народа как системы, замена его «новыми русскими», тем «демосом», который получал власть и собственность. Лишенные доступа к жизненным ресурсам вымирающие «старые русские» должны были замещаться более покладистыми иммигрантами.

В системе ценностей можно выделить примерно сотню таких установок, которые прямо служат связями, соединяющими людей в народ. Их для удобства можно собрать в десяток «пучков» и рассматривать по блокам — как *силы созидания народа*. Это язык и религия, ландшафт и хозяйство, школа и наука, армия и искусство, нравственность и стереотипы человеческих отношений. И многое другое — все проникнутое ценностями, специфическими для русской культуры.

Реформа 90-х годов мыслилась как смена *типа цивилизации*. Советник Ельцина философ А.И. Ракитов говорил откровенно: «Трансформация российского рынка... в

рынок современного капитализма требовала новой цивилизации, новой общественной организации, а следовательно, и радикальных изменений в ядре нашей культуры». Радикальные изменения в ядре национальной культуры и есть демонтаж народа. В нашем случае речь шла о замене русского народа каким-то иным, условно названным «новыми русскими».

Ракитов сетует на то, что советская Россия есть *цивилизация*: «Было бы очень просто, если бы переход к этой [западной] цивилизации и этому рынку осуществлялся в чистом поле. Ведь переход от нецивилизованного общества к цивилизованному куда проще, чем смена цивилизаций. Последнее требует иного менталитета, иного права, иного поведения, требует замены деспотизма демократией, раба — свободным производителем и предпринимателем, биологического индивида — индивидом социальным и правовым, т.е. личностью. Подобные радикальные изменения невозможны без революции в самосознании, глубинных трансформаций в ядре культуры».

Для любого народа является экзистенциальным врагом тот, кто стремится разрушить ядро его национальной культуры, демонтировать ее ценностные основания, рассыпать мировоззренческую матрицу, на которой собран и воспроизводится народ. Кто-то может этого не осознавать, кто-то решает врагу прислуживать, но это — детали, существенные на уровне личностей. А на уровне общности, народа как целого вся рать профессоров, поэтов и клоунов, которая с середины 80-х годов оплевывала, фальсифицировала и осмеивала главные ценности русской культуры, есть коллективный смертельный враг русских.

Конечно, война у нас холодная, отношения политкорректные, русские умирают не от бомб, а от тяжелого всеобщего стресса, переживая «время гибели богов». Но на-

звать вещи своими именами все-таки надо. Пусть «архитекторы и прорабы» не питают особых иллюзий. Самый разумный выбор для этих отщепенцев — вернуться к преданному ими народу и потрудиться для того, чтобы, насколько возможно, возместить ущерб, нанесенный их разрушительными действиями в сфере сознания.

Сейчас, когда страсти слегка улеглись, началась работа по систематизации и анализу огромного массива текстов (в широком смысле слова), посредством которых велось разрушение ядра русской культуры. Структурирование этого массива, в общем, отвечает той системе связей, которые и формируют этничность, согласно современным представлениям антропологии (в рамках концепции конструктивизма). Однако надо отметить особое внимание, которое «агрессоры в сознание» уделяют двум ценностным блокам — представлениям русских о богатстве и бедности (и, соответственно, о человеческих отношениях в этой плоскости); представлениям русских о правильном общежитии народов (о «семье народов»). Иными словами, речь идет о ценностях социальных отношений и национальных отношений.

Эти ценности, сложившиеся в Российской империи и «дозревшие» в Советском Союзе, были подвергнуты репрессиям со стороны перестроечно-реформаторской элиты. Для ведения психологической войны ей была предоставлена сначала идеологическая машина КПСС, а теперь унаследованная от КПСС олигархами и властью «рыночно-бюрократическая» идеологическая машина. Свою войну с ценностями репрессированного большинства эта элита ведет с поразительным культурным садизмом, и рано или поздно военные преступники предстанут перед трибуналом какого-то рода.

Стоит также отметить, что «оккупанты культуры», составляющие в России в численном отношении ничтожное меньшинство, вынуждены, конечно, нанимать и множество рядовых исполнителей, делающих свою работу просто из-за куска хлеба. Это удел побежденных, тут нет ничего необычного. Сложнее дело с теми искренне уверовавшими в «новые ценности», которые наносят травмы своему народу по невежеству, не ведая, что творят.

Они действительно не понимают, что система ценностей и традиций — это очень плотная ткань. Она плохо изучена, и полуобразованный самонадеянный интеллеktуал, по тупости своей берущийся «исправлять» эту ткань и выдергивать из нее «неправильные» нити, может нанести ей непоправимый ущерб. Конранд Лоренц писал, что такой придурок не посмеет вытащить из телевизора и выбросить какую-нибудь деталь, но без всяких сомнений будет разрушать «устаревшие ценности и пережитки», пытаясь вставить на их место другие, прогрессивные. По словам Лоренца, при таких операциях совесть в человеке может угаснуть, как пламя свечи.

В антропологии существует фундаментальное правило: сохранение народа (этнической общности) достигается лишь при определенном соотношении устойчивости и подвижности. Непосредственная опасность гибели таится в избыточной подвижности, которая нередко возникает после периода застоя. Один из крупнейших антропологов второй половины XX века А. Леруа-Гуран пишет: «Народ является самим собою лишь благодаря своим пережиткам».

Не менее важна для нас другая мысль Леруа-Гурана: именно пережитки («традиция») являются и условием подвижности народа. Это тот фонд, который позволяет

следующему поколению народа сэкономить силы и средства для освоения главных новшеств и ответить на вызов.

Значение традиции как неперменного условия сохранения этноса доказывали антропологи самых разных школ и направлений. Б. Малиновский писал: «Уничтожьте традицию, и вы лишите социальный организм его защитного покрова и обречете его на медленный, неизбежный процесс умирания». Отсюда выводится общее правило **уничтожения** народов: хочешь сгнать с лица земли народ — найди способ системного подрыва его традиций. Российские перестройщики и реформаторы это хорошо усвоили.

Здесь нам необходим низовой ликбез. Русским сегодня нужно усиленно задуматься над тем, что такое народ, как он создается, как он растаскивается на части «предателями Яго», как он сгравливается с другими народами и государством — и по всем этим вопросам спокойно объясниться между собой.

Главный вывод после двадцатилетней войны на уничтожение ядра русской культуры сводится к следующему. «Реформации России», о которой мечтал «архитектор» А.Н. Яковлев, не произошло — далеко ему до Лютера. «Прораб» Ю. Левада незадолго перед смертью с горечью признал, что homo sovieticus не просто уцелел, но и окреп, во многом откатившись от либеральных ценностей в «допетровские времена». Центральная мировоззренческая матрица русского народа выдержала удар, хотя верхние ее слои сильно изуродованы.

Теперь все зависит от того, кто быстрее извлечет уроки из этого «блицкрига» — сами русские или разрушители их культуры. Видимо, скоро начнется вторая кампания этой большой войны. В живой силе у русских большое преимущество, но требуется новое оружие и выучка.

Внимание ведущих политических сил в начавшейся выборной кампании обращено к проблеме сплочения русского народа и российской нации. Я считаю, что на эту проблему надо взглянуть и с особой точки зрения, о которой пока не говорят, — взглянуть на главный разлом, разделивший наш народ.

Мы видим, что по русскому народу прошли трещины и разломы. Люди съежились, сплотились семьями и маленькими группами, отдаляются друг от друга, как разбегаются атомы газа в пустоте. Народ, который в недавнем прошлом был цельным и единым, становится похож на кучу песка.

Но сначала его раскололи на большие блоки — и так умело раскололи, что мелкие трещины прошли и по всем частям. На какие же блоки нас разделили, в каких плоскостях прошли разломы? В двух — социальной и национальной. Это — те плоскости, в которых уложены главные связи, соединяющие людей в народы. Связи общего хозяйства, общей культуры, общей памяти. Для России обе эти плоскости всегда были одинаково важны и связаны неразрывно. Болезни социальные всегда принимали у нас национальную окраску — и наоборот. В обеих этих плоскостях за последние двадцать лет произошли срывы и катастрофы.

Сегодня самым глубоким расколом население России считает деление между *богатыми* и *бедными*. Это надежно установленный социологами факт. Да и без социологов этот разлом видят все — богатые и бедные. Диалог о нем — необходимая тема в национальной повестке дня русских.

Мы должны сформулировать тему на своем языке, идя к ней снизу, от человека. Обратим внимание на ту сторону проблемы, от которой уходят политики. Суть ее такова: по достижении критического порога в разделении богатых и бедных (в расслоении социальном) это разделение смыкается с разделением на русских и нерусских. Расслоение социальное становится и расслоением на разные народы. И тогда образуется пропасть, навести мосты через которую становится уже очень трудно.

Речь идет о том, что одним народом ощущают себя люди, ведущие совместимый, понятный всем частям народа образ жизни. Иными словами, социальное расслоение народа не может быть слишком глубоким. Когда оно достигает «красной черты», разделенные социально общности начинают расходиться по разным дорогам и приобретают черты разных народов.

Такое наложение и сращивание этнических и социальных признаков — общее явление. *Этнизация* социальных групп — важная сторона политических процессов. Сходство материального уровня жизни ведет к сходству культуры и мировоззрения, отношения к людям и государству, моральных норм. Напротив, возникновение резкого отличия какой-то группы по материальному положению, по образу жизни, отделяет ее от тела народа, делает членов этой группы отщепенцами или изгоями.

В России социальный разлом в XIX веке в конце концов «рассек народ на части» — вплоть до Гражданской войны, начавшейся с крестьянских волнений 1902 г. Крестьяне воевали со своими соплеменниками-помещиками как с иным, враждебным народом. Классовое и этническое чувство превращаются друг в друга.

Крестьяне сравнивали помещиков с французами 1812 года. Так, сход крестьян дер. Куниловой Тверской губ. писал

в наказе 1906 г.: «Если Государственная дума не облегчит нас от злых врагов-помещиков, то придется нам, крестьянам, все земледельческие орудия перековать на военные штыки и на другие военные орудия и напомнить 1812 год, в котором наши предки защищали свою родину от врагов французов, а нам от злых кровопийных помещиков».

Как дошли до этого, хорошо известно — отделяться от русских начала элита, богатое меньшинство. Богатые тяготеют к тому, чтобы стать «иным народом» — по-особому одеваются и говорят, учатся в особых школах, иногда в общении между собой даже переходят на чужой язык (как русские дворяне, начавшие говорить по-французски).

А.С. Грибоедов писал: «Если бы каким-нибудь случаем сюда занесен был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он, конечно, заключил бы из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые еще не успели перемешаться обычаями и нравами».

В начале XX века на социальный раскол наложился и раскол мировоззренческий. Такие расколы возникают, когда какая-то часть народа резко меняет важную установку мировоззрения — так, что остальные не могут с этим примириться. Расколы, возникающие как будто из экономического интереса, тоже связаны с изменением мировоззрения, что вызывает ответную ненависть. Одно из таких изменений связано с *представлением о человеке*.

Христианство определило, что люди равны как дети Божьи, «братья во Христе». Отсюда «человек человеку брат» — как отрицание языческого (римского) «человек человеку волк». Православие твердо стоит на этом, но социальный интерес богатых породил целую идеологию, согласно которой человеческий род не един, а разделен, как у животных, на виды. Из расизма, который изобрели, что-

бы оправдать обращение в рабство и ограбление «цветных», в социальную философию Запада перенесли понятие «раса бедных» и «раса богатых». Рабочие тоже считались особой расой. Отцы политэкономии учили, что первая функция рынка — через зарплату регулировать численность этой расы. Возник *социальный расизм*. Потом подоспел дарвинизм, и эту идеологию украсили научными словечками (это «социал-дарвинизм»).

Русская культура отвергла социал-дарвинизм категорически, тут единым фронтом выступали наука и Церковь (этот отпор вошел в мировую историю культуры как выдающееся событие). Но когда крестьяне в начале XX века стали настойчиво требовать вернуть им землю и наметилась их смычка с рабочими, русское либеральное дворянство и буржуазия качнулись от «народопоклонства» к «народоненавистничеству». Будучи западниками, они получили оттуда готовую идеологию и вдруг заговорили на языке социал-дарвинизма. Большая часть элиты впала в социальный расизм. Рабочие и крестьяне стали для нее *низшей расой*.

Элита отошла от православного представления о человеке и впала в социальный расизм. Группа московских миллионеров, выступив в 1906 г. в поддержку столыпинской реформы, заявила в журнале «Экономист России»: «Мы почти все за закон 9 ноября... Дифференциации мы несколько не боимся. Из 100 полуголодных будет 20 хороших хозяев, а 80 батраков. Мы сентиментальностью не страдаем. Наши идеалы — англосаксонские. Помогать в первую очередь нужно сильным людям. А слабеньких да нытиков мы жалеть не умеем».

Тогда же Толстой сделал очень тяжелый вывод: «Вольтер говорил, что если бы возможно было, пожав шишечку в Париже, этим пожатием убить мандарина в Китае, то

редкий парижанин лишил бы себя этого удовольствия. Отчего же не говорить правду? Если бы, пожавши пуговку в Москве или Петербурге, этим пожатием можно было бы убить мужика в Царевококшайском уезде и никто бы не узнал про это, я думаю, что нашлось бы мало людей из нашего сословия, которые воздержались бы от пожатия пуговки, если бы это могло им доставить хоть малейшее удовольствие. И это не предположение только. Подтверждением этого служит вся русская жизнь, все то, что не переставая происходит по всей России. Разве теперь, когда люди, как говорят, мрут от голода... богачи не сидят с своими запасами хлеба, ожидая еще больших повышений цен, разве фабриканты не сбивают цен с работы?»

Основная масса народа долго не могла поверить в расизм элиты, считала его проявлением сословного эгоизма. Ответный расизм «трудового народа» возник только к концу Первой мировой войны, а проявился в социальной практике уже после Февраля 1917 г., летом. После 1916 г. буржуазию и помещиков в обыденных разговорах стали называть «внутренними немцами» — народом-врагом. Вся революция в России пошла не по Марксу — боролись не классы, а части расколотого народа, как будто разные народы. Но к этому привели те, кто считал себя «белой костью». Они стали отщепенцами. Надо бы из их опыта извлечь урок, но сегодня «белая кость» с помощью телевидения сумела обратить гнев сытых как раз на тех крестьян и рабочих, а не на элиту, впадшую в расизм. Видно, на чужих уроках учиться мы еще не научились.

Эта история сегодня повторяется в худшем варианте. В годы перестройки социал-дарвинизм стал почти официальной идеологией, она внедрялась в умы всей силой СМИ. Многие ей поддались, тем более что она подкреплялась шансами поживиться за счет «низшей расы».

Этот резкий разрыв с традиционным русским и православным представлением о человеке проложил важнейшую линию раскола.

В отличие от начала XX века, часть тех, кто возомнил себя «белой костью», а остальных «быдлом», количественно довольно велика, больше и ее агрессивность. Достаточно почитать в Интернете рассуждения этой «расы», чтобы оценить, как далеко она откатилась и от русской культуры, и даже от современного Запада. Мы имеем дело с социальным расизмом без всяких украшений.

Богатые стали осознавать себя особым, «новым» народом и называть себя *новыми русскими*. Но «этнизация» социальных групп, то есть их самоосознание как особых народов, происходит не только сверху, но и *снизу*. Совместное проживание людей в условиях бедности порождает самосознание, близкое к этническому. Крайняя бедность изолирует людей от общества, и они объединяются этой бедой. В периоды длительного социального бедствия даже возникают кочующие общности бедняков, прямо называющих себя «народами», даже получившими собственное имя.

Реформа делит наш народ на две части, живущие в разных цивилизациях и как будто в разных странах — на богатых и бедных. И они расходятся на два враждебных народа. Этот раскол еще не произошел окончательно, но мы уже на краю пропасти.

От тела народа «внизу» отщепляется общность людей, живущих в *крайней* бедности. В результате реформ в РФ образовалось «социальное дно», составляющее около 10% городского населения, или 11 млн. человек. В состав его входят нищие, бездомные, беспризорные дети. Большинство нищих и бездомных имеют среднее и среднее специ-

альное образование, а 6% — высшее. Такого «дна» не было нигде за всю историю человечества.

Отверженные выброшены из общества с демонстративной жестокостью. О них не говорят, их проблемами занимается лишь МВД, их жизнь не изучает наука, в их защиту не проводятся демонстрации и пикеты. Их не считают *ближними*. Так, им отказано в праве на медицинскую помощь. И никто не обращается в Конституционный суд, хотя речь идет именно о конституционном праве, записанном в ст. 41 Конституции РФ. При этом практически все бездомные *больны*, их надо прежде всего лечить, класть в больницы. Больны и 70% беспризорников — дети граждан России и сами будущие граждане. Где в приоритетном Национальном проекте в области медицины раздел о лечении этих детей? Им не нужны томографы за миллион долларов, им нужна теплая постель, заботливый врач и антибиотики отечественного производства — но именно этих простых вещей им не дает нынешнее русское общество со всей его духовностью и выкупленными у Гарварда колоколами. А ведь колокола продавали именно чтобы вылечить тогдашних беспризорников — так кто больше христианин, Наркомздрав 20-х годов или добрый Вексельберг?

Государственная помощь столь ничтожна по масштабам, что это стало символом отношения к бедным. Депутат Н.А. Нарочницкая недавно сказала: «Мы должны из народонаселения стать нацией — единым организмом, в котором возобладает ощущение общности над всеми частными разногласиями». Вот вам частное разногласие: к концу 2003 г. в Москве действовало 2 «социальные гостиницы» и 6 «домов ночного пребывания», всего на 1600 мест — при наличии 30 тыс. *официально* учтенных бездомных. Зимой 2003 г. в Москве замерзло насмерть более

800 человек. Не успело в них возобладать ощущение общности.

И вот выводы социологов: «Всплеск бездомности — прямое следствие разгула рыночной стихии, «дикого» капитализма. Ряды бездомных пополняются за счет снижения уровня жизни большей части населения и хронической нехватки средств для оплаты коммунальных услуг... Бездомность как социальная болезнь приобретает характер хронический. Процент не имеющих жилья по всем показателям из года в год остается практически неизменным, а потому позволяет говорить о формировании в России своеобразного «класса» людей, не имеющего крыши над головой и жизненных перспектив. Основной «возможностью» для прекращения бездомного существования становится, как правило, смерть или убийство».

Сложился и слой «придонья», в который входят примерно 5% населения (7 млн. человек). Принадлежащие к этому слою люди еще в обществе, но с отчаянием видят, что им в нем не удержаться. Вывод социологов в главном журнале Российской Академии наук «Социологические исследования» таков: «В обществе действует эффективный механизм «всасывания» людей на «дно», главными составляющими которого являются методы проведения нынешних экономических реформ, безудержная деятельность криминальных структур и неспособность государства защитить своих граждан».

Это — пропасть, отделяющая от русского народа общность изгоев в размере около 18 миллионов человек — целый народ большой страны. При этом и благополучное большинство в главном перестает быть русскими, потому что признать бедственное положение своих братьев и сограждан как приемлемую норму жизни — значит порвать с русской культурой.

И разделение народа произошло вовсе не потому, что бедные завидуют богатым и хотели бы отнять у них кошельки. Народным достоянием завладела часть общества, начисто лишенная созидательного инстинкта. А человек труда, который обустроивал и содержал страну, втопан в нищету и бесправие. Вот в чем национальная трагедия. Дело в том, что нищета честных трудящихся людей, часто высокой квалификации, есть нестерпимое надругательство над разумом и совестью. Такое состояние разрушает народ. На этом пути нефтедоллары — временная передышка. Они даны нам свыше для проверки — одумаемся ли мы, сможем ли разумно истратить эти шальные деньги?

Есть ли возможность воссоединить две части разорванного народа? Мы считаем, что такая возможность еще есть. Эти части социально разделены, но они еще не стали враждебными расами (классами). Половина богатых сознает, что это их богатство — плод уродливых социальных условий. Как граждане, они тоже считают, что *проиграли* от реформ. Эти люди не стали ни извергами, ни изгоями, они будут работать на восстановление страны. Отщепенцев, которые поклоняются маммоне, среди русских еще немного. Они не решат нашу судьбу, если мы найдем разумное, приемлемое для подавляющего большинства решение.

«НЕПРИЗНАННЫЕ РЕСПУБЛИКИ» — ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

После развала СССР на его территории возникло несколько особых государственных образований, которые называют «непризнанными республиками» — Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия и Приднестровье. Все

они — осколки бывших союзных республик вне РСФСР. Внутри РФ был поднят мятеж в Чечне, и какое-то время существовала «непризнанная республика» Ичкерия, но надолго сохранить этот свой статус не смогла, сил для создания государственности у мятежников не было, даже Сергей Адамович Ковалев не помог. Во всех случаях предыстория этих республик различна, различны и их долгосрочные планы, и характер государственной идеологии. Несмотря на внешнее сходство некоторых черт, рассматривать их надо порознь.

Если речь идет о выработке разумных установок в отношении этих образований для российского общества, то, видимо, первым должно быть стремление избежать военного конфликта с теми странами, которые претендуют на возвращение своего суверенитета над территориями этих республик. Войны были бы огромным бедствием для всех сторон. Так что подталкивать к войне — значит играть на руку тем геополитическим силам, которые заинтересованы в дестабилизации «постсоветского пространства» и затягивании кризиса в России.

Для начала надо не подливать масла в огонь и отказаться от тех определений, которые давались этим республикам. Эти определения часто настолько противоречили здравому смыслу, что возмущали разум людей и наводили на мысль о заговоре тайных врагов. Например, был введен в оборот термин «самопровозглашенные республики» — как определение, косвенно отвергающее право на их существование. Что за бессмыслица! Разве бывают какие-то другие республики?

Разве республика, рожденная Великой французской революцией, не была самопровозглашенной? А Соединенные Штаты Америки, которые решили отделиться от английского королевства? Само слово «республика» (то

есть «общее дело») как раз и предполагает возникновение государства в результате волеизъявления граждан, то есть самопровозглашения — в отличие от монархии. Короля или царя коронует церковь — как помазанника Божьего. В крайнем случае император может учредить марионеточное королевство и провозгласить королем своего маршала (как делал Наполеон). В нашем случае западные СМИ ввели в политический лексикон провокационное выражение, но уж в России-то не следовало бы его применять.

Столь же провокационной является квалификация жителей Приднестровья, Абхазии или Южной Осетии как сепаратистов. Совсем наоборот! Они сопротивляются именно попытке их отделения (то есть сепарации) от тела той большой нации, частью которой они себя осознают. В то же время они сопротивляются их помещению в совершенно иную общность, цивилизационный вектор которой они не принимают. В случае Южной Осетии эта попытка отделения принимает просто скандальные формы — осетин отделяют не только от российской нации, частью которой они себя издавна считают, но даже и от своего этноса, от осетинского народа. При этом Тбилиси пытается заставить их жить в государстве, которое приобретает все более ярко выраженную антироссийскую позицию.

В.В. Путин назвал развал СССР «величайшей геополитической катастрофой XX века». Наши «непризнанные республики» различаются в отношении этой катастрофы. Нагорный Карабах и Ичкерия были использованы как ее инструмент, а другие три — как оплот сопротивления катастрофе. Это большая разница. Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье, находясь в зоне межнационального пограничья, первыми испытали на себе удар этнократи-

ческого национализма, разрушавшего СССР — и их народы первыми осознали, чем это грозит. Это бесценный опыт.

Имея доступ к рычагам власти и СМИ, начавшая раздел СССР республиканская номенклатурная элита подрывала все механизмы, воспроизводящие советский тип межнациональных отношений. Так, во многих республиках была начата борьба против русского языка и алфавита (кириллицы). Один наблюдатель так писал о первой фазе противостояния Приднестровья и Молдавии: «После того как в августе 1989 г. был напечатан проект «Закона о функционировании языков на территории Молдавской СССР», спокойная жизнь на левом берегу Днестра была взорвана. Многонациональный район кожей ощутил опасность... Молдавский язык объявлялся государственным. На его изучение давалось пять лет, после чего все основные взаимоотношения в республике планировалось перевести на язык так называемой коренной нации... Но взволновали не статьи закона, а само его появление на свет».

В советское время административное включение территории в ту или иную республику не оказывало существенного влияния на национальное и культурное самосознание населения. Все были частью большого советского народа, ощущали себя гражданами единого государства, учились в единой школе, служили в одной армии и участвовали в ведении единого народного хозяйства. Но в 80-е годы были сознательно запущены процессы, разрушающие ту сложную систему межнациональных отношений, которая была создана за 200 лет и достроена в советский период. «Прораб» перестройки Нуйкин рассказал, как готовилась война в Нагорном Карабахе именно с целью ввергнуть страну в катастрофу разделения.

Очевидно, что в этот момент каждый народ оказался перед выбором — с какой из расходящихся сторон он желает строить свою будущую жизнь. Это был типичный момент самоопределения народов. Право народов на самоопределение было утверждено в XX веке после полувековых дебатов. Противоречивость этого права в том, что оно входит в конфликт с принципом территориальной целостности государств. В стабильное время компромисс между двумя этими принципами ищется в долгих переговорах, на которых взвешиваются совокупности аргументов обеих сторон. Но в момент «геополитической катастрофы» принцип территориальной целостности не действует. Дело решается или взаимным согласием, или силой. СССР был расчленен вопреки самоопределению народов на референдуме, причем расчленен по линиям, которые фактически не были никакими государственными границами. Литва, которая декларировала «продолжение своей государственности до 1939 г.», отделилась от СССР вместе с городом Вильнюсом и Виленским краем, которые были переданы в состав Литовской ССР лишь после ее вхождения в Советский Союз. Латвия и Эстония отделились, «утащив» с собой почти два миллиона русских. Тогда все решила совместная сила Запада и горбачевской правящей верхушки. И речи не было ни о государственном праве, ни о правах человека.

Наши «непризнанные республики» возникли именно в ходе этой катастрофы, поэтому ссылаться на принцип территориальной целостности «самопровозглашенных» Грузии и Молдовы нет оснований. Это — демагогия самого примитивного толка. Разумный способ разрешить конфликт — согласие и в будущем добрососедские отношения. Тем более, что глобализация резко снижает значение границ для хозяйства и культуры, но повышает значение

добрососедства. Самый неразумный способ — попытаться действовать силой. Общий рецепт в таких случаях — постараться образумить неразумных.

Нам же надо понять аргументы обеих сторон в возникших конфликтах — непредвзято и не превращая в карикатуру никакую сторону. Надо учесть, что разделение СССР резко ослабило связность и тех осколков, которые возникли после его развала. По ряду этих новых государств прошли войны — или между разными этносами (как на Кавказе), или между частями уже, казалось бы, единого народа (как в Таджикистане), или между региональными общностями (как в Приднестровье). В центре РФ мы не так чувствуем, какая принципиальная разница для небольшого народа — быть частью СССР (а ранее Российской империи) — или быть частью их осколка. Абхазия вошла в Российскую империю (потом была частью СССР, пусть и формально в Грузии), но абхазам трудно было примириться с пребыванием в этнократической Грузии, «освободившейся от иностранной оккупации». Никогда в истории абхазы такого выбора не принимали.

Связность Грузии вообще резко ослабла и конфликтом с Абхазией ослабляется еще дальше — в ней возникли доселе неизвестные этносы, возмущающие грузинских националистов («темные апсуйцы», «дикие кударцы»). А жители центральных областей Грузии «не хотят завоевывать Абхазию для мингрелов». Тяготение абхазов, осетин и приднестровцев к России вызвано, прежде всего, желанием стабильного национального бытия, не отягощенного этнократическим давлением малых и крайне возбужденных государств, какими стали Грузия и Молдова. Но важно и то, что тяга к России определяется долгосрочным цивилизационным выбором. Привлекает и мировоззренческая матрица русского народа как ядра России, и боль-

шая культура и язык, через которые братские русским народы включаются в мировую культуру, и тип межнационального общежития, который сложился в России. Все это — большие непреходящие ценности, признанные в мировой цивилизации. И Молдова, стремящаяся в Румынию, и Грузия, предлагающая себя Бушу как «спецназ демократии» — то в Белоруссии, то в Ираке, — от этих ценностей России отказываются. А значит, вернуть в свое лоно республики, связывающие свою судьбу с Россией, они не смогут. Это не конъюнктурная размолвка, а именно расхождение исторических судеб.

Не вдаваясь в детали, хочу все же подчеркнуть отличие Нагорного Карабаха. Тот способ, которым армянское большинство его населения стало воссоединяться с Арменией, был навязан антисоветскими и антироссийскими силами. Это — беда армян, и надо как-то ее изживать. Сама проблема началась как подрывная акция — в ноябре 1987 г. ее поднял академик Аганбегян на приеме во Франции (при этом сослался на свою беседу с Горбачевым, в которой тот якобы сказал, что Карабах будет передан Армении). Это сразу было подхвачено радио «Свобода», «Голос Америки» и др. В Москве эстафету принял Сахаров. В письме Горбачеву он потребовал передачи НКАО в состав Армении и начал кампанию в прессе. На месте конфликта стали действовать агенты иностранных разведок. Как писали, в Нагорном Карабахе боевиками командовал американский офицер-армянин Монте Аво. Он координировал действия войск в Мортунинском районе, погиб и похоронен в Армении как национальный герой.

Такого не было и нет в Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье. Поэтому их борьба и принимается так близко к сердцу в России. Она — часть борьбы за целостность

России, неважно даже, как будут оформлены ее результаты. Армянам Нагорного Карабаха можно сочувствовать, как можно сочувствовать и албанцам Косово — понятно желание воссоединиться со своими соплеменниками. Но во всей нынешней драматической перестройке стран и народов Нагорный Карабах и албанская борьба за Косово идут по другой статье. Хотя при доброй воле все раны со временем можно залечить.

Здесь нам нет смысла обсуждать варианты внешнеполитических решений РФ в отношении трех республик — признавать или не признавать, ругаться с Грузией и Молдавией или не ругаться. Это — вопрос техники и дипломатических хитросплетений. Наше дело — понять, что для нас означают «непризнанные республики». На мой взгляд, они для нас — огромная ценность, данные судьбой зародыши матриц для сборки будущей крепкой и растущей России (о Белоруссии, как другой большей части такой матрицы, надо говорить особо).

Лояльность населения этих «республик» цивилизационному вектору России даже сильнее, чем у значительной части населения РФ, ибо внутри РФ господствует иллюзия ее гарантированного выживания. Мы здесь, под защитой ядерного щита и нефтегазовых сокровищ, не испытали потрясения от той явной угрозы национальному бытию, какой испытали абхазы, осетины и приднестровцы (в последнем случае речь более явно идет не об этнических общностях, а о ячейке именно нации; в случае абхазов и осетин их самоосознание как части большой нации маскируется моноэтничностью). Граждане РФ получают из этих трех точек излучение гражданского национального сознания, которое нам так необходимо.

Горяче-холодная война, которую вынуждены вести эти республики, это не война за выживание, а война за вос-

становление России как семьи народов. Поэтому к ней так равнодушны и друзья, и враги исторической России. И для русских это большая поддержка. Ведь реформа и вызванная ей смута оставила множество людей без опоры, без необходимой полноты человеческих связей. Видеть, что кто-то рядом готов жертвовать жизнью за восстановление этих связей, меняет дело. Трудно переоценить оздоровляющее значение этой стойкости.

Мы здесь должны вести дело так, чтобы власти РФ оказали нашим братьям необходимую поддержку, желательного не сорвавшись при этом в международные конфликты.

ЯЗЫК ИХ — ВРАГ МОЙ

30 марта 2006 года НТВ показало репортаж о первом в российской армии батальоне, сформированном из граждан стран СНГ, набранных по контракту. Обычные для НТВ прибаутки и ерничество приобрели в этом репортаже особенно зловещий характер. Как будто мы вернулись в 1996 г., когда этот телеканал Гусинского не скрывал своей русофобии и ненависти к армии. Тогда военные в Чечне не раз давали репортерам затрещины и разбивали прикладами их камеры. Сейчас у нас, говорят, диктатура закона, и на слово надо отвечать словом. Не ответить нельзя.

Начался репортаж с сенсации: теперь у России, как и у Франции, есть свой иностранный легион. Знающие люди сразу навестили уши. Иностранный легион Франции заслужил дурную славу тем, что туда набирали бежавших из своих стран уголовников, а также ветеранов фашистской армии, которые скрывались от преследования за во-

енные преступления. Этому легиону поручалась самая грязная работа карательного характера во время войны в Алжире и во Вьетнаме. Об этом легионе сняты фильмы, написаны повести. Уподобить батальон нашей армии этому легиону — явная провокация.

Дальше — больше. Репортер НТВ применил к этим военнослужащим термин «иностранные наемники». Это уже открытая злобная выходка. Во-первых, до недавнего времени этот термин обозначал юридическое понятие, которым определялась запрещенная международным правом деятельность. Скорее всего, и в странах СНГ этот термин имеет такой же смысл. К гражданам СНГ он неприменим юридически, поскольку между ними существует договор о коллективной безопасности и соглашения, регулирующие службу по контракту в армиях стран Содружества.

Но главное не в юридической стороне дела. Слова «иностранный наемник» имеют в русском языке совершенно определенный гнусный смысл. Иностранный наемник — антипод воина-защитника Родины. Он по найму, за деньги чужеземных хозяев проливает чужую кровь, часто кровь беззащитных мирных жителей. Этим занимались типичные иностранные наемники («серые гуси») в Африке. Все это прекрасно знали молодчики с НТВ — и кинули шматок грязи в наших солдат.

Неизвестно, о чем они говорили с солдатами за кадром, но, похоже, гадостей наговорили. В кадре солдат по фамилии Сорокин, русский (кажется, с Украины), взволнованно объясняет: «Как это иностранный? Мы же все из одной страны, из СССР. Мы России будем служить и защищать ее, как свою родную страну».

Это до чего же надо дойти, чтобы русского человека, надевшего российскую военную форму и взявшего в руки

оружие, чтобы защищать Россию, московское телевидение назвало «иностранным наемником»! Да хоть бы и не русского. Разве тому узбеку, что промелькнул в репортаже, дед которого, может быть, погиб в Великой Отечественной войне где-то под Вязьмой, Россия — чужая страна? Это «независимое» телевидение, оскорбив этих солдат, оскорбило меня лично. Ладно, запомним.

Да, мы не уберегли историческую Россию, ее на какое-то время расчленили. Это стало катастрофой для большинства из 280 миллионов граждан Советского Союза. Мы за это расплачиваемся и извлекаем уроки. Но непреодолима тяга к сращиванию обрубков, хотя пересборка большой страны наверняка произойдет в каких-то новых формах. Те украинцы, узбеки, казахи и русские (из «зарубежья»), которые пришли служить в российской армии, пройдут в ней хорошую школу, чтобы потом более умело сращивать порванные нити и связи, по-новому сшивать страну. Это и вызывает кое у кого злое чувство.

В коротком репортаже сумели эти деятели озвучить сразу несколько гадких идей. Вот прошипели: «Солдат-контрактников набирают из *гастарбайтеров*». Новые законы не дают нам права подавать в суд, если оскорбили не тебя лично. Тем самым ухудшают положение — ведь из-за этого гроздя гнева набухают сильнее. Какой мерзавец ввел в наш язык это слово — гастарбайтер! Его изобрели немцы, когда стали завозить бесправную и дешевую рабочую силу из Турции. Это слово означало, что временные «гости-рабочие» не имеют в Германии гражданских прав и не должны считать ее «своей» страной. Это слово там применяют, когда хотят подчеркнуть бесправное положение «чужого». Вот за это «чужие», запертые в гетто-предмestьях Парижа, начали помаленьку жечь автомобили «полноправных» обывателей. И нас так же пытаются

стравить! В этих интеллектуалах с НТВ клокочет комплекс Яго.

Потоки временных работников и беженцев в Россию — следствие общей беды. В гетто скучиваются приезжие, в гетто заперты местные подростки — без работы, без учебы, без перспектив. С отчаяния они ищут простой образ врага, на которого излить свою ярость от безысходности. И вот им этот образ подсовывают — мигранты! Происходят трагедии, НТВ улюлюкает: расисты! на каторгу! раздавить гадину! А в другом кадре НТВ подливает масла в огонь: *гастарбайтеры, иностранные наемники!*

На это надо смотреть внимательно.

КУРСОМ РЕФОРМ

СЕГОДНЯ — ЭТО ЕЩЕ НЕ БЕДНОСТЬ

Вопрос поставлен так: «Если мы такие богатые, то почему мы такие бедные?» Надо сначала разобраться с самим вопросом, в нем много ловушек. Что такое «богатые» и что такое «бедные»? Без стандарта сравнения эти понятия не имеют смысла. Устраним главные зоны неопределенности.

Будем говорить лишь о *материальном* благосостоянии. Духовные богатство и бедность — особая материя. Оставим в стороне и такие неоценимые богатства, как наши родные природные условия — простор, реки и моря, золотую осень и снежную зиму, березовые рощи и сибирскую тайгу. Мы этого богатства не замечаем, но отнесем его ценность тоже к духовной сфере. Сравним очень узкую, даже убогую сферу жизни — сферу брюха (что мы едим и пьем) и ту техносферу, в которой обитаем, то есть богатство искусственного мира технических средств (жилище и одежда, транспорт и телевизор, и т.п.).

С кем же мы сравниваем себя? Не будем брать крайние проявления богатства и бедности. Крайности — важная, но особая тема, нам же лучше начинать с самых массивных социальных групп. Будем говорить о благосостоянии главного ядра нашего общества — тех 60% населения, которые не касаются жизни тонкого слоя «богатых», но и не

впали в крайнюю бедность. Эти 60% — довольно однородная социальная общность, она и будет решать судьбу России, если сможет собраться вокруг общего проекта.

С кем мы сравниваем себя в географическом плане? Точно можно сказать, что с Западом. Даже с Японией нельзя сравнивать. Во время перестройки многие наши «бедные» интеллигенты там побывали. Японцы интересовались: «У вас есть квартира? Шестьдесят метров? О! О!» — возгласы восхищения. «У вас есть дача? Шесть соток? О-о!» — возгласы недоверия. Вывод: «Вы очень, очень богатый человек!»

Перегну палку: в советское время по многим признакам мы жили гораздо богаче, чем люди из того же социального слоя на Западе. Я с конца 80-х годов много там бывал, даже жил у приятелей, университетских профессоров, сравнивал их быт со своим. По многим признакам наш интеллигент жил богаче и вольготнее — не требовалось нам крохоборство. Мой друг в Испании покупал детям ломоть арбуза, продавец его обтягивал красивой пленкой, и он клал его в портфель. А я осенью подгонял кларку свои «Жигули» и набивал багажник арбузами. Один съедим — сын бежит вниз за другим. Там профессору и в голову не придет заниматься верховой ездой — это для другого мира, для узкого слоя «буржуазии». А я десять лет ездил верхом, почти бесплатно (местком платил). В Испании зимы холодные, но 60% жилья не имеет отопления, на стенах комнаты иней. Дискомфорт ужасный, особенно страдают старики. У нас же только при демократии города стали неважно отапливать — но до Запада нам еще далеко. В богатой Англии зимой при исправном отоплении замерзает насмерть довольно много стариков — нет денег (или жалеют) бросить в автомат, пускающий им порцию газа.

В общем, человек, имея какое-то богатство, обычно его не замечает — он весь сосредоточен на том, чего у него нет, а у соседа есть. Когда жмет ботинок, не думаешь, как хорошо тебя греет пальто. Но здесь о восприятии говорить бесполезно, оно формируется культурой, особенно идеологическими средствами. В 1956 г. я поступил в МГУ и ходил, как и многие на курсе, в одежде, перешитой из военной формы. А мой научный руководитель, уже видный химик, ходил по факультету в сатиновых шароварах на резинке. Мы себя бедными не считали, сама эта мысль показалась бы глупой, когда у нас — белокаменный МГУ, набитый лучшим по тем временам оборудованием и прекрасными преподавателями.

Во время перестройки нас убедили средствами воздействия на массовое сознание, что мы живем бедно. Реально, против нас велась информационно-психологическая война, результатом которой и стало поражение СССР и его ликвидация. Объективно благосостояние подавляющего большинства нашего населения до конца 80-х годов росло, и довольно высокими темпами. Но с психологической атакой мы не справились — и получили то, что имеем сегодня. В частности, произошло резкое обеднение большинства населения, и бедность эта стабилизировалась. Замечу, что резкое обеднение людей в понятиях *текущего благосостояния* — именно частность, а не главное наше общее обеднение. Главная беда — быстрая деградация всей техносферы, в которой мы живем. Но этот процесс не замечается, пока не происходит катастрофа. Например, пока не рушится ветхий жилой дом, не разрывается изношенная магистральная труба теплоснабжения, не выходит из строя трансформаторная станция, оставляя без света город. Техносфера, оставленная с 1991 г. без капиталовложений и без капитального ремонта, деградирует неумолимо, как большая река медленно движется к

водопаду. В какой-то момент отказы и аварии техносферы РФ войдут в резонанс и приобретут лавинообразный характер. Вот тогда мы поймем, что значит настоящая бедность — даже в среде наших богатых. Ухудшаться нашему положению есть куда, и падать придется еще с очень большой высоты. Так что еще не фатальное внешнее обеднение может нам сослужить хорошую службу, если мы примем его как сигнал свыше и вникнем в суть всей накачивающей на нас угрозы.

И нынешняя внешняя бедность, и грядущая главная, вызваны не каким-то стихийным бедствием или войной. Они — следствие фундаментально ошибочного выбора, сделанного в конце 80-х годов. Выбор этот нам навязало заинтересованное меньшинство (оно считает, что выиграло), а большинство пассивно приняло. В координатах «богатство — бедность» сменился сам вектор нашего движения — рост благосостояния страны в целом и большинства граждан сменился его снижением. Это факт, тут спорить не о чем. Проблема — в чем был выбор в понятиях нашей темы.

Огрубляя, выбор был в том, что мы имели «рост богатства по-русски», а захотели «роста богатства по-западному». А это совершенно разные вещи, их различия predeterminedены разными природными условиями, разной историей и разной культурой. Изменить все это ни Ельцин, ни Путин, ни даже Джордж Буш не могут. Россия Западом не стала, а при попытке стать богатыми «по-западному» мы в целом, как народ, сорвались и покатались в бедность. Забыли сказку Пушкина про старуху у разбитого корыта. А ведь ей позавидовать можно — она всего-то вернулась к своему корыту, а у нас и корыто украли.

Тут уже встает вопрос о богатстве. Что значит «мы такие богатые»? Как мы богаты — «по-русски» или «по-за-

падному»? Оказывается, что мы богаты «по-русски», и наращивать благосостояние могли только в заданных рамках. Выскочили из них — и покатались. По западным меркам мы страна очень бедная, что бы нам ни шептали соблазнитель. Нам даже представить себе трудно, насколько несоизмеримо наше накопленное национальное богатство по сравнению с западным. Мы вышли на линию быстрого роста этого богатства только в XX веке, после индустриализации и разработки недр — и сорвались. Надо удивляться, как богато, в целом, мы жили в советское время — это была чудом найденная комбинация факторов.

Обыватель сравнивает свое богатство с западным по барахлу — и то впадает в уныние. Ах, как я беден, они катаются на «мерседесах», а я на «жигулях». А какие там шмотки! Бедный обыватель, куриные мозги. Главное богатство — плодородная земля и вся техносфера (жилой фонд, производственная база, дороги и мосты). Вот куда в течение тысячи лет вкладывались на Западе средства, несравнимые с теми, которыми располагали Русь и Россия. Откуда брались эти средства, почему их не было у нас?

Вспомним историю. Вплоть до XIX века большая часть богатства производилась в сельском хозяйстве. Запад сидел в благодатном месте — теплом и достаточно влажном. Славян оттеснили и вычистили от Эльбы до Одера, а если бы не Александр Невский, то и дальше. Результат — вплоть до коллективизации в 30-е годы XX века урожайность на Западе была в 4 раза выше, чем в России. Накапливаясь ежегодно, эта разница дала колоссальные средства для развития. Достаточно вспомнить, что Запад перешел к стальному плугу уже в XIV веке, а в России в 1910 г. в работе было 8 млн. деревянных сох, более 3 млн. деревянных плугов и 5,5 млн. железных плугов. На Западе с раннего

Средневековья землю перепаживали до семи раз в год, повышая ее плодородие, а в России земля была полгода под снегом, и вспахать ее крестьянин успевал только один раз. Только полвека назад мы смогли снабдить крестьян машинами, а теперь они опять катятся к архаике. Третью пашню уже вывели из оборота, она зарастает кустарником. А ведь пашня с солнечной энергией — важный бесплатный источник богатства.

Но еще важнее — колонии, которые захватил Запад в XVI—XIX веках. Богатства, которые были оттуда изъяты огнем и мечом, по размеру таковы, что крупный ученый Клод Леви-Стросс сказал: «Запад построил себя из материала колоний». В середине XVIII века Англия только из Индии извлекала ежегодно доход, превышающий треть всех инвестиций, а ведь и помимо Индии у Англии было много колоний. За их счет делались и практически все инвестиции, и поддерживался уровень жизни англичан, включая образование, культуру, науку, спорт и т.д. Да еще около 10 млн. самых здоровых и ловких мужчин поймали в Африке и превратили в рабов — пахать в Америке землю, отнятую у индейцев.

Таких источников Россия не имела, ее империя была другого типа, она собралась для защиты от военных угроз. Поэтому центр России не высасывал соки из окраин, а вкладывал туда средства, развивая и укрепляя их. Не было у нас колоний и не будет. А значит, и не будет «западного богатства», хоть все локти пусть искусают себе наш обиженный судьбой обыватель.

Надо признать, что собранные с половины мира богатства Запад использовал выгодно — на эти деньги он создал промышленность и науку. С их помощью он получил военное, финансовое и торговое превосходство, что и в XX веке позволило ему «стричь», как овец, большую

часть человечества, без мороки с колониями. Западные корпорации, делая у себя дома лишь самые важные операции, раскидали заводы по всему миру и имеют рабочую силу по цене 1-2 доллара в час, в то время как в метрополии они платили бы за нее 18—20 долларов. Эта разница оседает на Западе и умножает его богатство. А это богатство позволяет еще высасывать из мира средства через финансовую систему. Сунул русским зеленую бумажку — и получил бочку нефти. А бумажку Греф обратно пришлет — «деньги стерилизовать надо».

Мы и этих источников не имеем и не будем иметь, «место занято». Но раньше мы хоть себя могли закрыть, и из нас не высасывали соки. Потому и прирастало наше богатство — небыстро, но надежно. Сейчас мы раскрылись и Западу, и Востоку. Страна стала как дырявый мешок, наша сила, ум, нефть и даже деньги чистоганом — все утекает, как в черную дыру. Людям на прокорм оставляют лишь столько, чтобы не перейти красную черту — чтобы не взбунтовались. Та нефть, которую выжимают, довольно-таки хищническим образом, из найденных и обустроенных в советское время месторождений, почти ничего не дает для восстановления и развития народного хозяйства РФ — она как будто испаряется, так что даже солярки для уборки урожая не хватает.

Так обстоят дела. Те богатства, которые у нас были, теперь не наши. Значит, в личном плане мы в целом, как народ, богатеть теперь и не можем никак. Мы будем беднеть и, если кардинально не изменим наше нынешнее патологическое жизнеустройство, в какой-то момент наше благосостояние рухнет обвально. И в таком водовороте не помогут утлые лодочки банковского счета или коттеджа, прицепленного к ржавым теплосетям.

Малые города России... Как много чувства будят простые три слова. Какое ощущение счастья на момент посещает изношенную душу, как воспоминание детства.

Но вернемся на землю. Малые города — особая социальная и культурная ниша, особый хозяйственный уклад, особый тип жизненных планов, особый тип преступности. Особая сложная система, часть страны, живущей в трех пространствах — пространстве деревни, малых городов, больших городов. Как опирается Россия на малые города и что с ними происходит сегодня, когда мы мечемся в поисках пути, по которому должны же куда-то прийти в конце нашего «переходного периода»?

В городах с числом жителей от 10 до 100 тысяч проживают в РФ 32 млн. человек, в городах с населением от 100 до 500 тысяч — 29 миллионов. Это около 42% населения РФ. Количественная сторона важна — многие общественные процессы, определяющие судьбу страны, протекают в «молекулярной» форме, большими массами людей. Но мы, имея в виду эту количественную сторону, будем говорить о качестве, о той особой роли, которую играют малые города в нашей народной судьбе.

Вспомним близкие, знакомые малые города России. Каждый согласится, что очевидной чертой их «ландшафта» является близость к деревне и тесная связь с сельским образом жизни. И в то же время это город, так что вся организация жизни людей следует нормам не деревни, а города. Вспомним облик типичного малого города, как он сложился за последние два века. Река, монастырь на высоком берегу, утопающие в садах дома, площадь с государственными зданиями и памятником павшим землякам,

вокзал, на окраинах заводы с рабочими поселками, огороды, а дальше поля и леса.

Отсюда, на мой взгляд, и вытекает главный смысл малых городов. Он в том, что в их культурном пространстве соединяются крестьянское и городское мироощущение. Возникает уникальный мировоззренческий сплав — космическое чувство крестьянина тесно переплетено с присущими горожанину рациональностью и расчетливостью. И дело не в количественных пропорциях этих духовных свойств. Их взаимодействие в душе жителей малых городов достигает гармонии, при которой сами эти свойства меняются. Жители малых городов — особый культурный тип.

Конечно, большая культура и большая страна устойчивы, когда соединяют множество разных культурных типов, структурирующих общество по социальным группам, поколениям, национальностям и регионам. Но принадлежность к культуре малых городов — особый срез всей этой системы. Речь идет о культурном типе, который стал одним из главных устоев нашей цивилизации, ключевой частью того культурного ядра, которое соединяет всех нас в народ. Если представить себе катастрофу, при которой эта часть была бы выдернута из нашего культурного ядра, то видно, что все оно рассыпалось бы. Это была бы катастрофа распада культуры. Мы говорим, прежде всего, о русском народе, но в XX веке этот культурный тип приобрел более широкие черты, потому что значительная часть и других народов России перешла к городскому образу жизни и, прежде всего, в малых городах.

России выпала счастливая и трагическая судьба. Находясь, по словам Менделеева, «между молотом Запада и наковальней Востока», мы периодически вынуждены были предпринимать усилия по форсированному развитию —

чтобы отвести смертельные угрозы. Счастлива наша судьба потому, что всякий раз нам удавались такие рывки без пресечения нашего культурного корня. Даже в моменты тяжелых потрясений мы не отказывались от самих себя, не теряли своего языка и веры, не становились ничьей духовной колонией. Эту гибкость и устойчивость нам и придавал культурный массовый тип малых городов. Тотальное преобладание крестьянского видения мира не дало бы нам достаточных человеческих ресурсов для быстрой модернизации. Полный отрыв города от земли привел бы к утрате космического чувства и господству свойственного мегаполису духа космополитизма — и мы бы не устояли против культурного империализма Запада. Малый город соединял деревню и мегаполис, держал их в лоне быстро развивающейся российской цивилизации.

Зачем для модернизации и развития космическое чувство крестьянина? Ведь поднялась могучая цивилизация Запада именно через раскрестьянивание, через превращение крестьянина в фермера-буржуа и сельского пролетария, а Матери-земли в обычное средство производства, предмет купли-продажи. Запад лишил мироздание святости, заменил Космос холодным ньютоновским пространством, а человека низвел до положения атома (т.е. индивидуума). И ничего — все умеет подсчитать, взвесить, разделить.

Да, многим нравится западный тип жизни, где, по словам западного же философа, «знают цену всего, но не знают ценности ничего». Это дело вкуса. Хотя, думаю, большинству нравится это по незнанию. Думают, Запад — та же Россия, только поудобнее. Все говорят на иностранных языках и ездят исключительно на иномарках. Но даже если так, судьба наша была определена тысячу лет назад, и уже в XVI веке мы стали для Запада «хуже Турции».

Пришлось идти своей дорогой, а она такая, что нам надо было за десять лет решать те задачи, на которые Западу история дала сто лет. По деньгам, отпущенным для решения одинаковых задач, разница была уже в сотни раз. А уж это никак было бы не осилить, если бы утратили космическое чувство и «естественный религиозный орган» — способность ощущать святость Общего дела.

Запад, усевшись на шею колоний и «третьего мира», мог позволить себе стать безрелигиозным, а у нас каждое серьезное дело было не бизнесом, а почти подвижничеством. Весь труд русского пахаря — подвиг. Как говорят богословы, его труд имел литургическое значение — крестьянин, ведя свою борозду, был в прямом общении с Богом. Иначе ему было не справиться. Огромная масса людей в нашей истории вошла в современные виды труда и службы через культурное пространство малых городов, и это пространство не задушило ни их «естественного религиозного органа», ни космического чувства. А попади сразу в мегаполис, и такое могло бы произойти.

Конечно, это не привилегия России. И в других странах известно это свойство малых городов — давать молодым людям особую духовную силу и особый взгляд на мир. Вот США — самый-самый Запад. А оказалось, что две трети ученых США (не считая, конечно, иммигрантов) — выходцы из малых городов. Здесь ставился их разум, острота взгляда и спокойное упорство. Этому помогала и близость Природы, и образ жизни. У нас такой переписи ученых не было, но из личного опыта видно, что та же история. Малые города — воспитанники тружеников науки. Другая похожая на науку служба, которая питается из малых городов, — воинская. Отсюда черпало свое пополнение русское офицерство во времена дворянства, а во многом и в советское время.

Но мы знаем и как хрупок мир малого города для людей, которые именно здесь начинают свой путь в современные сферы деятельности. Многие начинают страдать от узости возможностей, задыхаются в полукрестьянском укладе. «В Москву! В Москву!» — стонали чеховские три сестры. Москва для них была образом Европы, и их сформированная европейским образованием душа не находила себе пищи в провинциальном городке.

Форсированная индустриализация СССР поневоле опиралась на крупные города. При острой нехватке ресурсов только здесь можно было создать необходимую плотность и структурную полноту кадров, культурных и трудовых ресурсов. «Одноэтажный» СССР отставал в развитии и модернизации. Война и перегрузки послевоенного восстановления отодвинули назревающий кризис малых городов, а с середины 60-х годов уже велась целевая программа по предотвращению этого кризиса. В малых городах создавалась сеть современных предприятий — отделений и цехов крупных заводов и комбинатов. Молодежь получила доступ к рабочим местам с высокой технологией, увеличилась и подвижность работников — стали много ездить к смежникам, на обучение, для наладки и ремонта у пользователей. Эти десятилетия были и временем бурного развития научно-технической системы страны, строительства больших сооружений, освоения Севера, так что много молодых людей уезжали на учебу, стройки, в экспедиции. Проблема оторванности малых городов от большого мира была смягчена.

Все эти каналы социальной мобильности были моментально, катастрофическим образом перерезаны рыночной реформой 90-х годов. Именно малые города оказались самой незащищенной против такого удара частью страны. Внешне кажется, что деревня обеднела в ходе ре-

формы гораздо сильнее, но формальные показатели обманчивы. Деревенский двор стоит на земле, его главное средство производства и предмет труда — вот они. Да, тип труда изменился, когда реформа придушила крупные сельские предприятия. Как говорят, «село отступило на подворья». Регресс налицо, но нет здесь той безысходности, как в малом городе, где останавливается единственное современное предприятие или цех парализованного реформой большого комбината. Отсутствие заработка и перспектив здесь оказывается тотальным, и ощущение безнадежности давит на людей невыносимо. Они начинают метаться, ездить за тридевять земель выполнять любую работу в большом городе, бродить по стране. Молодые люди сбиваются в стаи, стоят кучками в сквере. В руке бутылка пива, в глазах тревога. Работодателем становится криминальный мир.

Давит и демонстрационный эффект большого города. Он всплыл, как будто оттолкнувшись ногами от тонущих малых городов и деревень, растлевают и одновременно обозляет заехавших поглядеть на «настоящую жизнь» молодых людей. Ведь ножницы в возможностях, которые предоставляют столицы и райцентры, раздвинулись до размера пропасти. Как будто у больших городов образовался свой «третий мир». Да и между самими малыми городами возникли разрывы. У одних заработало предприятие или возникли модные дачные места на водохранилище — тут жизнь задышала. Через тридцать километров другой такой же городок — погружается в трясины. Распадается ткань всей сети малых городов, которая скрепляла страну.

Пока что среду обитания десятков миллионов жителей этих городов поддерживает инерция старых систем — какое-то производство, школы, больницы, воинская часть.

Стоят еще дома, хотя уже валится с потолка штукатурка, работает котельная, хотя и с перебоями. Но не видно никакого импульса к возрождению, в брошенных цехах уже и стекла из окон разворовали. Будет ли это скольжение в никуда равномерным и спокойным?

Нет, не будет! Эта безысходность чревата потрясениями, и они зреют, как нарыв. Какое-то время люди надеялись, что эта напасть временная и жизнь наладится. Сейчас видно, что даже золотой дождь нефтедолларов не дает ни капли для оживления малых городов как системы. При нынешнем рынке они действительно превращаются в «третий мир» с его порочными кругами. В то же время телевидение с его идеологизированной рекламой и наглядный образ жирующей столицы разбудили в молодежи малых городов болезненные и несбыточные притязания. Отброшены свойственные малым городам непритязательность и спокойствие жизненных планов, кризис заставляет хватать наслаждения здесь и сейчас. Возник «культ иномарки», молодые люди убивают время и скудные деньги, покупая, ремонтируя и продавая поношенные «тойоты» и «фольксвагены». Но этот суррогат деятельности не успокаивает. Закупоренные наглухо каналы социальной мобильности создают у молодых людей ощущение, что они навсегда заперты в каком-то гетто, что их город как будто выброшен из страны на обочину жизни. И никаких форм борьбы против этой наползающей серой мглы нет. Даже политика, какая-никакая, — там, в Москве, этом «сияющем городе на холме». Уж это действительно «зияющие высоты».

Инерция старых норм и старой культуры иссякает, и ее тормоза скоро откажут. Тогда и прорвется нарыв. Как прорвется, мы не знаем. Никто не мог предугадать, что подростки в гетто малых городов, спутников блестящего Парижа, станут для своей психологической разгрузки

жечь автомобили. Кто-то им посоветовал такой сравнительно безобидный, но зрелищный способ. Что придумают авторитеты для наших подростков, пока не известно. Автомобили, видимо, жечь не будут, это у нас пока что культовый предмет. Но у нас еще много чего есть поджечь или взорвать. Может оказаться более зрелищно.

Некоторых успокаивает тот факт, что в городках Франции машины жгут темнокожие подростки, а у нас таких нет (или они-то как раз мобильны и запертыми себя не чувствуют). Но это ложное успокоение. «Новые гунны» в предместьях Парижа вовсе не подвижны оскорбленными чувствами араба или мусульманина. Нет у них ни национальной, ни религиозной, ни классовой мотивации.

Городки, превратившиеся для них в гетто, из которого нет нормального выхода в большой мир, сформировали из этих юношей и подростков что-то вроде особого племени, не имеющего ни национальной, ни классовой принадлежности. Это племя враждебно окружающей их цивилизации и презирает своих отцов, которые трудятся на эту цивилизацию и пытаются в нее встроиться. У этого племени нет ни программы, ни конкретного противника, ни даже связных требований. То, что они делают, на Западе уже десять лет назад предсказали как «молекулярную гражданскую войну» — войну без фронта и без цели, войну как месть обществу, отбросившему часть населения как обузу.

Разве не идет в наших малых городах формирования подобного племени? Разве мы не переняли у Запада этой его болезни, отягощенной у нас разрухой хозяйства? И племя «гуннов» формируется, и нарыв зреет. И ни увеличением штата МВД, ни песенкой о «равных возможностях» этого процесса не остановить. Равные возможности надо реально создавать — это и должно стать нашим срочным «национальным проектом».

Идет глухой спор о реформе российской школы — всех ее ступеней. Ясную позицию занимают только СПС и «Яблоко» — они требуют для России школу *западного* типа. Власть и левые выражаются невнятно, сводят дело к качеству, бесплатности, зарплате. Это важно, но суть не в этом.

Реформа школы — часть *глобализации*. Смысл ее — перестройка мира в интересах набравшего силу Запада. Понятно, что в любой культуре встает вопрос об ответе на этот исторический вызов, вопрос о том, как сохранить свой культурный генотип — сохранить свои народы. В начале XX века так и ставил задачу России Д.И. Менделеев — «уцелеть и продолжить свой независимый рост».

Один из фронтов противостояния в России — *школа*, «генетическая матрица» культуры. Это важнейший механизм передачи новым поколениям того главного, что накопила культура народа — его представлений о мире и человеке, о добре и зле, а также навыков познания, мышления и объяснения. Поэтому школа — один из самых консервативных общественных институтов. Всякие реформы школы, ее уклада и программ должны делаться чрезвычайно осторожно. Для народа и его культуры, как и для любого организма, защита его «генетического аппарата» — одно из главных условий продолжения рода.

Взглянем в историю. Добуржуазная школа, основанная на христианской традиции, вышедшая из монастыря и университета, ставила задачей «*воспитание личности*» — личности, обращенной к Богу (шире — к идеалам). Ее цель была — «наставить на путь», дать ученику целостное представление о мире, о Добре и зле. Эта школа была, как

говорят, основана на «университетской» культуре. Эта культура опиралась на систему *дисциплин* — областей «строгого» знания, в совокупности дающих представление о Вселенной (универсуме) как целом.

Для нового, буржуазного западного общества требовался манипулируемый *человек массы*, здесь не стояло задачи воспитания целостной личности. Задачей школы стала «фабрикация» человеческой массы, которая должна была заполнить, как обезличенная рабочая сила, фабрики и конторы. Эта школа оторвалась от университета, возникла составленная из отрывочных знаний «мозаичная культура» (в противовес «университетской»).

Но помимо школы как «фабрики людей массы» на Западе сохранилась небольшая школа университетского типа — для элиты. В ней давалось целостное образование, воспитывались сильные личности, спаянные корпоративным духом — *хозяева*. Школа Запада стала «двойной», из «двух коридоров». Такая школьная система воспроизводит **классовое** общество, его два главных класса.

С самого возникновения буржуазного общества массовая школа «второго коридора» строилась как особая культурная система. Это делалось целенаправленно педагогами высочайшего класса, и средств на это не жалели. Как пишут историки, после Великой Французской революции «Республика бесплатно раздавала миллионы книг нескольким поколениям учителей и учеников. Эти книги стали скелетом новой системы обучения». Насколько глубока разница, видно из сравнения учебников одного и того же автора, написанных на одну и ту же тему — но для двух разных контингентов учеников. Один вариант — содержательное изложение, заставляющее размышлять. Другой — примитивный штамп, на заучивание. Просто не верится, что это писал один и тот же автор.

Наша школа, которую мы помним в облике советской школы, сложилась в результате долгих исканий и споров с конца XIX века. Тогда русская культура сопротивлялась «импорту» западного капитализма, и школа была под ее мощным воздействием (Лев Толстой специально писал для школы книжки). Первый учительский съезд в 1918 г. утвердил главный выбор — **единая общеобразовательная** школа. Оба определения исключительно важны, да мы раньше мало о них думали.

«Двойная» школа исходит из представления о двойном обществе — цивилизованном («гражданское общество») и нецивилизованном («пролетарии»). Это как бы два разных племени, говорящие на разных языках и имеющие разные типы культуры. Единая школа исходит из того, что есть общее «тело народа», дети которого равны как дети одной семьи. В единой школе они и воспитываются как *говорящие на языке одной культуры*. Реформаторы с начала 90-х годов поставили задачу сломать этот принцип **единой** школы. Их цель — разделить единую школу на два коридора — создать небольшую школу для элиты и большую — для фабрикации массы.

Принцип **общеобразовательной** школы означал, что вся школа, включая вечерние школы и ПТУ, строилась на базе университетской, а не «мозаичной» культуры и всем давала целостный, дисциплинарный свод знаний. Советская школа **вся** была школой для элиты — все дети в этом смысле были кандидатами в элиту. Конечно, другие стартовые условия еще довольно сильно различались, сельская школа по ресурсам была беднее столичной, но тип образования и культуры у всех был университетским.

ПТУ и вечерние школы не были иным «коридором». В них учились по тем же учебникам и тем же программам — разница была количественной, в объеме полученных знаний, но по своему строению это было то же самое

знание. Советский корпус инженеров в большой мере сформирован из людей, прошедших через ПТУ и техникумы. Два Главных конструктора, два академика, руководители космической программы — Королев и Глушко — в юности окончили ПТУ. Юрий Гагарин окончил ремесленное училище. Программа единой школы позволяла всем детям освоить *культурное ядро* своего общества и влиться в народ как его органичные частицы.

Что дали России эти два принципа нашей школы — единой и общеобразовательной? Не только позволили ей совершить скачок в развитии, стать мощной независимой державой, собрать из городков и сел неиссякаемые ресурсы Королевых и Гагариных. Школа помогла соединить тело народа, сформировать тип личности, как бы реализующей общую силу.

Сейчас эту школу хотят сломать, и тут уж каждый должен сделать свой выбор — помогать ее уничтожению или противодействовать ему. Раскол принципиальный, компромисс невозможен.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ

Политическая культура России сегодня... Если говорить о главном, выйдет в стиле импрессионизма. То, что говорят политологи, частично верно, но не о том. Россия пребывает в состоянии плохо формализуемой аномалии. Это система порочных кругов, вдетых один в другой, а если в динамике, то это сверкание множества переходов «порядок-хаос», так что в каждой точке действует принцип неопределенности. В этом смысле сегодня Россия — «страна постмодерна».

Говорить о преемственности, искать аналогии с временами Сталина, Ивана Грозного или Ярослава Мудрого

бесполезно. Выделили отрезок «Горбачев — Ельцин — Путин», до него — разрыв непрерывности, а после него — неизвестно что.

Политическая культура — часть культуры. Говорить о ней в РФ сегодня — как говорить о сознании больного в лихорадочном бреде. Он тоже, конечно, человек, тоже мыслит, мычит и временами говорит. Но надо принимать во внимание лихорадку.

Например, спорят и даже ругаются: что у нас в РФ за политическая система? Демократия? Авторитаризм? Тоталитаризм? Бессмысленно. У нас суверенная демократия — посмотрите на градусник! Определить тип этой культуры трудно, явление многостороннее. Если видеть ее как систему ценностей и институтов, то я бы сказал, что наша политическая культура сегодня — это гибрид соборности с коррупцией. То есть соединение ценностей целого с ценностью предательства — полного отрицания целого. Горбачев с его ГКЧП, Ельцин на танке, ликующая толпа.

Из этого «свято-звериного» кентавра массы и политики вырастает **провокация** как высшее творение этой культуры. Без соборности масс, которые любят власть, такое искусство не могло бы возникнуть. В нем дышит гений Достоевского, и на знамени нынешней политики лики ее духовных отцов — Ивана Карамазова и Смердякова. Строение современной провокации столь совершенно, что люди, видя ловушку, вынуждены в нее лезть — это меньшее зло. Так и ползем, дергаясь.

Культура СМИ как «видимой и слышимой» ипостаси политики целиком стоит на провокации. Даже ложь нашего телевидения утратила свои безобидные черты. Она уже не навеивает человечеству сон золотой, не успокаивает. Слушаешь это вранье, и охватывает беспокойство — что за этим стоит? Принципом российской политической

культуры стало держать уровень нервозности общества вблизи красной черты. Ни дня без стресса! Посмотрите в глаза Сванидзе — и мороз по коже.

Россия как цивилизация не успела успокоиться, прийти к внутренней гармонии. В ней постоянно шло столкновение нескольких ядер, и все с мессианской компонентой. Взять хотя бы наших неолибералов. Казалось бы, цель рациональная — обобщить «египтян». Но даже воровство проведено с религиозной страстью, превращено в Великий поход. Даже Моисея помянут — водил сорок лет по пустыне, пока не вымерли, кому следовало. А мы, мол, чем хуже.

Население из опыта знало, какие демоны беснуются в меньшинстве, что рвется в политику. Поэтому в развитой советской политкультуре ценилась стабильность и даже бесконфликтность. Голосовать единогласно, всех называть по имени-отчеству. Казалось, дух раздора загнан в бутылку, а идол «единства и борьбы противоположностей» стал экспонатом в музее диамата. Но пришел Горбачев, разбил бутылку и оживил идола.

За что люди ценят Путина? За то, что он снова подморозил этот разгул, завел Великий поход в бюрократическое болото и даже как будто загнал часть расплодившихся бесов в бутылки. Действовать надо было срочно, потому что к концу 90-х симптомы болезни стали опаснее, чем сама болезнь. Сейчас болезнь развивается, но температура слегка сбита. Мы получили небольшой резерв времени, из чего, конечно, не следует, что врач прибудет вовремя.

Каких же зомби вызвали из могил Горбачев с Ельциным и бросили на укрепление политкультуры? Список их велик, укажу тех, кто орудует уже без маски.

Безжалостность к населению. Этот тип жестокости мы уже и не предполагали в людях. Иногда кажется, что мы во власти инопланетян. Выступает политик, говорит о ре-

форме ЖКХ. Кажется, если бы ты смог протянуть к нему руку через телеэкран и дернуть его за щеку — кожа отслоилась бы, а под ней чешуя ящера с неизвестной планеты.

В РФ создано социальное «дно» в размере 11 млн. бездомных, нищих и беспризорников. И 7 млн. — «придонье», живущее в состоянии отчаяния. Такого не было и, видимо, никогда не будет нигде в мире: из общества выброшена огромная масса людей, в которой большинство имеет среднее образование, а 6% высшее образование. В РФ создана невиданная в мире бедность **работающих** людей. Из общего числа бедных более двух пятых составляют лица, имеющие работу. Это — не проблема экономики, это уникальное свойство политкультуры.

Культурный садизм. Он пропитывает мысли, слова и дела политкласса РФ. Одни орудуют инструментами пытки, другие сладострастно смотрят, совестливые укоризненно покачивают головой. Эксперты снабжают палачей сведениями о болевых точках жителей России — для каждой группы свои. Для одних мучительно глумление над святынями, для других растление детей и подростков, для третьих уничтожение непреходящих ценностей культуры. Да и сама пошлость политических шоу достигла уровня пытки.

Уничтожили науку, которую Россия выращивала триста лет — без всякого разумного объяснения, просто потому, что это огромное национальное достояние, возможно, неповторимое. Эта утрата бьет по карману и собственников (например, опустошен научный задел ВПК, иссякнет экспорт оружия). Но не единым хлебом живы они, есть у них и духовные запросы.

Ложь, разрушающая рациональность. Политика всегда сопряжена с ложью — приходится успокаивать или возбуждать чувства людей, соблазнять их или пугать, созда-

вать благоприятный образ чего-то или очернять его. Вопрос в мере и объекте лжи. В нынешней политкультуре РФ возник новый тип лжи — как инструмента подрыва рационального мышления граждан. Это ложь, разрушающая меру и логику, язык, чувство времени и систему координат, в которой ориентируется человек. Может быть, в каждом отдельном случае политик уверен, что решает конкретную задачу. Но со стороны видна именно система, ставшая частью культуры. Нынешние политики, как бы они ни дрались между собой, являются сообществом, скрепленным набором норм и ответственностью. Тот факт, что заведомая ложь не вызывает со стороны сообщества никаких санкций, показывает, что она стала узаконенной частью культуры этого сообщества.

Вульгаризация. Как тифозные вши, такая мелочь, могут выкосить население целых областей, так и примитивный инструмент политика — вульгаризация проблем — может загнать страну в историческую ловушку. Так и произошло в РФ — из мышления и языка удалось исключить саму проблему **выбора**. Вся политика РФ опущена с уровня бытия до уровня быта. Дебаты идут только по поводу решений, как будто исторический выбор задан стране откуда-то сверху и обсуждению не подлежит. Мы едем неизвестно куда, но доедем быстро.

Русофобия. Главный вектор нынешней политкультуры РФ — демонтаж того ядра России, которым является русский народ. Поэтому объектом разрушения стала мировоззренческая матрица, на которой этот народ был собран, а также все системы, воспроизводящие эту матрицу (как школа или армия). Взят курс на примитивизацию духовной жизни русских. Это — политический выбор, а не происки «невидимой руки рынка». Из общего духовного пространства изъяты русская классика, художники-мыслители XX века (такие, как Горький, Блок, Маяковский),

социальная лирика и революционная песня «серебряного века», не говоря уж о советской. Даже старые русские песни даются в уголовной аранжировке.

На средства госбюджета делают фильмы, рисующие русских (советских) недочеловеками. Видный западный обозреватель, говоря об антисоветском дискурсе середины 90-х годов, так объяснил смысл внушаемой дилеммы: «Русские — недочеловеки потому, что коммунисты, или они коммунисты потому, что недочеловеки?» Мышление загнано в формулу, утверждающую как данность, что русские — недочеловеки. Но в этом Голливуду далеко до российских аналогов.

В целом политкультура РФ, будучи патологической, все же смутно напоминает известный тип — культуру *этнократии*. Как будто возникло два народа, которые расходятся по двум разным путям. Один — «новая элита», ядром которой и является тот политкласс, о культуре которого идет речь. Другой народ — бывшие «совки», измороженный советский народ, независимо от того, какую идеологию вдавили за это время в мозг отдельного человека. Против разума, воли, памяти, чувств и надежд этого народа и направлены те особые качества политкультуры, о которых говорилось выше.

Состояние это временное, болезнь будет излечена, и дай Бог, чтобы без ампутаций.

ВПРАВИТЬ ВЫВИХИ, БЕРЕЖНО

Разговор об элите затруднен многими деликатными моментами. Может быть, в других, более прагматических культурах эта тема обсуждается холодно, разумно и эффективно — но мы-то живем не в других культурах, а в

нашей. Подрывать устои нашей культуры — боже упаси. Но некоторая модернизация требуется.

Я выскажу свои соображения на уровне здравого смысла, не прибегая к западным теориям стратификации общества и, в частности, теориям элит. Скорее всего, я эти теории плохо знаю, и поэтому они мне кажутся далекими от нашей реальности. Хотя, конечно, в любой даже негодной теории есть кое-какое рациональное зерно.

Почему трудно у нас говорить об элите, даже как-то неприлично? Я думаю, по двум причинам. О первой много говорил Достоевский — слишком близко к сердцу у нас было принято христианское утверждение всечеловечности. Все люди братья, за всех в равной степени Христос пошел на крест. На этом фоне, конечно, те признаки, по которым выделяется элита, — мелочь. Они существуют, в земной жизни играют роль одного из бесчисленных социальных параметров, но это проблема быта, а не бытия. Суета сует в плоскости всяческой суеты.

Надо заметить, что идея всечеловечности у нас явно распространялась и на вертикальные человеческие отношения, а вовсе не только на «нет ни эллина, ни иудея». Уравнительный идеал, который сегодня лишь слегка забрызган грязью рыночной реформы, никуда не делся. Его основание — вовсе не только общинный крестьянский коммунизм, в котором долго обитало большинство русских, но и религиозные представления о человеке, почти уже неосознаваемые. Впрочем, как и на Западе «теории стратификации» выросли из кальвинистского учения об избранных и отверженных, но это уже давно не осознается. У нас обсуждение общественной жизни в понятиях «элита — масса» наталкивается на внутреннее неприятие, ибо несет на себе отпечаток того религиозного представления о человеке, которое изначально отвергалось православной культурой.

Вторая причина в том, что положение элиты в России уже с середины XIX в. носит черты этнического конфликта. А деликатность темы межэтнических отношений очевидна. В России элита не включалась в «народ» — в отличие от феодального Запада, где, напротив, была принята аристократическая концепция, так что народом было как раз дворянство, а крестьяне — нет. Вплоть до революции 85% населения России составляли *крестьяне*, которые и признавались главным ядром народа. Рабочие тоже причислялись к *трудовому люду* («Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой»). Потомственное дворянство включало в себя всего лишь чуть более 1% населения, и оно тем более не причислялось к народу, что находилось в симбиозе с крестьянством как управляющее сословие. В народ не включались и чиновники (бюрократия), и интеллигенция. Таким образом, не только элита, но и вся ее «социальная база» исключалась, по общему мнению, из народа. Она была почти иным этносом, живущим на русской земле.

А. Блок написал в статье «Народ и интеллигенция»: «Народ и интеллигенция — это два разных стана, между которыми есть некая черта. И как тонка эта черта между станами, враждебными тайно. Люди, выходящие из народа и являющие глубины народного духа, становятся немедленно враждебны нам; враждебны потому, что в чем-то самом сокровенном непонятны».

Самосознание элиты было очень неустойчивым — она колебалась между *народопоклонством* и *народоненавистничеством*, доходящим до открытой русофобии. В периоды напряженности элита переживала приступы социального расизма. Трудящиеся (люди физического труда) в ответ воспринимали ее как *изгоев*, а в моменты революционного подъема и как *извергов* русского народа. Причи-

ны этого обоюдного разделения — очень большая и важная тема, одна из главных в русской философии начала XX века. Достаточно назвать сборник «Вехи» (1909), где либерал М.О. Гершензон писал: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

Здесь мы не будем касаться проблемы этого разделения элиты и народа в дореволюционной России, лишь зафиксируем сам факт.

После революции и Гражданской войны основная масса чиновничества и интеллигенции СССР рекрутировалась уже из тех, кто прежде принадлежал к «трудящимся», но в эту элиту, создаваемую на обновленной идеологической матрице, была включена и основная масса старой элиты и ее детей. Перестроечные сказки о том, что детям дворян и священников не давали ходу и отлучали от образования, давно пора отправить в печку. Ни одно общество, ни при каком катаклизме не может себе позволить пожертвовать такой огромной ценностью, как накопленный за века элитарный социальный слой. В этом смысле нынешняя реформа стала, пожалуй, одним из самых расточительных для нации «бунтов дна». Советская элита не устранена и не уничтожена — она интеллектуально и творчески выхолощена, что является гораздо более жестоким и долговременным воздействием на механизм воспроизводства нации, нежели террор.

Но мы пока говорим не об этой конкретной ситуации, нам надо построить подмости, на которых может вестись мало-мальски продуктивный разговор.

Итак, вводим понятие элиты — того, что когда-то называлось «сливками общества». В сословном обществе

это понятие включало в элиту «верхушки» всех сословий, а в советское время всех профессий. Если бы мы представили себе идеальный социальный портрет элиты старой России (до середины XIX века), то увидели бы на нем фигуры и крестьян, и ремесленников, и купцов, и казаков. Так же и в советское время, в соответствии с новой социальной структурой.

Этот портрет подвергся кардинальной переделке в процессе второй волны модернизации России (вторжение капитализма). К элите стали причислять людей, управляющих общественными процессами — или непосредственно, или через воздействие на общественное сознание. Это, практически, люди «умственного» труда — бюрократия, предприниматели и интеллигенция. В позднее советское время, покотившись к социал-демократии, а затем и либерализму, наши духовные авторитеты также стали изымать из «портрета» элиты людей физического труда, а затем военных и бюрократию. Поначалу это делалось стыдливо: «ах, я считаю умного рабочего интеллигентом». Потом все упростилось, рабочих назвали люмпенами и лентяями (впрочем, бюрократия частично восстановила свои позиции).

Сейчас, когда сознание новой элиты уже достаточно оскотинилось, для причисления к ней введен и совсем уж примитивный ценз — уровень материального состояния и доходов. Полуголодного библиотекаря или учителя к элите не причисляют. Одновременно устранены критерии нравственности — способ получения состояния и доходов не учитывается, воровство в этом плане перестало быть предосудительным. Отброшены и критерии профессионального совершенства, по этому признаку убожество значительной части нынешней элиты не имеет аналогов в российской истории. Факт тот, что реформа подня-

ла и железной рукой внедрила в элиту самую активную и хищную часть советского социального дна, изгоев и извергов советского общества. Это — особая субкультура, принципиально отвергающая духовный аристократизм и творчество. Такая гибридизация элиты еще очень дорого обойдется народам России.

Теперь о том подходе к представлению о внутренней структуре элит, который стал популярен в последние годы. Ясно, что элита как влиятельный социальный слой, «кормящийся» около управления обществом, принимает самое активное участие или в укреплении существующего общественного строя, или в его смене (путем реформ или революции). Эта деятельность касается всех «инструментов господства» — и администрации, и экономических рычагов, и духовного воздействия. В этой точки зрения предлагалось видеть в элитарном слое общества три противоборствующие колонны. Первую называть просто элитой. Это та часть людей умственного труда, которая и является в данный момент господствующим меньшинством и стремится укрепить данный общественный строй.

Другая колонна — «антиэлита». Это та часть элитарного слоя, которая борется за разрушение существующего порядка, причем вне зависимости от того, что будет построено на его обломках. Из разрушительной страсти антиэлиты не вырастает образа будущего, в котором она превратится в строителей и управляющих. Наконец, третья колонна, «контрэлита», загодя готовится сменить нынешнюю элиту после разрушения нынешнего общественного строя. Она борется с ним, имея в уме проект нового строя и видя себя в качестве нового господствующего меньшинства. Поэтому в интеллектуальных кругах, размышляющих о путях выхода из кризиса, принято в разговоре

вернуть фразу о том, что «надо готовить контрэлиту». Даже в манифесте «наших» что-то похожее говорится — мы, мол, будущая элита, мы заменим «пораженцев». Слова туманные, но присутствует мысль о «замене».

Я думаю, эта соблазнительная концепция мало что объясняет. К каким-то кусочкам из мозаики жизни она вроде бы ловко приклеивает ярлыки, но «все не так, ребята». Не разделяются эти три колонны. Скорее, в душе любого интеллигента все время идет борьба всех этих трех направлений. У некоторых одно из них резко доминирует, но это — личные качества. Взять, например, А.И. Солженицына. Он, можно сказать, вечная «антиэлита» — всем недоволен, любым общественным строем. То писал книгу «Люби революцию» (потом оказалась «Красное колесо»), то ненавидел Сталина за то, что он произвел «термидор», то ненавидел Брежнева за противостояние Западу — а теперь ругает нынешний режим за то, что он притянул к Западу и не сберегает русский народ. И все же труд Солженицына с успехом использовали самые разные, иногда враждебные течения в элите — и западники, и почвенники. Значит, элита — система более сложная и динамичная. То же самое можно сказать о тесном взаимодействии элиты и антиэлиты («номенклатуры» и «диссидентов») во все времена, начиная с Брежнева. Перестройку Горбачева они готовили совместно — как их разделить.

Если так, то идею «замены элиты» надо считать не просто утопической, но и тупиковой. Вырастить в каком-то заповеднике новую элиту, которая заменит негодную нынешнюю, невозможно. Элиту выращивает все общество, оно тренирует ее всеми своими противоречиями, болезнями и ошибками. Процесс этот длительный и в учебниках не описанный. Его трудно ускорить и вогнать в рамки заданных технических условий. Когда кто-то по-

жаловался Сталину на советских писателей (работают мало, пьют много, культуры маловато), он ответил: «Других писателей у меня нет». Разумные слова. И другой элиты у нас нет и купить ее мы не можем. Уж как ругали интеллигенцию и справа и слева. В.В. Розанов даже изрек в 1913 г.: «Пока не передавят интеллигенцию, России нельзя жить». Есть в этом частица истины, но не менее истинно и другое — если передавят интеллигенцию, то России не жить. Ну как выскочить из этого заколдованного круга, вот беда.

Я думаю, что элита — такое огромное и незаменимое национальное достояние, что ни одно общество, сохранившее волю к жизни, ни при каких катастрофах и переворотах не может пойти на устранение своей прежней элиты и замену ее на новую. Такую попытку делали только захватчики, замыслившие геноцид народа захваченной страны.

Вспомним историю. Русская революция — крупнейшая по масштабам катастрофическая трансформация общества. Мы много наслышаны о том, что элита старой России, состоявшая из «дворян, попов и буржуев», якобы была уничтожена. Но ведь это — тупой идеологический миф. Вот вполне научный способ взглянуть на судьбу элиты царской России после Октября 1917 г. Сейчас многие исторические книги издаются с прекрасными именными указателями, часто с краткими биографиями. Вот, например, книга А.С. Сенина о лидере партии октябристов А.И. Гучкове, который с 1895 г. находился в гуще всех политических событий и тесно общался с множеством виднейших государственных и общественных деятелей России. Именной указатель книги составляет почти половину от текста. Перечисленные в нем персоны — представительная выборка элиты.

Открываю случайно на букву «К». Почти подряд идут такие фигуры. А.Н. Крылов — в царское время председатель правления Путиловских заводов, с 1919 г. начальник Морской академии Рабоче-крестьянского Красного Флота, лауреат Сталинской премии 1941 г. А.Н. Куропаткин, царский военный министр в 1898—1904 гг., после Октябрьской революции (в возрасте 70 лет) на преподавательской работе. Н.Н. Кутлер, царский министр землеустройства и земледелия, управляющий главными поземельными банками (Дворянским и Крестьянским), зам. министра внутренних дел, с 1921 г. член правления Госбанка РСФСР, разработчик денежной реформы 1922—1924 гг.

А вот судьба арестованных 25 октября 1917 г. в Зимнем дворце министров Временного правительства. По утверждениям В. Солоухина, их по приказу Ленина «не мешкая ни часу, ни дня, посадили в баржу, а баржу потопили в Неве». На деле все они были вскоре после ареста освобождены. Из пятнадцати министров восемь эмигрировали, семь остались в России. Военный министр стал начальником снабжения Красной армии. Министр путей сообщения стал видным специалистом по транспорту, строил «Дорогу жизни» к блокадному Ленинграду. Третий был в руководстве Центросоюза и преподавал в МГУ. Четвертый «эмигрировал» во Францию, стал виднейшим агентом советской контрразведки, и в 1943 г. был казнен немцами. Министры свергнутого революцией правительства вошли в высшие слои революционной элиты. Концепция элиты и контрэлиты не подтверждается.

Наконец, катастрофическая антисоветская революция 80—90-х годов, которая перевернула всю страну. Контрэлита заменила старую элиту? Ничего подобного! Вот вывод исследования состава новой постсоветской элиты

(1993—1994): «Лишь 13% советской правящей элиты конца 80-х годов оказались сегодня за пределами круга руководящих работников... Треть партийной номенклатуры сегодня находится на высшем уровне государственного управления, а еще треть занимает командные позиции в экономике. Если чуть-чуть расширить границы элитарных должностей за счет «предэлитных» позиций или «второго эшелона элиты», то мы найдем в этом кругу более 80% партийной номенклатуры» («Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития». М., 1994).

Каково состояние нашей элиты сегодня? Думаю, все прекрасно знают — она больна, подавлена, переживает мировоззренческий и культурный хаос. Возможно, ее состояние хуже, чем у основной массы населения, но, думаю, это не так. Просто сознание элиты более подвижно и диапазон ее метаний шире, чем у основной массы — и это бросается в глаза. К тому же от элиты ждут веских разумных слов и эффективных творческих решений. Надежды эти неосновательны — нельзя ждать таких вещей от больного, тем более с сотрясением мозга.

У нас в нашем положении один выход — не делая резких движений пережить болезнь, дожидаться хотя бы снижения температуры. Судьба нам дала поблажку — послала высокие цены на нефть. Ясно, что больного обирают, но хоть что-то ему перепадает и позволяет снизить перегрузки. Данное нам облегчение надо использовать, чтобы упорядочить хаос в сознании на всех уровнях социальной организации. Эта работа должна вестись и по горизонтали, и по вертикали — и внутри элиты, и в ее диалоге с другими частями общества. Но пока что действуют силы, разрывающие пространство диалога — элиту делят на замкнутые корпорации и идеологические группировки, каналы коммуникации между элитой и другими слоями об-

щества практически перерезаны. Старый принцип «разделяй и властвуй», как мы уже говорили, применен с такой интенсивностью, что произошел распад народа, в том числе и отрыв от него элиты. А.С. Панарин писал, что «элита предала свой народ». Но с таким же правом можно сказать, что «народ бросил свою потерявшую сознание элиту в грязь». Речь идет о беде общенациональной, считаться между собой правым и виноватым надо позже, когда отползем от пропасти.

Конечно, кризис и соблазны очень многих толкнули в ряды отщепенцев и извергов — и из числа элиты, и из числа трудящихся, учащихся и лиц без определенных занятий. Потери велики и еще будут расти. Но костяк уцелел, переломы можно срastить, вывихи вправить — если делать это бережно и с чувством ответственности за будущее. Думаю, для начала надо было бы составить общую «карту» разломов и трещин, которые сегодня разорвали наш народ. И частью этой общей карты будет подробная карта противостояний внутри элиты. По ней и пойдем.

КАКОЙ БИЗНЕС НУЖЕН РОССИИ?

Прежде всего, лучше не применять американское слово **бизнес**. Оно везде понимается как холодная, даже хищная погоня за наживой. У первых поколений американских бизнесменов в ходу была поговорка «Из людей добывают деньги, как из скота сало». Этот бизнес России точно не нужен, нечего о нем и говорить (хотя таких бизнесменов в России уже немало).

В русском языке есть хорошее слово **предприниматель**, производное от слова *предприятие* или *дело*. Это уже, как правило, хорошо. Плохие дела — отклонение или

даже преступление. Предприниматель — из совсем другой плоскости, чем капиталист. Капиталиста занимает прирост его капитала, а предпринимателя — дело. Иногда это совпадает в одном человеке, но часто — нет. Как мы сами видели, дело может очень неплохо делаться и без капиталистов — на общественные или государственные деньги. Русские предприниматели, даже промышленники, в царское время управляли делом и на казенных заводах (при более высоком качестве и низкой стоимости, чем на частных), и на деньги общин. Общины старообрядцев отдавали свои накопления для дела умным уважаемым людям — дело процветало, и обществу была польза. На таких предприятиях из людей не вытапливали деньги, как сало. Бывало, при кризисе эти предприниматели закладывали свои дома, но не увольняли рабочих.

Кое-кто нарушал договор с общиной, оставил плохую память, но это не заслоняет главного. Другой урок — этих русских предпринимателей оттеснил крупный иностранный капитал, который сросся с банками. Так что нам нужны не просто свои предприниматели, делающие дело во благо России, а и такая их система, которая способна выдержать напор извне. Реально такая система была создана именно при советском строе. И предприниматели были высшего класса. Например, Королев с его космической фирмой — типичный предприниматель с очень большим объемом полномочий. Не в свой карман клал прибыль? Для человека дела это вещь второстепенная, на жизнь ему хватало.

Но это — история. Многим предпринимателям захотелось стать частными, к ним примкнула масса подозрительных личностей, и вот — отдали все частникам. Они нас всех уговорили, обещали эффективность и массу других благ. По этому бизнесу и пройдем сверху вниз.

Крупный бизнес представлен «олигархами». Им отдали сливки советской промышленности — самые доходные предприятия. Сделали это за то, что они оказались единственной силой, поддержавшей Ельцина в 1996 г. (те, кто уже сидел за решеткой — не в счет). Передача собственности была оформлена залоговыми аукционами, которые являются, бесспорно, преступной акцией. Это нехорошо, хотя никого не удивляет. Дело не в этом. За что же в РФ такая устойчивая нелюбовь к олигархам? Вот главные причины.

Первая, которая перетягивает все остальное, — они оказались очень плохими хозяевами. Это — не предприниматели, не люди дела. Они загубили ценнейшие предприятия, которые им доверили. Первым делом они их расчленили, чтобы сбросить «малорентабельные». В 1990 г. было 27 тыс. промышленных предприятий, в 2004 г. — 155 тысяч. При этом выставили на улицу половину (11 млн.) рабочих и инженеров. Они распродали огромные запасы материалов, в том числе буквально драгоценных (металлов, сплавов) — в СССР предприятия имели запасы на год работы. Так хозяева не делают.

Надо сказать, что близкие к олигархам по духу менеджеры государственных компаний стали так же себя вести. Вот управлять РАО ЕЭС назначили Чубайса, вождя правых сил. Уж здесь-то, в отличие от добычи нефти, не мешает ни пурга зимой, ни гнус летом. Операторы в белых халатах у приборов, в чистых залах генераторы гудят. Каким надо быть тупым управляющим, чтобы в такой отрасли ухитриться снизить производительность труда вдвое! Не на 5, не на 7%, а вдвое. Сейчас она ниже, чем в 1970 г. Тогда на 1 работника было выдано 1,3 млн. квт-часов электроэнергии, а в 2001 г. 0,95 млн. (в 1989 г. 2,1 млн.).

Я считаю, что такой бизнес России не нужен. Не нужны ни олигархи, ни менеджеры типа Чубайса. Это люди

хищного склада, они не любят промышленности, не любят работающих в ней людей, не ценят ни машин, ни мастеров. Их мало интересует само дело, они не чувствуют материал, не радуются шуму станков, не изобретают новых устройств и испытывают неприязнь к науке. Все, что имеет Россия — промышленность, транспорт, энергетику, — создано и налажено с помощью огромной отраслевой науки. Где она теперь? Бизнес, получив от ликвидируемых министерств предприятия, должен был взять на довольствие и НИИ с КБ. По затратам — мелочь, для страны — драгоценность. Не сохранили, уморили ради мелочной выгоды.

Есть еще одна деталь — тонкая, но красноречивая. Нынешние крупные бизнесмены оскорбляют чувства людей своей вульгарностью, своей демонстративной антикультурой. Ни западный бизнесмен-протестант, ни русский предприниматель из старообрядцев, да и вообще никто из уважаемых людей не станет кичиться своими деньгами, скупать яхты и виллы, тем более, когда сограждане бедствуют. Так делают люди с комплексами, затаившие какое-то неутоленное желание отомстить народу (есть среди них и достойные люди, но мы говорим о «социальном портрете»). Разве можно таким людям вручать народное хозяйство! Их надо жалеть, ублажать, но не таким образом.

В общем, такой бизнес для России не нужен, но и воевать с ним нельзя. Сейчас государство тоже в плохом состоянии и управиться с крупной промышленностью не сможет. Но постепенно обстановку надо оздоравливать. Для этого в мировом опыте есть широкий спектр методов.

Другое дело — предприятия малые и средние. Вот что невозможно простить реформаторам — их ненависть к честному предпринимателю, мастеру и творцу, организа-

тору производства и лидеру трудового коллектива. Ведь масса людей ожидала, что реформа пойдет именно по этому пути, потому и согласилась с ней. Сколько людей — и практиков, и ученых — толкалось в двери ЦК КПСС, а потом в ельцинские кабинеты, чтобы объяснить совершенную необходимость государственной программы поддержки малых научных и производственных предприятий! Сколько авторитетных иностранных деятелей и экономистов, желавших добра России, пытались при всякой okazji передать в Кремль, что ни в коем случае нельзя проводить приватизацию прежде, чем будет создана «подстилка» из 3—4 миллионов малых промышленных предприятий, что без такой «подстилки» экономика России в результате приватизации разобьется.

Если бы эта система была создана, как это было сделано в ходе реформ в Японии и на Тайване, в Южной Корее и в Испании, половина нашей экономики уже бы действовала в укладе постиндустриализма. Мы бы избежали деклассирования и потери квалификации 20 миллионов работников, массовых страданий миллионов семей, мы бы обошлись без деиндустриализации и спада производства. Ту настойчивость, с которой команда Гайдара — Чубайса саботировала эту программу, можно объяснить только жестким запретом со стороны их американских советников. Им надо было добиться немедленной обвальнoй приватизации как средства разрушить хозяйство нашей державы.

В 1990—1991 гг. я в Испании изучал их программу создания системы малых и средних предприятий. Много говорил с идеологами этой программы, которые разработали ее после смерти Франко как условие либерализации и модернизации национальной экономики. Бывал на многих предприятиях, подружился с их хозяевами, обсуждал

с профсоюзными деятелями, с коммунистами, социал-демократами и франкистами. Я абсолютно уверен, что никаких объективных препятствий, чтобы подобную программу осуществить в РФ, не было. Была политическая воля — не дать ей ходу. Поощрялись фирмы-посредники, мелкие торговцы-ларечники, челноки, но не производство и не инновации.

В Испании прежде чем начать приватизацию (постепенную и выборочную), с помощью государства создали около миллиона предприятий, хозяевами которых стали рабочие и инженеры, уходящие при сокращении рабочих мест. В основном треть денег на создание фирмы давало государство, треть — беспроцентный кредит специального банка, треть — сам предприниматель. Была создана сеть региональных технических центров обслуживания, с хорошим оборудованием и консультантами, сеть «инкубаторов», в которых можно было со своей идеей вырастить зародыш фирмы до жизнеспособного состояния, сеть Институтов развития, выполняющих множество абсолютно необходимых функций, непосильных для малых фирм.

Что говорить, было сделано великое дело — Испания за десять лет вырвалась в число высокоразвитых стран, она менялась прямо на глазах. С какой радостью работали люди, как приятно было бывать в этих дружных коллективах. Среди владельцев предприятий было много коммунистов. Их убеждения нисколько не мешали делу, ибо они были предпринимателями, а не капиталистами. Их положение не вызывало никакой классовой вражды, их уважали за мастерство и труд, а они не выгребали деньги из предприятия. Обычная их личная прибыль по величине была равна «второй зарплате».

И как они мечтали передать этот их опыт нам в Россию, сколько было предложений. Они были готовы вкладывать деньги в аналогичные предприятия у нас и вообще не вывозить прибыль, реинвестировать ее — в благодарность СССР за то, что мы приютили детей республиканцев. Я прикидывал, как бы это дело пошло у наших людей, примерял на своих знакомых инженеров, научных работников и рабочих. Прекрасно пошло бы! Это то, чего мы все ждали. Я и сам вспомнил свои идеи в химии, которые не мог реализовать на больших предприятиях — как бы я работал над ними с друзьями!

Среди малых предприятий были и наукоемкие. Промышленность электроники была сосредоточена в Мадриде. 90% работ выполнялось на малых предприятиях, 10% — на головных заводах. Так же и в большинстве других отраслей. А стоимость создания одного рабочего места на таких фирмах была в 10 раз меньше, чем такое же по уровню место на большом заводе.

Сейчас, конечно, вся эта система там обновилась, хозяевами стали уже дети моих друзей, все с высшим образованием. Но опыт того первого этапа для нас очень важен. Мы после бурных 90-х годов дозреваем до такого состояния, что для нас будет уже неизбежен «новый нэп», новый этап индустриализации, но уже на другой технологической и социальной основе. Необходимую гибкость и эффективность производственной системы можно будет достичь только через симбиоз предприятий разного типа и разной величины.

России нужно предпринимательство, которое сможет соединиться в такую систему, обладающую кооперативным эффектом. Но для этого надо еще преодолеть идеологические догмы правящей верхушки. На голом рынке такой системы не создать.

Недавно, в июле, на озере Селигер проходил слет активистов движения «Наши». Меня пригласили прочитать две-три лекции. После лекции обычно остается 10—15 минут на вопросы. Но некоторые вопросы молодые люди стесняются задавать при всех. Они подходят потом, остаются в узком кругу, один спрашивает, другие слушают. А кто-то выжидает, потом догоняет по тропинке и задает свой вопрос совсем наедине. Так одна девушка меня спросила, когда, по моим расчетам, можно будет чувствовать гордость за то, что принадлежишь к русскому народу.

Меня этот вопрос взволновал. Как же, значит, политики всех мастей, гуманитарная интеллигенция и журналисты, замордовали людей своими рассуждениями. Как они оказались нечутки к тому, что творится в душе тех, кто их слушает и читает. Ведь эта важная сторона нашего кризиса совсем выброшена из общественного разговора. Кто-то еще может сказать о воинской доблести Суворова или Жукова, о ветеранах Великой Отечественной войны, о гении Пушкина или Пастернака — а что же о людях, которые живут здесь и сейчас? Одна чернуха. Как же такое может быть?

Я, имея доступ к печати, тоже почувствовал себя виноватым. Высказывал свою позицию по этому вопросу вскользь, а он, оказалось, для многих один из важных. Коротко девушке ответил, на завтра затронул в лекции, неявно, тему критериев. Ведь людей лишили системы координат! Они в растерянности и не знают, что может служить предметом их национальной гордости. Кажется, мелочь, а на деле сильный инструмент демонтажа народа. Скажу об этом и здесь — без бахвальства и экзальтации. Не всех убедит — не страшно. Я лично вижу дело так.

Мы как народ переживаем тяжелый кризис. Любой кризис (в том числе война) — это особый, аномальный тип бытия народа и личности. Сгибаются, перекручиваются и даже ломаются все стороны жизни. Поднимается наверх и нагло утверждается самое подлое и мерзкое, что есть в народе. Но в то же время собирается и противостояит подлости самое светлое, доброе и умное.

В момент этого нашего народного бедствия я слишком поздно, совсем недавно вспомнил слова поэта: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Меня поразила пронизательность Тютчева. Так оно и есть, но ведь не будешь на каждом углу кричать, как ты счастлив в момент бедствия. А иногда этого так упорно не понимают, что поневоле приходится раскрыться.

Как-то, примерно в 1993 г., я в одном ученом собрании в Испании делал доклад о доктрине экономической реформы в России. В дебатах в разных выражениях звучала одна мысль: какой странный провал в культуре великого народа, какой регресс в мышлении, какая необычная тупость реформаторов, какой стыд — так про... ть великую страну и загубить великое хозяйство.

Я сначала обратился к логике: нельзя делать такие обобщения на основании одной проигранной кампании в великой войне, тем более без учета соотношения сил в этот момент. Да, в силу стечения исторических обстоятельств русские холодную войну проиграли, но ведь история на этом не заканчивается. За 1941 годом был 1943-й, а потом 1945-й.

Но, как оказалось, люди в Большом времени ориентируются с трудом — мол, когда еще этот новый 1945 год наступит. Что происходит сейчас, вот вопрос. И я сказал не о логике, а о чувствах, как прямой свидетель. Сказал, что испытал в жизни два момента большого счастья — в

детстве и сейчас, на склоне лет. Оба раза это были моменты народного бедствия, в нем я и жил. А счастье было оттого, что я непрерывно видел вокруг себя, рядом с собой, величие, доброту и благородство множества людей. Именно в бедствии мой народ оказался велик и благороден. Ребенком я этого, конечно, не понимал, но зато чувствовал очень остро. А сейчас и чувствую, и понимаю — и горжусь. Да, это гордость не от победы, не от силы оружия или банковской системы России. Но ведь и сила, и подвиги, и победы разные бывают.

Тогда в Испании тоже был «кризис» — спад производства 1%, доходы не растут. Люди нервничали, многие вели себя странно. А представьте, говорю, что у вас производство упало на 50%, а доходы большинства — в три-четыре раза. Ведь общество просто рассыпалось бы, люди превратились бы в стаи волков. У нас же этого не произошло. Женщина в метро может дремать, поставив свою сумку на пол. А здесь свои сумки наматывают на руку, и все равно их то и дело вырывают, чуть ли не с рукой вместе. Парочка на мотоцикле прицелится, промчится, задний рванет сумку. Посмотрите голливудские фильмы-прогнозы о том, во что превратятся их города после большого бедствия.

В Нью-Йорке лет двадцать назад на четыре часа погас свет. За это время разгромили множество магазинов и ограбили массу людей, иногда прямо в лифтах. У нас мозги так повернуты только у тех немногих, которые стараются походить на этих жителей «дикого Запада». Я в метро видел такую картину. Группа уличных мальчишек и подростков, которые протирают стекла машин у светофоров, пересчитывала добытые деньги. Потом они побежали по залу и переходу и выдавали каждому нищему старику одинаковую сумму. Снова остановились, пересчитывают

остаток. Нищих оказалось больше, чем они предполагали — стали спорить о том, сократить ли сумму или по какому-то признаку отказать части стариков в помощи. Решили сократить сумму (но все равно она оставалась внушительной). Это, конечно, детская романтика, но на Западе такое коллективное действие никто и представить себе не мог. Как раз тогда у таких мальчишек там возникла мода коллективно избивать нищих стариков. В Париже одного даже облили бензином и сожгли.

В конце 1991 г. знакомый испанский социолог, зав. кафедрой социологии университета Сарагосы, попросил меня о такой вещи. У вас, говорит, в январе будет либерализация цен, покупательная способность доходов резко снизится. Попробуй раздобыть для нас сведения о том, сколько бездомных собак будут отлавливать в эти месяцы в Москве. Я удивился, а он пояснил. Они на кафедре изобрели метод измерения реакции населения на кризис — по числу выгнанных из дома собак. Говорит, что это очень чувствительный показатель. Еще формальных экономических признаков кризиса нет, но средний класс, нутром предчувствуя его приближение, начинает изгонять своих четвероногих друзей. В газетах даже излагают способы такого изгнания — семья с детьми и собакой едет на прогулку за город, и пока счастливый общий любимец с лаем носится за бабочками, хлопают дверцы автомобиля и начинается типичная собачья драма. То-то меня удивляло, что в тот момент по улицам Сарагосы бегали с безумными глазами дорогие собаки, доберманы-пинчеры, а то и сен-бернары.

Социолог предвкушал, что в Москве они получают сенсационный научный материал — еще бы, феноменальное моментальное обеднение миллионов жителей столицы. Мне интересно было послушать его рассуждения, но я

предупредил, что вряд ли в Москве их методика годится. Другой народ, другая культура.

Прав оказался я. Точную статистику получить не удалось — тогда в Москве не то чтобы собак отлавливать, даже мусор на время перестали вывозить, просто сжигали его во дворах. Но я наблюдал сам и знакомых попросил посмотреть, что происходит с собаками в их дворах. Ничего не произошло.

И еще вспоминается тяжелый октябрь 1993 г. — не политика, а то, что приоткрылось в людях. Тогда умирать к Верховному Совету РСФСР пришли тысячи именно простых людей, причем с плохо скрытым презрением и к Руцкому, и к депутатам. Что же двигало этими людьми? Об этом не говорили, даже стеснялись. А двигали ими именно чистые чувства, благородство. Такое редко бывает — а у нас было, перед нашими глазами.

И не бесшабашные были эти люди, предвидели финал. Когда обыскивали карманы убитых около Останкино людей, находили квитанции на загодя оплаченный гроб. Да, это идеализм — не хотели они, чтобы на гроб для них тратилось постылое правительство. Не буду говорить о той стороне событий, которая потрясала. Вспомню мелочи, почти незаметные, но открывающие что-то важное.

Все эти люди, чтобы прийти и остаться, через что-то перешагнули, от многого отрешились. Но потом уже об этом не думали и не говорили. Съезжались и нервничали, когда ОМОН в очередной раз имитировал атаку с дубинками, давил на нервы. Как расширялись зрачки у женщин и девушек — глаза черные, совсем без радужной оболочки. Хотелось каждой поклониться. Но не уходили — это как-то было вычеркнуто из вариантов поведения. Только по утрам, когда мужчины виновато уходили на работу, спрашивали: «Вернетесь?»

Помню, вечером 27 сентября вдруг перестали пропускать людей к Дому Советов. Уходить — пожалуйста, а туда — нет. Все заволновались, особенно те, кто ждал друзей и родных. Столпились под холодным дождем у оцепления, переругиваются, все промокшие. Вдруг с важным видом проходит через оцепление старик. Потеплее оделся, с сумочкой — продукты, вода. Женщины бросились к нему: «Ты как прошел? Где пускают?» А он с гордым видом, свысока им отвечает: «Нигде не пускают. А у меня блат есть. Офицер с моим сыном в Афганистане служил, он меня всегда пропустит». И от него отошли, с завистью и недоброжелательством. И тут блат!

Для чего же этот старик использовал свою привилегию? Чтобы пробиться туда, где он будет мокнуть всю ночь без пищи и огня, с риском быть измочаленным дубинками (о танках тогда еще не думали). Этот старик был просто выше самого понятия героизм, он был в другом измерении.

Все это я не мог сказать той девушке у озера Селигер. Но достаточно было и нескольких фраз, и она сразу все поняла — потому что примерно так же думала. Ей только было нужно от кого-то услышать слово подтверждения.

НАШЕ СОЗНАНИЕ

ПОТЕРЯННЫЙ РАЗУМ

Пятнадцать лет назад в крупных городах СССР была произведена антисоветская революция «оранжевого» типа.

Революция — праздник угнетенных. Каких же угнетенных праздником была та революция? Партийных боссов вроде Е. Гайдара и А.Н. Яковлева, части художественной элиты и воров. Одних угнетала идеология равенства, других цензура, запрещавшая показывать на сцене голый зад, третьих — Уголовный кодекс РСФСР. Все они действовали вполне разумно (правда, жадность потом многих сгубила, но ведь и сердцу не прикажешь). Но речь не о них — за ними стояли миллионы тех, кто составлял нашу «трудовую интеллигенцию», а за нею — наш родной рабочий класс. Именно они посадили нам на шею Ельцина под ручку с Боннэр и Березовским.

А что получилось, у каждого было перед носом. И Гайдар, и Боннэр, и Березовский получили именно то, чего хотели. Их умозаключения и расчеты были верны. Говоря суконным языком, их интеллектуальные инструменты оказались исправны.

Другое дело — те десятки миллионов наших горожан, которые ожидали от разгрома СССР совсем иного, хотели чего-то большого и чистого. Их желания и надежды были

скрупулезно изучены и вот непреложный факт истории: образованная часть граждан огромной страны, перейдя к «новому мышлению», неверно рассчитала последствия своих действий и движений души. А ведь специалисты, исходя из теории хаоса, указывали, что при этом самом «новом мышлении» будут приниматься наихудшие для большинства решения. Ты разрушаешь советскую систему, мечтая о шведской модели и цивилизованном западном инвесторе, а созданный тобой хаос втягивается в гнусные лапы братвы, которая пинком выбрасывает тебя на помойку.

Более того, 90-е годы обнаружили совсем уж небывалую интеллектуальную патологию — люди и ужасную действительность видели, и ее дикое расхождение с увлекшими их лозунгами видели, и косточки им никакой не кинули — а они все равно шли за Хакамадой или Немцовым и кричали: «Я требую дальнейшего повышения цен и реформы ЖКХ!» Сейчас таких осталось немного — иных уж нет, а те далече... Но патология осталась, в тысячах иных проявлений.

С этого факта и начнем. В своих рассуждениях 80-х годов влиятельная часть нашей интеллигенции допустила ряд фундаментальных ошибок. В результате этих ошибок были сделаны ложные выводы и приняты неверные решения. За интеллигенцией пошла масса людей — кому же верить, как не своим образованным близким. Страна оказалась на грани катастрофы и погрузилась в странный, не описанный ни в каких учебниках кризис, из которого не ясно, как выбраться. Сейчас его заморозили — и то слава Богу. А когда заморозка перестанет действовать, как взвоем? Да и не поздно ли будет?

Но и сами ошибки — лишь симптом. Причиной их было нарушение норм рациональности. Перестройка привела

к ее тяжелому поражению. Вместо анализа ошибок и «починки» инструментов разумного мышления, как это принято делать при любых технических сбоях или авариях, произошел срыв — эти ошибки побудили к дальнейшему отходу от норм разумного мышления, в результате чего общество сорвалось в тяжелейший кризис. Если бы наши либеральные реформаторы, исходя из своей веры и своих идеалов, рассуждали согласно правилам здравого смысла и логики, сверяли бы свои выводы с реальностью, то мы могли бы избежать срыва и найти разумный компромисс между интересами разных частей общества.

Получилось наоборот, правящая элита шаг за шагом толкала к лавинообразному распаду всей сложной конструкции рационального сознания. Поток мракобесия, который лился с телеэкрана, был настолько густ, что многие до сих пор удивляются, где же он копился, в каком овраге. При этом мракобесие стало очень агрессивным. Сегодня массовое сознание отброшено в зону темных, суеверных, антинаучных взглядов — Просвещение отступило.

Утрата здравого смысла, доверие к самым абсурдным обещаниям — все это стало нормой нашей общественной жизни. Люди грезили наяву и отвергали предупреждения, мешающие наслаждаться приятными образами близкого будущего, которые им рисовали идеологи. Полная свобода! Возвращение в цивилизацию! Общечеловеческие ценности! Постиндустриализм!

Рассуждения стали настолько бессвязными и внутренне противоречивыми, что многие поверили, будто жителей крупных городов кто-то облучал неведомыми «психотронными» лучами. Трудно представить, чтобы когда либо еще в нашей истории был период такого оглушения, такого резкого падения уровня умственной работы. Наблюдая, что происходило с конца 80-х годов, иногда приходишь к дикой мысли, что являешься свиде-

телем огромной злонамеренной кампании, направленной на помрачение разума большей части граждан. Всякие попытки ввести этот поток глупости в нормы связанных умозаключений отвергались.

Это состояние нашего общества, будучи и причиной, и следствием распада («демонтажа») народа, я считаю одной из главных угроз самому существованию России как целостной страны и культуры.

Угроза эта — общенациональная. От поражающего действия этого удара в той или иной мере пострадали все социальные группы и все политические течения. Устойчивее всех оказались крестьяне. Это понятно — чем дальше люди от политики и идеологических схваток, тем легче им сохранить здравый смысл и логику, пусть и платя за это усилением тугодумия. Элита же составила главную «группу риска». Конечно, если бы ОМОН совершил налет на какой-нибудь провинциальный русский город, устроил облаву и схватил бы на улицах первых попавшихся 450 человек, из которых составили бы Госдуму, то мы получили бы разумный и спокойный парламент. Но мечтать бесполезно, от ОМОНа такого доброго дела не дождешься. Такова реальность, из которой надо исходить. А для начала — наметить канву проблемы.

Разум и мышление человека — едва ли не главная проблема философии. В XX веке все чаще стали происходить их массовые отказы и срывы. Трудным для понимания случаев стал соблазн фашизма, которому поддался разумный и рассудительный народ. Без таких чудовищных проявлений, но сходным по глубине спадом рациональности стала катастрофа СССР-России. Сейчас, после 15 лет наблюдений, мы можем дать хотя бы описание этого странного сбоя в сознании нашего большого культурного народа. Описание — это еще не рецепт лечения, но необходимый шаг.

Наше познание начинается с чувств, переходит к рассудку, а затем к разуму. Логическое мышление использует способность разума делать *умозаключения*. Конечно, великие идеи можно высказывать и вопреки рассудку — так вещают пророки. Но пророки не живут в своем отечестве, а мы ведем речь о мышлении граждан нашего отечества, с которыми мы вместе переживаем трудные времена.

В реальной жизни мы не имеем времени, чтобы делать сложные умозаключения по всем вопросам. Мы справляемся с помощью *здорового смысла*. Это тоже инструмент разума. Правда, у «элиты» он ценится невысоко, куда ниже, чем теоретические доводы. Но в условиях кризиса роль здравого смысла резко возрастает. В это время у нас мал запас прочности, и мы вынуждены искать не максимальную выгоду, а минимальный ущерб. Теория может привести к наилучшему решению, но чаще ведет к полному провалу — если она не годится. Здравый смысл не дает блестящих решений, но предохраняет от *наихудших*. Вот этого нам сегодня очень не хватает.

Рациональность, в которой мы обучены мыслить, была не всегда. Она возникла в XVI—XVIII веках в Европе. Это «рациональность Просвещения», с выявлением причинно-следственных связей. Навыки таких умозаключений люди приобретают частью стихийно, через общение, этим навыкам обучают в школе и вузе, как любому другому мастерству. Надо учиться думать, повышать свою квалификацию, осваивать новые инструменты и методы. А мы под воздействием учителей-оборотней сломали и старые инструменты и отвергли всякие методы и нормы. Праздник угнетенных!

Восстановление рациональности, опоры на рассудок и разум, стало сейчас нашей общенародной, надклассовой задачей. В нынешнем состоянии сознания мы все вместе,

солидарно скользим к пропасти. Где-то не рассчитали идеологи реформы, и под их ударами поглупели в равной степени эксплуататоры и эксплуатируемые, волки и овцы, казаки и разбойники. Одного этого фактора достаточно для вымирания народа.

Интуитивно люди эту угрозу чувствуют, поэтому такую поддержку получают те редкие политики, которые говорят, хотя бы в малых дозах, на языке здравого смысла (как сказал об этой проблеме Киплинг, вернулись «от богов Торжищ к богам Азбучных истин»). И главная заслуга таких политиков — не в том, что они выправили какое-то частное дикое искривление в нашем обществе, а в их оздоровляющем воздействии на сознание. Они вытаскивают людей из зазеркалья в реальность, в мир угроз, с которыми вполне можно совладать.

Конечно, если дело пойдет на лад, нам придется говорить и об опасности «диктата разума», о невыносимой скуке всепроникающей логики и расчета. Но до этого пока далеко.

УГРОЗЫ ДЛЯ РОССИИ: НУЖЕН РЕМОНТ ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

Мы отметим еще одно обстоятельство, которое усугубило нашу общую слабость в предвидении рисков — у нас как раз к началу кризиса «отказало» обществоведение, общественные науки. Отказало в целом, как особая система знания (об отдельных блестящих талантах не говорим, не они определяют общий фон).

Как малые дети, ожидающие от жизни только подарков, мы извратили сам смысл науки, в том числе общественной. Она была представлена силой, смысл кото-

рой — улучшение нашей жизни, увеличение благ и свобод. На деле главная ценность науки — накладывать запреты, указывать на то, **чего делать нельзя**. Нельзя, например, создать вечный двигатель, за всякое благо надо платить энергией, которую Земля накопила в своих кладовых за миллиарды лет. Это великое, но неприятное предупреждение науки.

Обществоведение обязано предупреждать о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей — указывать, чего нельзя делать, чтобы не превратить массу людей в разрушительную силу. Большие сбои мировое обществоведение стало давать уже с начала XX века. Оно, например, не увидело и не поняло опасности фашизма — сложной болезни Запада и особенно немецкого народа (хотя симптомов было достаточно). Оно не увидело и не поняло признаков «бунта этничности», который вспыхнул в конце XX века. Зрение обществоведов было деформировано методологическим фильтром.

Сегодня важная часть массового сознания отброшена в зону темных, суеверных, антинаучных взглядов — Просвещение отступило. Но рациональное мышление было подорвано и в сфере профессионального знания, необходимого для жизни городского общества. Без него целый ряд важных угроз становится невидимым, наше традиционное мышление и здравый смысл не настроены на их распознавание, эти угрозы порождены недавно, уже в индустриальную эпоху.

Что значит «мы не знаем общества, в котором живем»? Это как если бы капитан при начинающемся шторме, в зоне рифов, вдруг обнаружил, что на корабле пропали лотции и испорчен компас. Уже к 1988 г. стало видно, что перестройка толкает общество к катастрофе — но гуманитарная интеллигенция этого не видела.

Конечно, сильное давление оказал политический интерес. Чтобы сломать такую махину, как государство и хозяйство, надо было сначала испортить инструменты рационального мышления. В рамках нормальной логики и расчета невозможно было оправдать тех разрушительных изменений, которые были навязаны стране со ссылкой на «науку». Сегодня чтение солидных академических трудов обществоведов перестроечного периода оставляет тяжелое чувство. В них нарушены самые элементарные нормы логического мышления и утрачена способность «взвешивать» явления.

Это выразилось в уходе от осмысления *фундаментальных* вопросов. Их как будто и не существовало, не было никакой возможности поставить их на обсуждение. Из рассуждений была исключена категория выбора. Говорили не о том, «куда и зачем двигаться», а «каким транспортом» и «с какой скоростью». Безумным был уже сам лозунг «иного не дано!» Как это не дано? С каждого перекрестка идут несколько путей.

Никто не удивляется, а ведь вещь поразительная: ни один из видных экономистов никогда не сказал, что советское хозяйство *может быть* переделано в рыночное — но тут же требовал его переделать. Хотя из самой же западной науки следовало, что к успеху могло привести только надстраивание рыночных прелестей на имеющийся фундамент (как в Японии или Китае). Нет, первым делом взорвали фундамент.

Поражали метафоры перестройки. Вспомним, как обществоведы взывали: «Пропасть нельзя перепрыгнуть в два прыжка!» — и все аплодировали этому сравнению, хотя были уверены, что в один прыжок эту пропасть перепрыгнуть не удастся. Не дали даже спросить, а зачем вообще нам прыгать в пропасть. Разве где-нибудь кто-то

так делает, кроме самоубийц? Предложения «консерваторов» — не прыгать вообще, а построить мост — отвергались с возмущением.

Летом 1991 г. несколько групп экспертов провели расчет последствий «либерализации цен», которую позже осуществил Гайдар (и расчет полностью подтвердился). Результаты расчетов были сведены в докладе Госкомцен СССР, это был сигнал об угрозе тяжелого социального потрясения и спада производства. Но «ведущие экономисты» успокоили людей. Так, «Огонек» дал такой прогноз Л. Пияшевой: «Если все цены на все мясо сделать свободными, то оно будет стоить, я полагаю, 4—5 руб. за кг, но появится на всех прилавках и во всех районах. Масло будет стоить также рублей 5, яйца — не выше полутора. Молоко будет парным, без химии, во всех молочных, в течение дня и по полтиннику» — и так далее по всему спектру товаров. Сейчас это кажется курьезом, но дело очень серьезно. Трагедия в том, что Л. Пияшева не была жуликом, она лишь показала общую структуру мышления, которая мало в чем изменилась.

Академики и социологи предлагали меры, которые были бедствием для миллионов людей и уничтожали огромное национальное богатство — и мило улыбались. Так, Н.П. Шмелев утверждал в 1989 г.: «Фундаментальный принцип всей нашей административной системы — распределять! Эту систему мы должны решительно сломать». Вдумайтесь только! Распределение — лишь одна из множества функций «всей нашей административной системы». Почему же эту систему надо сломать, причем решительно? Да и вообще, разве в обществе нет необходимости *распределять*? Вот, например, государственный бюджет — типичная система распределения. Представьте себе, что ее решительно сломали.

А вот как Н.П. Шмелев трактует наши экономические задачи уже в 1995 г.: «Наиболее важная экономическая проблема России — необходимость избавления от значительной части промышленного потенциала... Большинство экспертов сходятся во мнении, что речь идет о необходимости закрытия или радикальной модернизации от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей... Сегодня в нашей промышленности 1/3 рабочей силы является излишней по нашим же техническим нормам, а в ряде отраслей, городов и районов все занятые — излишни абсолютно».

Академик-экономист призывает к *деиндустриализации*, к ликвидации до 2/3 всей промышленной системы страны. Это значит, главные интеллектуальные инструменты для предвидения угроз в стране действительно были отключены. Вдумайтесь: «в ряде отраслей, городов и районов все занятые — излишни абсолютно». Как это понимать? Что значит «в этой отрасли все занятые — излишни абсолютно»? Что это за отрасль? А что значит «в городе Н-ске все занятые — излишни абсолютно»? Что это за города и районы?

Точно так же была исключена проблема угроз и рисков из обсуждения программы приватизации промышленности. Навык их предвидения сумели изъять и из массового сознания. Да, подавляющее большинство граждан не верило в благо приватизация с самого начала и тем более после проведения. Однако 64% опрошенных ответили: «Эта мера **ничего не изменит** в положении людей».

Это — признак глубокого нарушения в сознании. Как может приватизация всей промышленности и, прежде всего, практически **всех рабочих мест** ничего не изменить в положении людей! Как может ничего не изменить в положении людей массовая безработица, которую те же опрошенные предвидели как следствие приватизации!

Реальность такова: приватизация (вместе со всеми идущими «в одном пакете» мерами) почти моментально привела к спаду производства вдвое и вытеснила с заводов и фабрик 9 млн. рабочих и инженеров. Изменение жизнеустройства, исторический выбор люди воспринимали как бесполезное (но и безвредное) техническое решение. Мысленная операция прогнозирования угроз была исключена из мышления граждан. Такое восприятие реальности было навязано им огромным массивом выступлений авторитетных обществоведов.

УГРОЗЫ ДЛЯ РОССИИ: НУЖЕН РЕМОНТ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Мы отметили тот факт, что к концу XX века наше общество, в массе своей, утратило навык предвидения опасностей. Даже предчувствия исчезли. Это было признаком назревания большого кризиса, а потом стало причиной его углубления и затягивания. Не чувствуешь опасности — и попадаешь в беду.

Уже с начала перестройки специалисты фиксировали это странное изменение в сознании людей — на время в обиход вошел даже термин «синдром самоубийцы». Операторы больших технических систем совершали целую цепочку недопустимых действий, как будто специально хотели устроить катастрофу. Вот на шахте произошел взрыв метана, погибли люди. До этого был неисправен какой-то датчик, подавал ложные сигналы. Вместо того чтобы устранить неисправность, его просто отключили. Не помогло, сигналы беспокоили — и последовательно отключили, если память не изменяет, 23 анализирующих и сигнализирующих устройства.

Но признаком *общей* беды это стало потому, что так вели себя люди в самых разных делах. Среди бела дня, при полной видимости, немыслимым образом сталкивались два корабля, которые вели опытные капитаны. Водители на шоссе вдруг разворачивались из правого ряда, даже не подав сигнала, что приводило к тяжелой аварии. От травм, случайных отравлений и несчастных случаев у нас стало гибнуть очень много людей — по 400 тысяч человек в год.

Кто-то даже пустил идею, будто дело в нашей природной неспособности освоить блага прогресса, ужиться в мире техники. Это ерунда, срыв произошел во всем «цивилизованном мире». Череда очень похожих аварий прокатилась в 80-е годы по многим странам — с тысячами погибших (как на химическом заводе ведущей американской фирмы в Бхопале в 1984 г. — 2 тыс. погибших, десятки тысяч искалеченных). И опять же, сходное поведение во всех сферах. Вот в Голландии, у причальной стенки, переворачивается новый паром — халатно расставили автомобили, перегрузили один борт. Двести жертв. В городах США, начиная с Нью-Йорка, прошла волна больших пожаров, толпы молодых людей сгорели в дискотеках.

В Испании заболела масса людей, писали о каком-то таинственном вирусе. Дело проще: торговые фирмы пустили в продажу импортное растительное масло, в которое был добавлен анилин — сильнейший яд. Газеты писали, будто анилин добавили, чтобы придать маслу привлекательный цвет, вкус и запах, но это мне кажется невероятным. Госстандарт выдал сертификат качества. Директор Центральной лаборатории испанской таможни и еще четыре службы государственного контроля подтвердили, что масло с анилином годится в пищу. Погибло более тысячи человек, 25 тыс. остались инвалидами. Суды присудили жертвам компенсации в сумме 4 млрд. долл., прави-

тельство отказалось платить, т.к. «это бы нанесло ущерб экономике страны».

Ясно, что речь идет о проявлении общего кризиса индустриальной цивилизации. Нас от этого отвлек острый социальный кризис 90-х годов, а на Западе имели время задуматься. Нам тоже пора, ибо речь идет о *болезни сознания* типичного человека городского индустриального общества. Это тот фон, на котором разыгрывается наш общий кризис, а фон — это общее состояние, от которого нельзя отмахнуться. Оно усиливает все частные болезни.

Суть момента в том, что та техносфера, в которой живет человек, созрела до такой плотности и сложности, что опасностям в ней стало «тесно», и они полезли из нее, как перекипшее тесто. В Западной Европе сейчас только хлора накопилось более 20 тысяч летальных доз на каждого жителя. Интенсивность потоков энергии и опасных материалов такова, что сама технология может быть превращена в оружие массового уничтожения — и по ошибке, и сознательно. Но беда не в технике, беда в том, что городской человек не умнел в том же темпе, что росли опасности техносферы — и к настоящему времени его сознание не соответствует структуре и масштабам угрозы. Оно *неадекватно*.

Оно неадекватно по отношению к угрозам вообще, просто срыв в отношении технологического риска нам это показал раньше, чем угрозы соединились в лавину. Это сигнал, который надо услышать и принять срочные меры. Кстати сказать, после Чернобыля на Западе ожидали, что как раз из России будет сказано важное слово, что именно у нас начнется движение к *новому пониманию рисков*. Так оно поначалу и было, и академик В.А. Легасов с его группой высказали много важных мыслей, в чем-то у них были даже прозрения. Но продолжить не смогли,

нас увлекла, а кого-то и погубила перестройка (тем более что Легасов как раз и предупреждал о порождаемых ею опасностях — и вошел в конфликт с ее вождями и западными энтузиастами; он, например, из анализа чернобыльской аварии сделал вывод, что перестройка вскоре приведет к этническим конфликтам).

В чем же дефект? В том, что в основу *индустриального разума* (рациональности модерна) была положена особая конструкция, особый комплекс идей — *механистический детерминизм*. Смысл его в том, что мироздание — это машина, причем машина простая. Все в ней предопределено (детерминизм) и поддается расчету. Бог-часовщик завел пружину мироздания и больше не вмешивается, часы тикают в полном порядке.

Это машина равновесная, процессы в ней обратимы и предсказуемы, достаточно законов Ньютона. Адам Смит описал рыночную экономику как такую ньютоновскую машину, даже метафору «невидимой руки» (у Ньютона это гравитация) взял. Эта же модель положена в основание конституции США — сдержки и противовесы держат ее в равновесии. Такой машиной, наподобие часов (или насоса) представлялся и человек. Это мировоззрение породило *безответственность*, особое качество человека индустриального общества. Если вокруг — простые машины, все обратимо и предсказуемо, то чего опасаться! Все поправимо, невидимых угроз мир не таит.

К тому же индустриальная революция породила цивилизацию *огня и железа*, ее кумиром стал Прометей. Прометей — титан, порождение *языческого* сознания, воплощение культа силы. Человек Запада посчитал себя всемогущим, обрел свое второе, языческое Я. Оно проявилось уже в Ренессансе с его утопией античной свободы, потом в расцвете алхимии с ее магическим сознанием (в том

числе и в алхимии денег — монетаризме), в неоязычестве Вольтера с его криком «Раздавите гадину!» (христианство). Так из сознания был выброшен дар предвидения угроз. Идея свободы затоптала ответственность, идея прогресса — память. Слепые вели слепых, и мир свалился в яму нынешнего кризиса.

Как известно, в России все кризисы Запада происходят в самой бурной форме. Любую западную идею мы заглазываем и доводим до крайности. Последний раз, при Горбачеве — Ельцине, это уже было совсем ни к чему — глотнули неолиберализма, больного учения уже очень болезненного Запада. Судя по всему, поправимся, но сильно исхудаем.

Для начала требуется нам вернуться на круги своя, обратиться к устоям своей культуры, которая выросла на Православии и русском космическом чувстве. С этим ядром совместимы мироощущения множества народов, они и собрались с русскими в Россию. Но в этом ядре нет места для механистического детерминизма, хотя его формулы мы используем как научный инструмент. Но мы должны вспомнить, что мир — не машина, а Космос, сложно построенная прекрасная и хрупкая Вселенная. А мы за нее *ответственны*. Процессы в ней в большинстве случаев *необратимы*, так что мы по незнанию, по халатности или сдуру можем совершить *непоправимое*. В мире, обществе и человеке много непредсказуемого, чего нельзя рассчитывать. А значит, что-то менять, а тем более ломать, надо с большой осторожностью. Ведь нам даже не дано предугадать, как слово наше отзовется, а тут кувалдой начали свою страну перестраивать. Вот и встают угрозы-великаны.

Чтобы эти угрозы рассмотреть, нанести на карту и подготовить оборону, нам надо, прежде всего, изменить тот интеллектуальный фон, на котором разыгрывается наша национальная драма. Нужно отремонтировать и по-

чистить нашу собственную мировоззренческую матрицу — обратиться к традиционной крестьянской мудрости, которая следовала принципу минимизации рисков, а также к тому космическому чувству, из которого русская наука черпала великие идеи для понимания неравновесности, катастроф, трагичности непрерывной борьбы порядка и хаоса, от которой мы не можем ни дезертировать, ни откупиться долларами.

ФЕРМЕР И ГОРДЫНЯ

На Киевском шоссе, начиная от МКАД, множество рекламных щитов несет на себе странный лозунг: «Фермер — это звучит гордо!»

Когда едешь мимо и километр за километром издалека видишь это сделанное в строгом стиле лаконичное, но многозначительное утверждение, подступают довольно тревожные мысли. Что бы это значило? Почему рекламные щиты, эти особые производственные площади, отданы такой фразе? Кому и какой доход она может принести? Кто и из каких денег оплачивает аренду этих щитов? Раньше кое-где тоже висели знаки гордости — «Слава КПСС!» Но, во-первых, это была не реклама, а специальный ритуальный знак идеократического государства, жанры не смешивались, и божий дар с яичницей не путались. Во-вторых, это не были однообразные черно-белые, прямо-таки зловещие плакаты, выставленные через километр вдоль шоссе, подобно предупреждениям об опасности. Ахтунг!

Но главное, это произведение политической рекламы говорит о тяжелом кризисе идеологических служб. Мы не знаем, политотдел какого уровня власти придумал и ут-

вердил этот лозунг и его художественное оформление, чей финансовый отдел оплатил производство копий и аренду щитов. Скорее всего, вдохновитель, автор и инвестор — администрация Московской области. Но это не важно, государство — это не куча княжеств, его идеология обязательно должна быть централизована и иметь общие философские каноны.

Цель этой наглядной пропаганды понятна, о ней мы не спорим. Власть желает поднять престиж «фермеров» — социальной фигуры, на которую реформаторы с начала 90-х годов делали очень большую ставку. «Фермер» — это было знамя, под которым велась ликвидация колхозов и совхозов, растаскивание их имущества, а главное, приватизация или прямой захват земли. Особенно захват богатейших, высокорентабельных сельскохозяйственных угодий Подмосковья. (Кстати, не зря вслед за лозунгом о гордости фермера идут красочные плакаты «Земля продается!»)

Под знаменем фермерства была почти загублена важнейшая ценная инициатива по созданию в России необходимого для нашего сельского хозяйства уклада — семейных производственных малых предприятий. В наших реальных условиях такие предприятия могли бы стать сравнительно небольшой по масштабу, но очень полезной частью всей производственной системы. Они никак не могли бы заменить крупные механизированные предприятия (типа колхозов и совхозов), но во взаимодействии с ними придали бы всей системе больше гибкости и динамичности. Но слово «фермер» сделали знаменем разрушения. Ликвидируя крупные предприятия, реформаторы 90-х годов подрезали и корень предприятий малых («фермеров»). Зачем же этим знаменем сейчас снова размахивают? Ведь возвратиться сегодня к риторике начала 90-х

годов — значит нанести моральный ущерб «фермерам». Это плохая пропаганда.

Слово «фермер» я беру в кавычки потому, что его введение в обиход, на излете перестройки, уже само по себе было идеологической диверсией. Вводя его, идеологи того момента утверждали, что российское село впредь не будет крестьянским (общинным как при царях, колхозным как при Советах). На нашей земле будет хозяйничать фермер — специфический западный тип сельского предпринимателя, мелкий капиталист англо-саксонской культуры. И сегодня в Испании, Италии или даже Германии не назовут своего крестьянина фермером, ибо крестьянин — совсем иная фигура. Для фермера земля — не более чем средство производства, а крестьянин — подвижник религиозного толка. Для него слово «пахать» («орать») происходит от латинского слова «молиться» (orare).

Не будем вдаваться в большую тему различий между фермером и крестьянином, эти различия принципиальны и прекрасно изучены. Идеологи реформаторов скрыли от нас суть и внедрили ложное название, таящее в себе смыслы, отрицающие важный корень русской культуры. Я уж не говорю о том, что попытка переделать на чужой лад уклад села — один из самых мощных способов разрушения этнического сознания народа. Промышленное производство более космополитично, чем село, но даже здесь попытка разрушить российский тип трудового коллектива заводов и фабрик привела к тяжелейшим социальным и культурным болезням (и вовсе не только из-за экономических причин).

Но даже если говорить о российском варианте фермера — почему же он «звучит гордо»? Что это за фигура? Это фигура для нашего села маргинальная, прослойка тончайшая. Она обитает «в порах» сельского общества.

Иными словами, она может жить лишь во взаимодействии с главными социальными группами деревни, причем это взаимодействие нередко приобретает характер паразитизма. В царское время таких предпринимателей называли мироедами, потому что они паразитировали на общине (мире). И после февраля 1917 г. в селе началась вялотекущая гражданская война, причем крестьяне били уже не помещиков, а именно мироедов, в том числе тех, кто при Столыпине сумел поживиться общинной землей. Зачем же сейчас лепить нашим сельским предпринимателям ярлык, роднящий их с этим социальным типом? Ведь кампания по прославлению кулака-мироеда, которую вели в начале 90-х годов, явно провалилась. Наши «фермеры» первые от нее открестились.

На деле наши «фермеры» — это по большей части квалифицированная часть сельских работников, которые попытались, при развале колхозов и совхозов, организовать свои малые предприятия. Им была нужна поддержка государства (на Западе эта поддержка колоссальна — в США около 100 млрд. долларов в год). Они этой поддержки не получили. Такая же история уже была, при Столыпине. Но тогда государство не имело средств реально помочь тем, кто вышел из общины. Теперь такие средства были, но их украли и отправили на Запад, на счета «новых русских». И наши фермеры тянут свое хозяйство (чаще всего убыточное), надрываясь в самом буквальном смысле, за счет страшной самоэксплуатации. Чем тут можно гордиться? Только поразительным упорством и стойкостью людей, но ведь не об этом речь на плакатах! Таким упорством могут гордиться сейчас почти все наши трудящиеся, но нельзя же хвастаться национальным бедствием. В Западной Европе фермеры имеют в среднем 120 тракторов на 1 тыс. га пашни, а у нас 3 трактора. Это звучит гордо?

В действительности тот вид семейных хозяйств, который сложился в ходе реформ на селе, представляет собой типичный российский крестьянский двор, но на новой технологической основе. Этому укладу надо помогать, в том числе идеологически, но приписывать ему совершенно иные родовые свойства — ошибочно и вредно. Если же говорить о крупных частных хозяйствах, то и они по своему укладу скорее похожи на совхозы (с некоторыми новыми уродливыми чертами), чем на западные крупные фермы. Но, видимо, не о них речь на плакатах. Ведь глупо было бы понатыкать на шоссе рекламу «Капиталист — это звучит гордо!»

Теперь о самом этом афоризме. Придумал его, похоже, человек, который когда-то давно учился в советской школе, но не слишком вникал в содержание предмета. Для молодежи, думаю, вообще непонятно, откуда взялась эта странная напыщенная фраза: «Фермер — это звучит гордо». Фраза эта («человек — это звучит гордо») взята из пьесы Горького «На дне». Там ее произносит Сатин, обитатель ночлежки, анархист и социальный паразит. В его речах Горький выразил свои тогдашние ницшеанские мысли, увлечение идеей сверхчеловека, свое радикальное антикрестьянское чувство. Прилепить эту фразу к образу фермера — что называется, попасть пальцем в небо. Какое-то издевательство.

Даже в советские времена, когда всякое лыко умели подгонять к идеологической строке, и в голову не пришло бы брать изречения Сатина за штампы официальной пропаганды. Да, он бунтарь — отверг общество, труд, закон, христианство, философствует в ночлежке. Он нам в чем-то симпатичен, потому что бунтует против несправедливого общества. Но в РФ этим у нас занимается Лимонов

с нацболами. Зачем же ницшеанскую муть подверстывать к образу тружеников, которые должны пахать, сеять и убирать урожай! Товарищи новые политработники, вы все-таки думайте, какие ассоциации вызывают ваши лихие лозунги!

Наконец, эта знаменитая фраза отражает искания Горького в богостроительстве. Он был религиозным мыслителем, антиправославным еретиком (гностиком), исповедовал человекобожие. Как сказал один немецкий философ, пьесу «На дне» мог бы написать сам Маркион, великий еретик II века, основатель гностицизма.

Иными словами, Горький в этой фразе ставил, вслед за Ницше, идеального человека («сверхчеловека») выше Бога. Мол, «человек — мера всех вещей». Эти искания были, конечно, важны и для мировой, и для русской культуры, но нельзя же их еретические выводы вывешивать на плакатах как очевидные истины. Ведь человекобожие — соблазн, который очень дорого обошелся человечеству. Не будем уж брать крайние проявления этого «культа человека» вроде расизма разных «элит». Сама, по выражению Тойнби, «идолатрия самодовлеющего индивида», порожденная этим культом в индустриальном обществе, поставила человечество на грань тяжелого экологического кризиса. Ведь отсюда и титаническая (прометеевская) «цивилизация огня и железа», и право сильного, и общество потребления, и «золотой миллиард». Все это нам не просто чуждо, но сейчас и враждебно. Это — угроза для России.

Я думаю, нам сейчас вообще не до гордыни. Нам нужны разум и совесть, ответственность и мужество. И, слава богу, наши сельские труженики всем этим обладают. И нам, горожанам, у них следовало бы многому поучиться. Пусть даже их и называют фермерами.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧИНОВНИК. КТО СОЗДАЕТ ОБРАЗ ВРАГА?

Недавно праздновали 20-ю годовщину удара, названного «перестройкой». Перед праздником провели по РФ большой опрос — что дала перестройка народу? 48% россиян считают, что главным ее результатом стал развал СССР. Другие 30% посчитали главным результатом то, что страна потеряла статус сверхдержавы. Выходит почти 80% населения главную причину нашей беды видят в разрушении **государства**. Даже развал экономики, который учинила перестройка, люди ставят на второе место по важности.

Как же получается, что на крутых поворотах истории так много наших граждан идет за меньшинством, которое жаждет разрушить российское государство? Конечно, каждого человека тайно грызет червь антигосударственного чувства, ибо любая власть давит — основания для недовольства всегда есть. Разум держит этого червя под контролем, а те, кто подрывает государственность, стараются это чувство растравить. Как им это удастся? Надо же в этом разобраться!

Крайний антиэтатизм (ненависть к государству) наши интеллигенты-западники переняли у идеологов французской революции, которые видели в централизованной монархии своего главного врага. Эту ненависть наша «элита» впитывала с конца XIX века вместе с обеими конкурирующими западными идеологиями — либерализмом и марксизмом. Кадет П.Б. Струве, марксист а потом либерал, раскаивался в книге «Вехи»: «В безрелигиозном отщепенстве от государства русской интеллигенции — ключ к пониманию пережитой и переживаемой нами революции».

Струве ошибся в термине. Отщепенство от государства было у интеллигенции не разумным, а именно квазирелигиозным, фанатическим — «Раздавить гадину!». Вот рассуждение Г. Павловского (1991 г.): «Русская интеллигенция вся — инакомыслящая: инженеры, поэты, жидаы. Ее не обольстишь идеей национального (великорусского) государства... Она не вошла в новую историческую общность советских людей. И в сверхновую общность «республиканских великорусов» едва ли поместится... Поколение-два, и мы развалим любое государство на этой земле, которое попытается вновь наступить сапогом на лицо человека. Русский интеллигент не ужился ни с одной из моделей российской государственности, разрушив их одну за другой».

Сейчас Павловский поет другие, антилиберальные песни, но это неважно, тогда он высказал стратегические идеи, в них и надо вникать.

Во время перестройки наши «либеральные марксисты» из окружения Горбачева стали, как попугаи, повторять изречения Маркса о государстве: «Централизованная государственная машина, которая своими вездесущими и многосложными военными, бюрократическими и судебными органами опутывает (обвивает), как удав, живое гражданское общество... Этот паразитический нарост, «государство», кормящийся на счет общества и задерживающий его свободное развитие... Этот сверхъестественный выкидыш общества... Все революции только усовершенствовали эту государственную машину, вместо того чтобы сбросить с себя этот мертвящий кошмар» и т.д.

Антигосударственность стала безумным мотивом всей перестроечной песни, и она подавила разум людей. Подумать только, мы сидим на пепелище «огромного великого государства» — и чествуем тех, кто двадцать лет назад его

поджег. На этом празднике Горбачев похвастался: «Мои действия отражали рассчитанный план, нацеленный на обязательное достижение победы... Несмотря ни на что, историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул». Думаю, нет в истории верховного правителя, который говорил бы такое о своем государстве, которому он присягал на верность.

Горбачев представляет себя героем: «Понимали ли те, кто начинал, кто осмелился поднять руку на тоталитарного монстра, что их ждет?» Кстати, действительно, а что их ждет? Разве кого-нибудь распяли или поставили к стенке за их дела? Все эти герои-поджигатели как сыр в масле катаются. Расплачиваются как раз люди невинные.

Искры ненависти к государству, которые разбрасывали и раздували «шестидесятники», разгорелись к концу 80-х годов. Когда на них плеснули керосином перестройки, государство сгорело, оставив на пепелище почти 300 миллионов граждан «бывшего СССР».

Возьмите сегодня подшивки газет за 1990—1991 годы. Тексты сохранились, и многие авторы их живы. Тот яд, который они капали в умы своих читателей, был замешан на ненависти к государству. Люди простодушно извиняли это тем, что речь идет о ненависти к советскому государству, к «империи Зла». В действительности дело было не в Советах и не в коммунистах, злоба выплеснулась на символы и опоры нашей государственности вообще — вплоть до Александра Невского. Была поставлена цель **разгосударствления** — всего и вся. От армии до детских садов! Это был уже не комплекс Герострата, поджигающего храм, — требовали всесожжения, уничтожения всего жизнеустройства множества народов. «Иного не дано!» — вдумайтесь в тоталитаризм этого клича. Но ведь ничего людям не дали. Желали только сжечь корабли, «создать необратимость». Какая мертвящая идея...

Л. Баткин в этой книге-манифесте («Иного не дано») натравливает: «Зачем министр крестьянину — колхознику, кооператору, артельщику, единоличнику?.. Зачем министр заводу?.. Зачем ученым в Академии наук — сама эта Академия?» В результате всех этих усилий мы пришли к нынешнему кризису с деформированными представлениями о значении государства и рваной исторической памятью.

Тогда в среде демократов было хорошим тоном хвастаться друг перед другом — кто больше вреда сумел нанести государству. Экономический советник Ельцина П. Бунич заверял: «Моя позиция была известна всей сознательной жизнью, непрерывной борьбой с государственным монстром» (как говорится, сохраняем стиль автора). Человек выучился на экономиста и нанялся к государству работать ради улучшения его экономики. Всю жизнь получал зарплату, премии и ласки — а оказывается, все это время неустанно стремился нанести своему хозяину вред, тайно боролся с ним! Так завистливый лакей плюет в кофейник хозяину. Да могла ли наша экономика при этом не рухнуть? Но какова этика! Если ты ненавидишь это государство и его экономику — займись чем-нибудь другим, ведь профессий много. Так нет, П. Бунич для государства — профессиональный вредитель!

Другой депутат от демократов, А. Нуйкин, тоже доволен: «Как политик и публицист, я еще совсем недавно поддерживал каждую акцию, которая подрывала имперскую власть. Поэтому мы поддерживали все, что расшатывало ее. А без подключения очень мощных национальных рычагов ее было не свалить, эту махину». Он лично занимался стравливанием народов Кавказа.

Одним из главных мотивов в антигосударственных рассуждениях была ненависть к работникам госаппарата,

чиновникам («бюрократии»). Это — обращение к ложному и примитивному чувству. Ведь в любом государстве есть бюрократия и номенклатура какого-то типа. Неявно предполагалось, без всяких на то оснований, что наши чиновники, конечно же, хуже западных.

Дело доходило до дикости. Когда в 1991 г. протаскивали закон о приватизации, ТВ с большой страстью освещало слушания Комиссии по привилегиям Верховного Совета о продаже со скидкой списанного имущества с госдач, арендуемых высшим комсоставом армии. Речь шла о 18 дачах, в которых в 1981 г. было установлено имущества на 133 тыс. руб. (по 7 тыс. руб. на дачу). Через десять лет эта старая мебель продавалась с уценкой. Надо было видеть, с какой страстью клеймили демократические депутаты престарелого маршала, который купил со скидкой списанный старый холодильник «ЗИЛ»!

Казалось бы, людей должен был возмутить тот факт, что государство не устроило старость двух десятков маршалов так, чтобы им не пришлось выгадывать на покупке старого холодильника. Тут-то и следовало заглянуть в «мировую цивилизацию», посмотреть, как живут там маршалы, и пристыдить ретивых депутатов. Нет, наш интеллигент ради красного словца никогда не жалел отца.

В своем походе против государства и его аппарата наши либералы пошли даже на то, чтобы легитимировать и сделать своим союзником *преступный мир*, извечного врага любого государства. И преступный мир овладел нашим жизненным пространством. Социальный хаос — его питательная среда. Экономическая реформа 90-х годов породила особый тип преступника — профессионального расхитителя государственной собственности. По уровню доходов и своей экономической мощи эта новая социальная группа не имеет равных в истории.

Умудренный жизнью человек, прошедший через десятилетнее заключение в советских тюрьмах и лагерях, В.В. Шульгин, написал в своей книге-исповеди «Опыт Ленина» (1958 г.): «Из своего тюремного опыта я вынес заключение, что «воры» (так бандиты сами себя называют) — это партия, не партия, но некий организованный союз, или даже сословие. Для них характерно, что они не только не стыдятся своего звания «воров», а очень им гордятся. И с презрением они смотрят на остальных людей, не воров... Это опасные люди; в некоторых смыслах они люди отборные. Не всякий может быть вором!

Существование этой силы, враждебной всякой власти и всякому созиданию, для меня несомненно. От меня ускользает ее удельный вес, но представляется она мне иногда грозной. Мне кажется, что где дрогнет, при каких-нибудь обстоятельствах, Аппарат принуждения, там сейчас же жизнью овладеют бандиты. Ведь они единственные, что объединены, остальные, как песок, разрознены. И можно себе представить, что наделают эти объединенные «воры», пока честные объединяются».

Так и вышло. Страшная ошибка честных либералов заключалась в их иллюзии, что, сломав государство, они попадут в демократию. А попали под теневую власть бандитов.

И положение России таково, что только наш государственный аппарат, наш чиновник остаются единственной организованной силой, которая способна худо-бедно противостоять давлению преступного мира и худо-бедно, но защитить от него обывателя. И в этом госаппарат может опереться только на разум и на культуру нашего населения, граждан России. Ни рынок, ни демократия, ни многопартийная политическая система этой защиты обеспечить не могут. Более того, именно госаппарат и

наши чиновники (о министрах помолчим), соединенные знанием, дисциплиной и совестью, остаются сегодня единственной организованной силой, которая способна понемногу перейти в контрнаступление против бандитов и других паразитических групп. А уж если оценить по большому счету, то именно наш госаппарат ведет тихую партизанскую отечественную войну, нейтрализуя самые разрушительные планы МВФ и наших гайдаров с чубайсами. Если бы не миллионы наших чиновников, парализованная страна уже остыла бы, и черви обглодали ее уже до костей.

Да, наш госаппарат изуродован, растрепан чередой непрерывных чисток, сокращений и административных реформ, озлоблен клеветой и издевательствами, сбит с толку потоками идеологической чепухи и повязан коррупцией (хотя наш бизнес, как показали исследования, больший урон несет от воровства и махинаций своих топ-менеджеров, чем от мздоимства чиновников). Все мы страдаем сегодня от бюрократической машины, приведенной в такое состояние, все мы исполнены к ней злым чувством. Но если мы позволим ее добить, нам конец! Надо, несмотря на наше справедливое возмущение, ее сберечь, а потом и вылечить. Ведь через всю грязь, налипшую на наш госаппарата, просвечивает и прорывается инстинкт и совесть государственного человека — надо только его поддержать и помочь ему окрепнуть. Этого и боятся вечные отщепенцы.

Поэтому опять так востребованы оказались те же силы, которые подпилили устои СССР. Сегодня, при новом антигосударственном кличе, они вновь вострепнулись, как старый боевой конь. Опять развернуты знамена диссидентов, опять мы слышим апелляции к Западу. И собственники-космополиты, и интеллигенты-западники не примирились даже с теми шагами режима В.В. Путина,

которые были просто необходимы для стабилизации после 1998 г. Давление и с их стороны, и со стороны правящих кругов Запада оказалось столь мощным, что проклятья в адрес работников госаппарата («бюрократии») вошли в официальную риторику нынешней власти. Но простой-то человек должен понимать, кто заказывает всю эту музыку.

Достаточно послушать почетного агента влияния и архитектора перестройки А.Н. Яковлева. В одном из своих последних интервью («Независимая газета», 19 апреля 2005 г.) он просто из себя выходит: «Меня тревожит наше чиновничество. Оно жадное, ленивое и лживое, не хочет ничего знать, кроме служения собственным интересам. Ненавидящее людей. Оно, как ненасытный крокодил, проглатывает любые законы, любые инициативы людей, оно ненавидит свободу человека... Я уверен: если у нас и произойдет поворот к тоталитаризму, произволу, то локомотивом будет чиновничество. Распустившееся донельзя, жадное, наглое, некомпетентное, безграмотное сборище хамов, ненавидящих людей».

После «Норд-Оста» и Беслана число граждан, которые не верят в способность правительства защитить их от терроризма, увеличилось в полтора раза — с 50 до 75%. А.Н.Яковлева спрашивают в этом интервью: «Не жалеете, что в свое время с Горбачевым силовиков не разогнали?» И он довольно отвечает: «Я думаю, это наша ошибка. Что касается монстра, я бы его ликвидировал... Кстати, по моей записке КГБ был разделен на несколько частей». Сколько крови и слез стоили нашим людям эти его дела! Неужели под дудочку этих «архитекторов» будем доламывать и так уже израненные структуры государства?

А.Н. Яковлеву в его ненависти к чиновникам вторит Е. Ясин, влиятельный идеолог и политик российского

«олигархического капитализма». Для него бюрократы и государственники — враги, антиподы либералов. Их укрепление он трактует как «полицейское государство» (а кое-кто из этой «партии» прямо говорит о «фашистском государстве»). Ясин заявил в обращении к «демократам»: («Московские новости», 18 ноября 2003 г.): «События вокруг ЮКОСа — это шаг к победе бюрократии над бизнесом... Это шаг от управляемой демократии к полицейскому государству... До недавнего времени казалось, что президент стоит над схваткой, что ему для равновесия нужны две стороны — либералы и государственники. Теперь стало ясно, что это не так, по крайней мере, в данный момент. И выбор его очевиден».

Ясин угрожает В.В. Путину мобилизацией всего «класса» новых собственников и экономическим саботажем: «Владельцы компаний всех размеров формируют единый фронт для защиты своих интересов... Итак, позиция президента ясна и менять ее он не собирается. Получается, на события могут повлиять только бизнесмены: замедление экономического роста, сопровождаемое бегством капиталов...»

На это шипение можно было бы не обращать внимания, если бы оно не подпитывалось с Запада. Директор российских программ Центра оборонной информации США Н. Злобин пишет так: «Россия не рассматривается Америкой как демократическая страна. Ее президент Владимир Путин больше не воспринимается здесь как демократ в западном смысле слова. Наконец, подавляющее большинство элиты США убеждено сегодня в имперских амбициях Москвы, проявляемых, по крайней мере, в зоне бывшего СССР». А крупный функционер Фонда Карнеги А. Аслунд, которого любят цитировать российские демократические СМИ, пишет прямо: «Нынешний

режим [В.В. Путина] нежизнеспособен сам по себе... Снова Соединенным Штатам придется целенаправленно действовать разрушению мягко-авторитарного режима, вооруженного ядерными ракетами».

Этот шантаж то ослабнет, то снова усиливается. И многие из наших власть имущих пасуют. А внутри страны идет идеологическая и организационная подготовка к «оранжевой революции». Пока что тоже как средства шантажа, но ведь это смотря как повернется. Сумеет Чубайс устроить какую-нибудь гадость с показательным замораживанием пары-другой городов — и взвоятся оранжевые флаги.

Целый трактат написал прораб перестройки Леонид Баткин («Новая газета», 2005, № 24). Он строит планы создания «партии нового типа», способной произвести окончательный демонтаж «империи зла»: «Разумеется, речь идет о «бархатной» или «оранжевой» революции... Вызревавший при Ельцине режим российской бюрократии, гораздо откровеннее и наглее пролгавшийся при Путине, с 2004 года вступил в исторически новую фазу. Стало быть, необходимо разительное преобразование облика, стиля и тактики демократических сил... Нужны действия. Перенос борьбы на улицу. Ориентация на ее настроения. На настроения тех, кто митингует, голодает, звонит на «Свободу» и «Эхо Москвы». Нужен тотальный международный контроль за выборами. Нужна демократическая перемена власти. Остальное придет вслед за ней».

Что «остальное» придет вслед за «оранжевой революцией», мы можем себе представить по тому, что пришло вслед за перестройкой. Возник больной олигархический режим, который зародился и вырос как разрушитель государственности. Как химера, пожирающая самое себя. Из-за этого и народ встал на путь умирания. Что будет со

страной, если мы не переломим разрушительную инерцию!

Вот наша общенациональная задача — восстановить подорванные, изуродованные структуры жизнеустройства. И первейшая из этих структур жизни — государство. Иначе теневые силы, несовместимые с жизнью народа, совсем накроют Россию.

ОСТОРОЖНО: ЭКОЛОГИЯ

Отношения человека с природой — один из главных вопросов, над которыми трудятся наш ум и чувства. Тут много противоречий, много неизведанного, тут источники непримиримых конфликтов, озарений и вдохновения. Я укажу лишь на один неприятный слой этой темы: на ней паразитируют самые гнусные манипуляторы, здесь вскармливается подлое надругательство над разумом. Ходить тут надо с большой осторожностью. Тут — одна из мин, на которых мы подорвались в конце 80-х годов.

Эко-логия (изучение дома) и *эко-номика* (управление домом) — две области знания, которые не являются наукой. В них включены смыслы иррациональные, не поддающиеся логике и расчету. Здесь знание неразрывно переплетено с идеологией, с проблемой добра и зла. Наука подходит к объекту познания непредвзято, то есть, не связывая себя ценностями (нравственностью). Это возможно лишь в том случае, если сам конкретный объект ценности не представляет, а служит носителем информации о множестве подобных объектов. Потому, например, врач не может подходить к пациенту как ученый, делать над ним эксперименты. Каждый пациент — уникален. Так же и экологи. Их объекты уникальны. Отношение к ним

сопряжены с нравственными ценностями. На стыке флангов знания и ценностей просачиваются манипуляторы и довольно легко создают массовые психозы — панику, баррикады, Великие походы.

Три сферы таят в себе примерно одинаковый потенциал такого риска — экология, экономика и этничность. В этом мы убедились на своей шкуре за последние 20 лет — и это только начало.

Когда разрушение логики сочетается с воспаленным воображением, целые социальные группы впадают в опасное состояние. Во время перестройки экологией была возбуждена влиятельная часть интеллигенции. Каждая очередная кампания принимала характер *психоза*, а «экологически возбужденная» интеллигенция превращалась в *толпу*, отвергающую и диалог, и рассудительный тон, и суждения специалистов. Это, впрочем, не наша болезнь, создание таких психозов — технология.

Знаменитый психоз «озоновой дыры» нанес удар по экономике целых регионов мира. Добившись запрещения использовать фреоны, Запад не дал другим странам получить выгоды от этой технологии, которую те только что освоили. Когда были подписаны Монреальские соглашения, ни одно исследование не обнаружило связи между содержанием фреонов в воздухе и разрушением озона. А Сахаров уже предлагал заделать «озоновую дыру» ядерными взрывами в верхних слоях атмосферы — мол, при них выделяется много озона. Забота об экологии!

В СССР именно экологическое движение было первым организованным политическим движением, которое потребовало смены общественного строя. Замечательно, что после ликвидации СССР это движение было сразу свернуто. Начальство нажало на кнопку — и все «экологи» исчезли. В Армении даже продолжились работы по строи-

тельству АЭС, под знаменем борьбы с которой там шла антисоветская пропаганда.

Требовать под экологическими лозунгами перехода к рыночной экономике было попросту глупо. Ведь если в СССР мы вредили природе по безалаберности и нехватке средств, то рыночное общество имеет принципиально антиэкологическое мироощущение, Об этом написана уйма литературы, и наша интеллигенция никак не могла этого не знать.

Как могло образованным людям прийти в голову, что частный интерес будет более бережно относиться к природе, чем общественное хозяйство? Для такого убеждения не было никаких оснований — разрушение природной среды в США и Западной Европе стало одной из главных тем XX века. Положение на Западе было улучшено именно вследствие «сдвига к социализму» — усилению роли государства в экономике. А главное, вследствие массового вывоза экологически вредных производств в страны «третьего мира».

Антиэкологичность рынка такова, что нам раньше и в голову не могло прийти. Например, проблемой юга Европы являются *поджоги лесов*. В Испании этим занимаются целые фирмы с авиацией. Зажигательные бомбы замедленного действия сбрасываются на небольших парашютах. Заказчики — лесоторговые фирмы, которые скупают на корню обгорелый лес по очень низкой цене. Сталкивались ли наши экологи с таким бизнесом в плановой экономике? Нет — на него спроса не было. А вот еще — после отмены границ в Испанию повадились автоцистерны с отходами химического производства из ФРГ. В малонаселенных районах на местных шоссе они сливали свое содержимое в кюветы прямо на ходу. Это экономическая логика системы, а если в стране расцвела коррупция, это — общий принцип. Как можно было этого не понимать?

Когда в конце 80-х годов с помощью экологических психозов подрывали советский строй, уже было нетрудно видеть, что на смену ему, со всеми его дефектами, может прийти только строй, производящий *экологическое бедствие*. Ибо осколки СССР, за исключением Прибалтики как союзника Запада по холодной войне, имели шанс попасть только в зону периферийного капитализма — с неминуемой *архаизацией* хозяйства и быта большинства населения. А один из способов пропитания у населения таких зон — продажа богатым странам своих экологических ресурсов (в виде территории для захоронения отходов или размещения грязных производств). Не видеть этой перспективы образованные люди просто не могли. И им пришлось забыть все то, чему их учили.

Патологией является и полное отсутствие рефлексии интеллектуалов, что размахивали экологическими лозунгами в годы перестройки. Они добились своего (например, остановили наполовину выполненную Энергетическую программу) — и резко ухудшили положение в экологии. Нельзя же оставить такой факт без анализа, это противоестественно для специалистов!

Возьмем использование природных ресурсов. Коэффициент извлечения нефти в РФ снизился до 35%, т.е. после окончания разработки месторождений будет безвозвратно потеряно 65% нефти. Господа временщики снимают с месторождений сливки. Это — система. А что сотворили богатенькие владельцы коттеджей с водоохранной зоной России, может видеть каждый, пройдясь по берегам рек и озер. Спектакли, которые ставит по телевидению охранник природы Митволь со своими приставами, изменить ситуацию уже не могут. В лесах же орудуют фирмы-хищники, только щепки летят.

Как говорится, промышленность «стоит», а образование токсичных отходов растет: в 1994 г. 75,1 млн. т, а в 2004 г. 263,5 млн. т. При этом инвестиции в природоохранные мероприятия снижаются. Ввод станций очистки сточных вод составил в 1985 г. 2,5 млн. куб. м в сутки, а в 2004 г. 0,5 — в пять раз меньше! В 1985 г. ввели системы оборотного водоснабжения мощностью 20,8 млн. куб. м в сутки, а в 2004 г. 0,8 — в 25 раз меньше (а в 90-е годы вообще ничего). Примерно так же и с установками для улавливания и обезвреживания вредных веществ из отходящих газов.

Но как могли людей уговорить поддержать все это — вот вопрос! Какими же нам надо было быть болванами, чтобы верить самой элементарной брехне! Вот Н.П. Шмелев, депутат Верховного Совета, ныне академик, пишет в важной книге: «Рукотворные моря, возникшие на месте прежних поселений, полей и пастбищ, поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель». И образованные люди аплодируют. Какой стыд!

При строительстве водохранилищ в СССР было затоплено 0,8 млн. га пашни из имевшихся 227 млн. га — 0,35% всей пашни. Водоохранилища не «поглотили миллионы гектаров», а позволили оросить 7 млн. га засушливых земель. А нынешняя рыночная реформа «поглотила» к 2005 г. только в РФ 42 млн. га посевных площадей — они выведены из оборота и одичали.

Казалось бы, уж сейчас-то значение ГЭС должно быть очевидно каждому — за их счет сильно снижается цена электроэнергии в РФ. Подумали бы — себестоимость электрической энергии на Саяно-Шушенской ГЭС в 2001 г. была 1,62 коп. за 1 кВт-ч. Она почти не меняется — а население уже платит более рубля за 1 кВт-ч.

«Алюминиевые короли» хотят при реформе РАО ЕЭС приватизировать сибирские ГЭС, которые и обеспечива-

ют их сверхприбыли. Другое дело, что эти сверхприбыли теперь утекают на Запад, но за это надо поблагодарить в том числе и наших «экологов», которые своей борьбой с ГЭС помогали ломать СССР.

Полезно сегодня поднять материалы хотя бы по двум большим психозам конца 80-х годов — **нитратном** и **сероводородном**. Тогда центральные газеты, многие видные «деятели науки и культуры» и сам Горбачев сделали кучу нелепых, на грани безумия, заявлений. Это — феномен нашей истории, на нем надо учиться.

Нитратный психоз идеологически оправдал лишение нашего сельского хозяйства удобрений (их сразу стали гнать на экспорт). Россия сброшена к типу сельского хозяйства «третьего мира» — есть оазисы относительного благополучия, а остальная земля *дичает*. В 1987 г. минеральные удобрения получали 74%, а в 2004 г. 31% посевных площадей. Количество упало в 6 раз — в среднем на гектар у нас в 2004 г. внесено 23 кг удобрений (а в Китае уже в 1995 г. вносилось удобрений 386 кг/га).

Что же до сероводорода, то сам Горбачев представил СССР источником риска глобальной катастрофы — вот-вот взорвется Черное море, а до этого оно может через Босфор отравить и Средиземное. Какой позор — выдавать такой поток мракобесия на весь мир!

Группа океанологов, завершая обзор «сероводородной проблемы», писала в 1990 г. в научном журнале (в прессу их слово попасть не могло): «Работая во взаимодействии с выдающимися зарубежными исследователями, восемь поколений отечественных ученых накопили огромные знания о сероводородной зоне Черного моря. И все эти знания в самое ответственное время были подменены мифотворчеством. Эта подмена — не просто очередное свидетельство кризиса в науке. Это, по нашему мнению, яркий индикатор социальной катастрофы.

Надежное количественное знание об очень конкретном, однозначно измеренном объекте, относительно которого в мировом научном сообществе нет разногласия по существу, подменено опасным по своим последствиям мифом... И если в отношении такого, вполне определенного, знания оказалась возможной подмена мифами, то мы должны ожидать ее обязательно в таких областях противоречивого и неоднозначного знания, как экономика и политика.

Множество кризисов, в которые погружается наше общество, представляет собой болото искусственного происхождения. Утонуть в нем можно только лежа. Дать топографию болота кризиса на нашем участке, показать наличие горизонта, подняв человека с брюха на ноги, — цель настоящего обзора».

Как известно, поднять советского человека «с брюха на ноги» в созданном искусственно болоте не удалось — не позволили. Сейчас мы изучаем этот случай уже как патологоанатомы — делаем вскрытие ради того, чтобы извлечь урок на будущее.

БЕРЕГИСЬ АВТОМОБИЛЯ

Чем рыночная реформа подкупила молодежь России, так это тем, что открыла шлюзы для автомобилизации. За годы реформы к 2004 г. число личных автомобилей выросло в РФ в 2,7 раза, а в Москве в 3,2 раза. Как к этому относиться?

Говорить трудно, большинство читателей на автомобилях — обидятся (да я и сам к нему привязан). Но надо на минуту выпрыгнуть из своей шкуры и взглянуть, как на явление социальное. Тогда видно, что для России это —

историческая ловушка. Не единственная, но очень болезненная.

Известно, что на Западе автомобиль имел прежде всего идеологическое значение. Он стал главным каналом внедрения в массовое сознание ценностей буржуазного общества — стал фетишем, идолом общества потребления. Специалисты особо отмечают исключительную роль автомобиля в атомизации общества, изоляции индивидов друг от друга. По этому пути пошли и наши либеральные идеологи.

Сам по себе рынок не решает такие вопросы, тут нужна политика. В ходе реформы кардинальным образом изменилась политика ценообразования. Хлеб к концу 2004 г. подорожал относительно среднего автомобиля (ВАЗ-2105) примерно в 4—5 раз, а проезд на метро в 30 раз. Высокими ценами на продукты первой необходимости половина населения «запирается» в бедности, все время сталкивается вниз — и не может купить дешевый автомобиль. А те, кто перелез через порог, недорого получают автомобиль как символ своей принадлежности к цивилизации. Народ делится на два класса.

Владельцев автомобиля субсидируют за счет всего общества, так что те, кому это благо не по карману, несут чистые потери. За их счет оплачивается существенная часть стоимости и бензина, и дорог. Так везде. В США владелец автомобиля оплачивает лишь 2/3 реальных затрат на содержание шоссе, остальное — из местных налогов. А федеральные субсидии на обслуживание шоссе составляли в конце 80-х годов от 68 до 85 млрд. долларов в год. В Германии государство на каждый пассажиро-километр, накрученный немцем на автомобиле, расходует вдвое больше средств, чем стоил бы авиабилет — за счет всех.

Автомобиль стал для нашей молодежи наркотиком, опаснее героина. Многие уже не мыслят жизнь без него. Как мы сели на эту иглу? Нам внедрили чужую систему потребностей. Элита сразу проявила злобное отношение к непритязательности советского человека — ведь Маркс говорил о буржуазной революции: «Радикальная революция может быть только революцией радикальных потребностей».

Конечно, потребности расширяются, и это всегда создает противоречия. В здоровом обществе их разрешение задается ритмом развития хозяйства и культуры. Но, как писал Маркс, «потребности производятся точно так же, как и продукты». И потребности стали теперь производить в России по образцу западного общества потребления. К чему это привело? К расщеплению сознания. Люди не могут понять, чего они хотят. Их запросы включают в себя взаимоисключающие вещи. Хочется сильной России, но в то же время продать все, что можно, за рубеж и купить там шмоток и тачек. Хочется справедливости — но так, чтобы у самого была иномарка, хотя бы сосед и рылся в помойке.

Это — не какая-то особенная проблема России, хотя нигде она не создавалась с помощью такой мощной технологии. Начиная с середины XX века, потребности стали интенсивно экспортироваться Западом в незападные страны. Это и было главным средством их подчинения. Разные страны по-разному закрывались от этого экспорта, сохраняя баланс между структурой потребностей и реально доступными ресурсами. При ослаблении этих защит происходит, по выражению Маркса, «ускользание национальной почвы» из-под производства потребностей, и они начинают полностью формироваться в центрах мирового капитализма. По замечанию Маркса, такие обще-

ства, утратившие свой культурный железный занавес, можно «сравнить с идолопоклонником, чахнувшим от болезней христианства» — западных источников дохода нет, западного образа жизни создать невозможно, а потребности западные.

Наша защита была обрушена в годы перестройки. При этом новая система потребностей, которая вслед за элитой была освоена населением, была воспринята не на подъеме хозяйства, а при резком сокращении местной ресурсной базы для их удовлетворения. Это породило массовое шизофреническое сознание и быстрый регресс хозяйства — с одновременным культурным кризисом и распадом системы солидарных связей. Монолит народа рассыпался на кучу песка, зыбучий конгломерат мельчайших человеческих образований — семей, кланов, шаяк.

Не секрет, что в нашей рыночной стране выполняются далеко не все законы. Но даже при свободе, которую дал нам Ельцин, худо-бедно, но выполнялся закон сохранения материи и энергии (хотя немало материи все же пропало в каких-то черных дырах). Что же в свете этого закона означала для России автомобилизация?

Хозяйство России реформой было почти разрушено. Что делает хозяин в таком положении? Вкладывает все доступные средства в производство, прежде всего в сельское — оживить бесплатные ресурсы, землю и солнечную энергию. Тут не до «Тойоты», все деньги — на плуг, трактор, грузовик. Что же мы видим? Прямо противоположное. Вот «Федеральная адресная инвестиционная программа» (1999 г.) гласит: «В рамках Бюджета развития в машиностроении намечается привлечение частных отечественных и иностранных инвестиций для реализации важнейших проектов в автомобильной промышленности, например: проекты сборочного производства автомо-

билей «Фиат», легковых автомобилей моделей «Ассоль», «Орион», «Кондор», легковых автомобилей «Форд»... и т.д.».

Итак, курс на строительство автомобильных заводов по лицензиям. Туда — металл, горючее, рабочие руки. Даже не на автобусы, которые рассыпаются на глазах, а на автомобили. Но ведь это абсурд, господа-товарищи! Тракторов нет, зато «Ассоль» будет. Бегущая по волнам! «Кондор»! Да в Россию уже настоящие кондоры слетаются, на пир стервятников. Начался лавинообразный переход жилищного фонда в аварийное состояние.

Автомобилизация — тупик Запада. Россия в него не лезла, делала упор на общественный транспорт — и слава богу. Даже богатейшие страны не могут содержать одновременно две транспортные системы — на базе автомобилей и общественного транспорта. Но они хотя бы могут содержать массу автомобилей и строить для них дороги — а мы же этого не сможем! На Можайском шоссе приходится по часу стоять на переезде — нет денег прокопать под путями проезд или хотя бы расширить переезд до двух.

Откуда взялись средства на автомобили? Купили за «свои» деньги. Это фикция, что такого произвели, чтобы купить машин на 150 млрд. долларов? Деньги вот откуда: с 1991 г. прекратилось обновление материальной базы сельского хозяйства. Инвестиции в его основной капитал уменьшились по сравнению с 1990 г. в 35 раз, сейчас они в 25 раз ниже, чем в 1984 г. Приобретение сельхозтехники за первые четыре года реформ сократилось на 90%. И вот в Западной Европе нормой является такая нагрузка пашни на трактор: в Англии 13 га, в Германии — 8, в Италии — 6. А в РФ в 2004 г. — 169 га. Вглядитесь в эти цифры и прикиньте, что ждет нас в будущем — ведь тракторная промышленность ликвидирована.

Теперь о топливе. РФ обещает снабжать нефтью и Европу, и Азию. Остаток — в баки наших «тойот». В 2004 г. в РФ добыто 443 млн. т нефти, а на экспорт ушло 340 млн. т или 77% добычи. Сравним с 1985 г. Тогда в РСФСР было добыто 542 млн. т нефти, а вывезено 185 млн. т. — для внутреннего потребления осталось 357 млн. т., или по 2,5 т. на душу населения. В 2004 г. на душу населения в РФ осталось 103 млн. т. нефти, или 0,71 т. на душу населения. Почти в четыре раза меньше! О каком росте производства может идти речь при массовой автомобилизации и таком скудном рационе энергии? Село на производственные цели сегодня потребляет в 4 раза меньше электроэнергии, чем в 1991 г. Люди работают на износ — и катятся в каменный век.

И заметьте — рост числа автомобилей сопровождается снижением доступа к транспортным услугам той части населения, что автомобилей не имеет. Если в 1990 г. житель РСФСР в среднем проехал в общественном транспорте 5270 км, то в 2004 г. только 3270. Поскольку владельцы автомашин не перестали пользоваться поездами и самолетами, это показывает, что «безлошадные» стали очень сильно привязаны к месту — произошло резкое разделение народа и по этому важному признаку. Перемещение в пространстве — важная потребность современного человека, и эта возможность во многом определяет качество жизни.

На фоне всего происходящего автомобиль — мелочь. Но какая красноречивая...

ПУТИ В БУДУЩЕЕ

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Чтобы рассуждать, что будет с российской государственностью в ближней перспективе, надо уточнить, из какого прошлого мы выбираемся и в какой точке находимся. Конец 80-х годов — разрыв непрерывности, возможности и дефекты советского строя рухнули вместе с ним. Если они и воздействуют на нашу судьбу, то уже не прямо, а как исторические предпосылки и ограничения. В «поле возможного» их влияние сегодня гораздо слабее тех джиннов, которых выпустили из бутылки в 90-е годы.

РФ — государство постсоветское. Значит, нельзя говорить, что оно уже сформировалось, приставка «пост» означает, что мы пребываем в переходном периоде и действуем в рамках ограничений, заданных катастрофой краха СССР. Говорить, что «русское государство готово», — значит тешить лукавого. Ни познавательной, ни мобилизующей ценности эта формула не имеет. Ничто у нас не «готово», и в нашей ситуации это благо — хаос обретает творческие потенции.

Другое дело, что за последние годы положение изменилось качественно. Точка «2006» уже не вполне лежит на траектории, которая была задана в 90-е годы. Из коридора, куда нас втолкнули, она еще не выскочила — стенки его слишком высоки, — но в ней уже есть потенциал, есть

даже импульс к собственному движению. Вывести из нынешних колебаний определенный вектор, определенное стремление в будущее, пока нельзя. Это перекресток, с которого опять видны разные пути. Но в эти моменты неустойчивого равновесия толкнуть нас в тот или иной коридор можно одним пальцем — если им ткнут в нужный момент в нужное место.

В чем же новизна? На мой взгляд, она — в символической сфере. Многие материалисты, выучившие, что «бытие определяет сознание», особых изменений и не видят и сердятся, когда о них заводят речь. На деле изменение фиксируется вполне объективными показателями в массовом сознании. Первый — провал на выборах крайних флангов, особенно правого, который и символизирует «рыночную реформу». Ядро политически активных граждан стянулось к центру, его символизирует В.В. Путин. Даже «Единую Россию» приняли только потому, что это «партия президента». Второй показатель — явное желание большинства, чтобы В.В. Путин каким-то образом остался на третий срок. Контраст с тем, как менялось отношение к верховной власти при Горбачеве и Ельцине, разительный. Он не мог бы быть достигнут средствами манипуляции сознанием, тем более что квалификация манипуляторов правой «антипутинской» партии намного выше.

Для нашей темы самое важное в том, что все 90-е годы постсоветское государство РФ переживало острый кризис легитимности. Было почти очевидно и общепризнано, что оно не обеспечивает выживания страны и народа. Более того, это были годы неявной гражданской войны, в двух ее вариантах — информационно-психологической и экономической войны. В этой войне подавляющее большинство населения («старые русские») потерпели пора-

жение и были обобраны победителями. Большинство ввергли в бедность и страх, поломали жизненные планы, трудовую этику, систему легальных доходов. Разрушили *образ жизни*. Повредили и те институты, которые воспроизводили народ — школу, медицину, армию, науку. Народ был в большой мере «разобран» и парализован.

И в этой войне государство выступило на стороне «новых русских», что к концу 90-х годов стало очевидно абсолютно всем. Это выразилось в беспрецедентном падении доверия к президенту (2%) и в столь же беспрецедентной попытке парламента объявить ему импичмент с обвинением в «геноциде народа собственной страны». Голосов не хватило, но это не важно — слово было сказано, всерьез обсуждалось и, прямо скажем, было принято массовым сознанием.

Напротив, отношение к В.В. Путину к концу его второго срока не просто стабильно — оно укрепляется. Значит, в образе государства возникло ядро легитимности. Это — изменение исключительно важное. Это — национальный ресурс, правильное использование которого может переломить ход событий. Но этот ресурс может быть и бездарно промотан, на что и делается важная ставка в антипутинской кампании.

В.В. Путин шел к этому порогу очень осторожно и постепенно, ронял фразы и намеки. Но работать стал *образ Путина*, созданный «внизу». И эти его намеки стали сращивать разорванные связи нашего народа, как будто брызгали на них мертвой водой. До живой воды дело пока не дошло, но теперь может и дойти — вот что изменилось!

Дальше — больше. Постсоветские куски пространства зашевелились и потянулись сращиваться, обнаружилась опасная живучесть имперского организма. При этом люди вовсе не строили иллюзий. Одно дело — образ, другое — ржавые трубы теплосетей, село без тракторов и удобре-

ний, море без флота. Образ — не от мира сего, а на земле «волк кушает, и никого не слушает». Но без образа не собираться, чтобы преодолеть разруху на земле. Этот образ и стал *символом*.

Фразы становились более четкими и логичными, и в седьмом послании (2006), в главных его утверждениях, дан завершающий сигнал. Горбачевско-ельцинская глава исчерпана, барахтаться в ней бесполезно, опоры в ней для нас нет. Было сказано, что мы переживаем драму распада великой страны. Это — вовсе не праздник «возвращения в наш общий дом», с идеологией «возвращения в лоно цивилизации» в России покончено.

Теперь вопрос стоит так: «Мы с вами должны строить свой дом, свой собственный дом крепким, надежным. Потому что мы же видим, что в мире происходит». Нет никакого «общего дома», некуда нам «возвращаться». Сожгли мы по глупости свой дом — надо строить новый, причем надежный. Большинство это и так знало, но ведь это надо было *сказать*! До этого говорилось прямо противоположное. Сказано о Западе, что он — *волк*, носителем идеалов демократии и прав человека для нас не является. Значит, должен кончиться в России морок гуманитарного низкопоклонства перед Западом, должны мы содрать опутавшую наш разум паутину западных мифов.

Наконец, В.В. Путин представил вымирание населения как катастрофу, преодоление которой обязано организовать *государство*. Ничего естественного в этой катастрофе нет, от власти и общества требуется понимание ее причин, политическая воля и ресурсы. Впервые заданы разумные контуры общенациональной проблемы — и это изменение большое и принципиальное.

Что же дальше? Обладает ли эта ситуация внутренним потенциалом развития? Я считаю, что нет, не обладает.

Мобилизирующее воздействие символического ресурса, не соединившееся до определенного срока с «материальным» организующим действием, станет угасать. Возможно, с ускорением. Этот критический срок приближается, а воздействие символа достигло потолка. Те, кого «собрал» В.В. Путин, ожидают от государства действий, которые надежно блокировали бы возникшие и нарастающие угрозы России. Таких действий пока нет, а динамика угроз неблагоприятна. Есть опасность возникновения обратных связей типа порочного круга. Задержка с началом программы реальных действий будет размывать созданный за первые два срока «сгусток» легитимности, а это будет все больше и больше затруднять выработку и реализацию этой программы.

На эту опасность указывает тот факт, что сам В.В. Путин обрел высокий авторитет, но его правительство, то есть орган выработки и реализации реальных программ, авторитета вовсе не приобрело. И признаков поворота к этому нет, недаром даже точечные «национальные проекты» пришлось поручать людям из ближайшего окружения самого В.В. Путина. Схема «добрый царь, злые министры» — средство аварийное и кратковременное. Его отказ вызывает лавинообразную утрату авторитета власти. Строго говоря, уже и «национальные проекты» были движуты как резерв главного командования, но фронта они не удержат.

Проблема в том, что победа В.В. Путина на символическом фронте маскирует тот факт, что на «реальном» фронте продолжается отступление, причем плохо организованное. От ельцинизма в наследство получены главные «институциональные матрицы» страны в изношенном и даже полуразрушенном состоянии — ЖКХ и школа, промышленность и сельское хозяйство, наука и армия.

В 90-е годы их пытались демонтировать и эксплуатировали на износ, а пороговый момент этого износа наступил уже после ухода Ельцина. Темпы деградации приобрели ускорение именно в последние пять лет, и процесс этот приобрел массивный, неумолимый характер.

Масштабы потерь и дыр, которые надо затыкать в чрезвычайном режиме, несравнимы с теми средствами, которые может мобилизовать государство при нынешней хозяйственной системе. Власть об этом вообще не говорит, это табу. Попробуйте прикинуть, сколько стоит сегодня капитально отремонтировать ветхий и аварийный жилищный фонд страны! Сколько стоит срочно переложить полностью изношенную часть теплосетей! Люди не представляют, каковы масштабы этой задачи и сколько стоит, например, замена одного километра теплотрассы. А сколько стоит восстановление изношенного тракторного парка страны или вырезанного более чем наполовину отечественного стада скота? Сколько стоит приобретение заново всего морского флота?

Достаточно взглянуть на динамику самых критических показателей, чтобы понять, перед какой задачей встало государство именно в тот момент, когда люди вновь стали возлагать на него надежду. Кривая старения промышленного оборудования РФ за последние 8 лет не изменилась — несмотря на то, что на РФ пролился золотой дождь нефтедолларов. Труднее оценить, но, судя по всему, в том же темпе идет и эрозия кадрового потенциала страны.

Почему же власть не решается использовать накопления, чтобы переломить эти тенденции? Ведь рассуждения о том, что тратить деньги в стране нельзя, что надо их оставить внукам и правнукам, настолько нелогичны и противоречат здравому смыслу, что почти никто с ними и не спорит. Их нельзя принимать всерьез, это ритуальные

иносказания. Их приходится понимать так, что РФ не обладает достаточным суверенитетом, чтобы тратить эти деньги — они должны быть возвращены на Запад. Купить на них оборудования и технологии нельзя.

Никто и не ставит это в вину нынешнему руководству, страна провалилась в такое состояние уже к середине 90-х годов. А вот нахождение способа вылезти из этой ямы — обязанность В.В. Путина и его команды. И когда выяснится, справились ли они с этой задачей или даже не попытались мобилизовать на ее решение дееспособное ядро общества, тогда и сможем мы ответить на вопрос, поставленный в заглавии.

За первые два срока команда В.В. Путина построила трамплин, с которого мы имеем шанс выпрыгнуть из ямы. Что дальше? Дальше — этот трамплин или будет использован, или разрушен. Если власть не решится и этот шанс мы потеряем, то придется начинать снова, но уже с более низкого уровня.

ОБРАЗ БУДУЩЕГО

Представить образ будущего — значит, сделать прогноз, предсказать, к какой точке в воображаемом пространстве будущего будет тянуться ход событий от настоящего момента. Но предсказание, а тем более пророчество, не безучастно к будущему, оно его конструирует. Оно подталкивает ход событий к предсказанному образу. За будущее идет борьба, в ней нередко побеждают обманщики. Делая ложное предсказание, они направляют доверчивых людей в тупик, оставляют без будущего.

Например, такой подлог совершили лжепророки из бригады Горбачева. Они соблазнили людей образом буду-

щего, которого не могло быть устроено в СССР. Специалисты это знали, но им зажали рот — борьба есть борьба, а сила в тот момент была в руках верхушки КПСС. Попробовал Юрий Бондарев спросить Горбачева: куда полетели, где садиться будем? Его обозвали чуть ли не фашистом.

90-е годы — смутное время. Грабили страну и жили одним днем. Как будто был общий уговор — о будущем не думать и уж тем более не говорить. Даже краткосрочные программы отменили. Представить, к чему приведет весь этот ельцинизм, продлись он лет двадцать, было в принципе невозможно. Хаос непредсказуем. Люди полагались на веру: авось куда-нибудь вывезет. Разумных доводов не было.

Сейчас, похоже, возвращается способность людей к предвидению, и это хороший признак. Следующий шаг — возрождение функции проектирования, то есть разумной совместной деятельности по созданию возможных и желаемых образов будущего. Это значит, оживает человек, оживают и структуры общества. Появился росток надежды.

До полнокровного проектирования, конечно, еще далеко. Нужно восстановить способность к рефлексии — анализу прошлого. Без этого никак. Ведь будущее растет из прошлого, а сегодня — «только миг между прошлым и будущим». И даже этот миг без рефлексии не понять.

Это я говорю к тому, что сейчас мы не можем и не должны делать «научно обоснованные» прогнозы — любой краснобай их сейчас же зарубит, придравшись к чепухе, к «нарушению норм научности». Это такая же безотказная дубинка, какой раньше был диалектический материализм. Сейчас нам надо исходить из здравого смысла, из общеизвестного опыта и из чувства меры — на глаз. Эта грубая мера и грубые понятия все равно дадут результат пусть не очень точный, но верный — лучше, чем

даст жулик с точными приборами и быстрыми компьютерами. Важен вектор, а не детали.

Выскажу лишь вещи неочевидные, но, по-моему, полезные. На траектории развития России за один век случилось два катастрофических срыва — 1917 и 1991. Это значит, что в «образе будущего» на каждом из этих отрезков обнаружились черты, отвергаемые достаточно сильной частью общества. Конечно, всегда есть часть общества, недовольная проектом — любым. На всех не угодишь. Поэтому можно сказать и по-другому: в обоих проектах накопились такие слабости, что недовольная проектом часть общества смогла его прервать. Если человек умер от сыпного тифа, бесполезно хвастаться тем, какой он был красивый и сильный. Завшивел — и тифозная вошь оказалась сильнее.

Так вот, образ будущего мы должны строить, исходя из опыта обеих этих катастроф. Обе они дали нам такой колоссальный объем знания, что будь оно освоено, мы имели бы самую лучшую в мире общественную науку и самых мудрых политиков. Но тут загвоздка — и профессора, и политики как раз стараются нас от этого знания отвести. Их понять можно, но нам как-то надо исхитряться, хоть в катакомбах собираться и изучать. Это, кстати, очень неплохое место для занятий.

Второе общее правило: рассуждая об образе будущего, надо начинать с отсекания того, чего не может быть. При этом проблему следует излагать на языке «земных» понятий, без туманных идеологических терминов типа «капитализм-социализм». Надо составить перечень непреодолимых объективных ограничений, которых в обозримом будущем изменить мы не в силах. Например, наш климат не станет тропическим, и наладить крупномасштабное производство бананов не удастся не только колхозам, но

и фермерам — даже если в стране победит суверенная демократия.

После этого можно будет спорить о мягких, культурных ограничениях — о том, «чего мы не желаем», но что может произойти под давлением непреодолимых обстоятельств. Мы, например, не желаем возвращения к карточной системе. Но ведь вымирания части населения от голода мы не желаем еще больше! Или нет? Иерархия «нежелательного» — невидимый скелет образа будущего. Этот подход кажется банальным, но если бы мы применили его, слушая сладкие речи Горбачева, то внутренний голос нам бы подсказал: «этого не может быть!» или «мы этого не желаем!»

Третье правило: различать два взаимосвязанных, но разных будущих — образ будущего жизнеустройства и образ перехода к нему из нынешнего критического состояния. Кризис и нормальное развитие — разные типы жизни. То, что неприемлемо или нежелательно в нормальное время, может быть меньшим злом в период кризиса. Например, для меня очень многое из того, что говорит и делает нынешняя власть, неприемлемо как часть нормальной жизни. Но как элемент нынешнего аномального периода я это принимаю — ибо легко сорваться в состояние гораздо более плачевное. И этот период еще будет частью нашего будущего. Он, конечно, повлияет на наш светлый образ (и омрачит его), но трезвый ум должен быть к этому готов. Иначе потом кто-то обязательно станет растравлять наши раны, полученные «на переправе», и снова ломать нашу жизнь.

Что же мы видим через такую призму? Сделаю только заявку — кратко, без доказательства. Я вижу такую картину.

В современной мировой рыночной системе, построенной по типу «центр — периферия», РФ *не может полу-*

чить места в центре. Ее реальный выбор: или стать частью периферии — или выработать собственный проект, продолжающий путь России, но возможный и приемлемый в новых реальных условиях. Подавляющее большинство «категорически не желает» дальнейшей убыли населения и расчленения страны. Любые проекты, допускающие это, рано или поздно вызовут сопротивление, вплоть до гражданской войны (конечно, нового типа).

Опыт первых двух волн глобализации под эгидой Запада (колониализма и империализма) показал, что жизнеустройство периферийного капитализма приведет к слому культурного ядра России и **архаизации** хозяйственных и бытовых укладов большинства населения — оно погрузится в «цивилизацию трущоб». В наших природных условиях это будет означать быстрое вымирание населения (прежде всего, русского).

Таким образом, на мой взгляд, благополучного будущего на путях реализации того проекта, который был начат в начале 90-х годов, у России не будет. Косметические улучшения этого проекта принципиально дела не изменят. «В Запад» Россию не примут, это сказано совершенно ясно. А если она согласится на местечко в «периферии», то ей не позволят тратить на себя даже свои собственные ресурсы. Я считаю, что этот вариант будущего следует уже считать невозможным (если, конечно, у его энтузиастов не найдется чудесного способа убедить массу людей тихонько вымереть, чтобы не тратить на себя ценную нефть). Так что цель любого разумного проекта — модернизировать страну, избежав в то же время превращения ее в периферию западного капитализма.

Вариант возврата назад, к проекту консервативной модернизации с возрождением сословного общества, тоже утопичен. Из кризиса вообще не выходят, пятаясь назад, а

такой проект был испробован в России в начале XX века — в виде реформы Столыпина. Она не привела к успеху из-за непреодолимых ограничений — не было ресурсов, чтобы разрушить общину и перейти к фермерскому сельскому хозяйству. Грубо говоря, не было возможности заменить 10 млн. деревянных сох крестьянина на стальные плуги для фермера, и не было овса, чтобы накормить лошадей фермеров. Перейти к интенсивному хозяйству удалось только соединив общину с промышленностью, в 30-е годы.

В общем, в начале XX века в России были испробованы все предложенные проекты — столыпинский, либеральный рыночный (кадеты), проект анархического крестьянского коммунизма («зеленые»), коммунизма «киббуца» (первая волна коллективизации), советский проект. Из всех них был отобран и проверен Гражданской войной, нэпом, индустриализацией и коллективизацией советский проект. Его самым явным и жестким испытанием была Великая Отечественная война. Советский проект был в первой половине XX века основан на крестьянском общинном коммунизме в сочетании с идеями развития и сильного государства.

Советский строй потерпел поражение в холодной войне, которую на последней стадии Запад вел в союзе с влиятельными силами в самом советском обществе и его правящем слое. Причинами слабости были несколько кризисов, которые слились в один: кризис смены образа жизни большинства населения (урбанизация); кризис перехода от аграрного к индустриальному обществу (утратили силу прежние способы легитимации власти); кризис выхода традиционного общества из мобилизационного состояния. Общество «переросло» рамки строя, многое людей не удовлетворяло, и они его не стали защищать.

На мой взгляд, совершили ошибку, но это уже история. Главный вывод в том, что вернуться туда нельзя, как и в Россию Николая II. Но многое можно и нужно будет взять в будущее.

На мой взгляд, придется взять так много, что я бы назвал реальный образ будущего «Новый советский проект». Он, как видно из опыта, не противоречит непреодолимым ограничениям (поскольку очевидно был возможен даже при гораздо более низком уровне промышленного и технического развития). Он соответствует культурным запросам и желаниям большинства граждан — это видно из множества дотошных исследований. Конечно, советским его называть не стоит, чтобы не дразнить гусей, но сейчас мы говорим о сути — будущее возможно лишь как проект исторической преемственности.

Выбор образа будущего — «молекулярный» процесс в сознании всего народа. Политики и пророки лишь чуть-чуть подталкивают этот процесс в ту или иную сторону. А люди думают о будущем, мысленно перебирая образ тех элементов жизнеустройства, при которых **было бы можно жить**. И оказывается, что главные конструкции советского строя остаются наиболее пригодными и в новых, гораздо более неблагоприятных условиях ближайших десятилетий. Если и имелся в РФ шанс перехода к либеральному социальному строю с отказом от государственного патернализма, то этот шанс был создан именно зрелым советским строем в середине 80-х годов. Но он был утрачен реформаторами в разрушительные 90-е годы.

Элементы такой большой системы, как жизнеустройство страны, не изобретаются, а отбираются из всех объективно возможных. Эти элементы — матрицы, на которых воспроизводится, живет страна. Главные матрицы советского строя обеспечивали надежное воспроизводство

России как независимой страны, народа и культуры. Часть их устарела, их надо заменить, другие отремонтировать и обновить — в соответствии со свойствами городского индустриального общества, опытом катастрофы СССР и рыночной реформы, произошедшими за полвека мировоззренческими сдвигами и новыми международными условиями. Так мы и представим образ возможного будущего. Его смыслы и программы пишутся на новом языке и обращены к реальным нынешним людям, со всеми их сильными и слабыми сторонами и предрассудками.

Авторитет этого проекта опирается на **неоспоримый факт**: советское жизнеустройство существовало и воспроизводилось так, что при нем то же самое население, в тех же природных условиях, в тяжелых условиях холодной войны имело в целом гораздо более высокий и растущий уровень потребления материальных и культурных благ и было гораздо лучше защищено от опасностей и источников массовых страданий, чем при альтернативных типах жизнеустройства — досоветском и постсоветском.

Обещание, что при отказе от советского строя фундаментальные показатели качества жизни улучшатся, **не сбылось**. 15 лет — достаточный срок, чтобы в этом могло убедиться все население. Построить на нашей земле аналог Запада не удалось и не удастся. Более того, поражение советского строя вовсе не привело к демонтажу всех его несущих конструкций. Прочность их оказалась намного выше теоретически предсказанной. Ценность их стала для большинства очевидной, и их демонтаж вызывает активное сопротивление. Идет осознание ценности и ряда утраченных систем советского строя — их придется восстанавливать.

Опыт реформ показал, что на рыночных основаниях не выйдет выстроить новые большие социо-технические

системы (например, теплоснабжение, школу, здравоохранение, армию). Значит, придется восстановить условия, в которых такие системы могли бы существовать и развиваться. Какой над этим будет реять флаг, не так существенно.

Нынешний кризис будет не напрасен, если из полученного «глотка капитализма» мы впитаем и встроим в свою культуру, в том числе в экономическое поведение, информацию и навыки, необходимые для жизни в современном мире — увязав их со здравым смыслом и ясными критериями добра и зла.

Хозяйство будущего будет следовать не идеологическим догмам (марксизма, либерализма или традиционализма), а фундаментальному принципу: первая задача хозяйства — обеспечить жизнь и воспроизводство народа и страны, с надежным ростом материального и духовного благосостояния. Для этого на обозримый период Россия должна будет «прикрыться» от глобализации, проводимой по доктрине США. Сделать это уже трудно, но необходимо. Разумно выстроенные барьеры не дадут обескровить страну, но и не приведут к ее изоляции. Выход из кризиса возможен лишь через оживление омертвленных ресурсов России (человеческих и природных), а для этого должны быть отброшены идеологические идолы вроде «конкурентоспособности любой ценой».

Дилемма «план — рынок» является ложной, в сложном и большом народном хозяйстве ни один тип управления не обеспечивает устойчивости всей системы и ее способности к развитию. Советское единообразие было порождено трудным прошлым, и никакой необходимости возрождать его нет. Баланс между разными формами хозяйства должен устанавливаться исходя не из идеологии, а из социальной эффективности работы и предпочтения лю-

дей. Нужно не запрещать частную собственность, а не давать ей наступать всем на горло.

Часть граждан в СССР тяготились укладом больших коллективов, они бы хотели работать за свой страх и риск как предприниматели — не в конфликте с государством, а во взаимодействии. Для этого нет фундаментальных препятствий. Предпринимательство вовсе не обязательно ведет к классовой вражде — это зависит от общего устройства. Но расхождение между доходами от бизнеса и трудовыми не должно вступать в резкое противоречие с понятиями о справедливости. Надо знать меру.

Жесткость заданного в СССР образа жизни была унаследована от жизни в мобилизационных условиях (общинная деревня и «казарменный социализм»). Реформа была разрушительной демобилизацией, но она сняла эту проблему. Если полученные уроки пойдут впредь, мы выйдем из кризиса как идейно обновленное общество, освободившееся от множества идолов и догм. Оно будет стабилизировано полученными на собственной шкуре уроками, благодаря чему сможет резко расширить диапазон свобод и при этом удешевить усилия, направляемые на поддержание лояльности всех частей общества целому.

ЧТО ВИДНЕЕТСЯ В ТУМАНЕ ПО КУРСУ?

Мы переживаем глубокий кризис и еще долго будем его переживать, подслащивая нефтедолларами. По сравнению с другими кризисами в истории наш выделяется редкостной неспособностью общества понять суть происходящего и выработать внятный проект его преодоления. Ведь кризис — особый тип бытия, его можно уподобить болезни человека. Как и болезнь, его надо изучить,

поставить диагноз, выбрать лекарства — и лечить. Осторожно, регулярно корректируя ход лечения. Для этого и служит разум.

Мы же как будто вернулись в пещеру, увлечены плясками шаманов. Хладнокровно изучать реальность не можем, все внимание — на абстрактные сущности. Одни готовы погибнуть за демократию и конкуренцию, другие — за равенство и братство. Идет битва призраков: белая идея, красная идея, кости царя-мученика... Что по сравнению с этим весенний сев или трубы теплосетей! Не будем думать о молоке для нашего ребенка, пока не выясним, кто виноват в слезинке ребенка столетней давности! Из нашего разума как будто вынули «чип», ответственный за здравый смысл.

Как вернуться на землю? Из опыта я сделал вывод, что даже самая расколота по идеалам аудитория соединяется для такого разговора, если представить наш кризис как систему *угроз*. Угроз для страны, для народа, для детей и внуков. Это как будто отрезвляет ум — видно, что люди об этом думают, но боятся додумывать до конца. А уж вместе не так страшно.

Важным свойством разумного человека является способность *предвидеть* угрозы и риски. Это требует мужества, недаром Кант считал, что девиз разума — *Aude saper* («имей отвагу знать»). Предвидение опирается на анализ предыдущих состояний, для чего необходим навык *рефлексии* — «обращения назад». Общество без рефлексии беззащитно. Первым шагом к общему кризису у нас и стало отключение памяти и порча инструментов рефлексии. Это изменение в конце 80-х годов было массовым и поразительным по своей моментальности — как будто кто-то сверху щелкнул выключателем. Произошел сдвиг от реалистического мышления, которое дает *правильные* пред-

ставления о реальности, к аутистическому — оно создает *приятные* представления. Информация об угрозах стала активно отвергаться.

Это и создало саму возможность смены общественно-го строя. Еще Аристотель писал, что возможны два типа жизнеустройства: в одном исходят из принципа «сокращения страданий», а в другом — «увеличения наслаждений». Советский строй исходил из первого принципа, был создан поколениями, пережившими несколько волн массовых бедствий. Он весь был нацелен на предотвращение угроз. В этом СССР достиг больших успехов и даже сделал ряд важных открытий. Но важен баланс, и городское население 80-х годов, уже забыв о бедствиях, страдало от нехватки «наслаждений». Вместо осторожного сдвига в эту сторону активная часть общества соблазнилась радикально перейти ко второму принципу жизнеустройства.

Философ А.С. Панарин трактует этот большой сдвиг в сознании как «*бунт юноши Эдипа*», бунт против принципа отцовства, предполагающего ответственность за жизнь семьи и рода. Начавшийся «праздник жизни», хотя бы для меньшинства, не предвещал катастрофы, пока худо-бедно действовали старые системы защиты от угроз, но этот праздник затянулся сверх меры. Сейчас старые изношенные системы начали рассыпаться, но наше сознание — и у элиты, и у массы — утратило навыки предвидения угроз.

На всех уровнях общества, от Кремля до жалкого одиночки, всегда имеется «карта угроз», каким-то образом выраженная. Чем сложнее общество и окружающий мир, тем детальнее должна быть эта карта. Карта эта всегда не вполне достоверна и отстаёт от жизни. Но в моменты резкого слома порядка, в условиях хаоса и быстрых изменений эта карта может стать совсем негодной. Следуя ей, мы попадаем в положение командира, который в тумане ве-

дет свой отряд по карте вообще другого района. Он не видит угроз, они возникают внезапно.

В такое положение мы и попали. Это почувствовал уже Андропов — и сказал: «Мы не знаем общество, в котором живем». Это подтвердил Горбачев — и тут же стал перестраивать общество, «которого не знает». А дальше пошло... Не желая слышать неприятных сигналов, мы стали отключать системы сигнализации об угрозах — одну за другой. Это выражалось в планомерной ликвидации («перестройке») структур, которые и были созданы для обнаружения угроз и их предотвращения. Общество заболело чем-то вроде СПИДа. Ведь иммунодефицит и выражается прежде всего в отключении первого контура системы иммунитета — механизма распознавания проникших в кровь веществ, угрожающих организму.

Вот в 2002 г. президент В.В. Путин на Госсовете сказал о накатывающей на РФ угрозе наркомании: «В начале 90-х годов в результате политических потрясений мы просмотрели эту опасность». Как это «просмотрели»? Как можно такую вещь «просмотреть»? Была уничтожена та огромная структура, которая ограждала страну от этой опасности — пограничные войска, агентурная сеть КГБ, информационно-аналитические службы.

В норме опасность порождает функцию государства, а функция — соответствующую структуру. КГБ и был в СССР той сложной структурой, которая покрывала спектр главных *прямых* опасностей для государства и общества. Когда структуры КГБ соответствовали спектру опасностей и полноценно работали, в принципе невозможно было бы появление на нашей территории СССР террористических организаций, банд иностранных наемников, регулярное похищение людей и продажа вооружения, включая ракетные зенитные комплексы, организо-

ванным преступным бандам. Тогда в такие вещи просто никто не мог бы поверить.

КГБ — одна из систем предупреждения. Другая большая система, выполняющая эту функцию — наука. Она была «перестроена» примерно так же, как КГБ. Но даже сегодня о науке спорят лишь в терминах ее экономической эффективности. Ах, ее продукция неконкурентоспособна! Да разве в этом главная функция отечественной науки.

Вот властями и строительными фирмами Москвы и Петербурга овладела фанатичная идея построить несколько десятков небоскребов — чтобы было «как в Нью-Йорке». В Петербурге уже решили строить два 40-этажных дома, хотя такие дома можно строить только на прочных скальных выходах или на твердых отложениях, а под Питером залегает чехол слабых отложений (торф, пески, глины). Как же так? Очень просто — интересы «дикого капитализма» заставили ликвидировать важный институт индустриальной цивилизации — *Госстандарт*. Его выстраивали у нас весь XX век — и вот устранили, стали «приватизировать». Вместе с техническим надзором. Недавнее событие стало символом — прямо над туннелем метро строители вбили 11 свай. Три из них провалились, а одна даже пробилась поезд. В это надо вдуматься.

С конца 2000 г. в РФ стала нарастать волна аварий в теплоснабжении — с трех аварий на километр в 1990 г. до двухсот в 2000 г. Это привело власть в замешательство, как будто она не знала, что Россия — холодная страна. В 2003 г. вице-губернатор Петербурга А. Смирнов высказался откровенно: «Если говорить в общем, то в последний год проблему ЖКХ только научились правильно понимать. Но этой проблемой по-настоящему пока ни граждане, ни власти еще не начали заниматься». Это

чудовищное признание. Чего можно было *не понять* в «проблеме ЖКХ»? Все в этой проблеме было досконально известно, точные прогнозы делались с первого года реформы, но эти сигналы не проходили по каналам связи. Их не желали слышать!

В стране была отключена сама функция распознавания угроз, подорваны необходимые для ее выполнения структуры и испорчены инструменты. Вот тот фон, на котором разыгрывается наша драма.

ЗОЛОТАЯ МОЯ МОСКВА 2025 года

Генеральный план Москвы до 2025 года имеет в своем основании две сущности — «образ будущего» и расчет сил и средств. Образ будущего, то есть представление о желаемом и возможном образе Москвы *через* 20 лет, указывает то направление, в котором мы должны двигаться из точки «Москва-2006». Это наш ориентир, задаваемый идеалами, представлениями о добре и зле, о красоте и справедливости. Ориентир — не бесстрастный прогноз. Обозначив его, выбрав за путеводную звезду, люди начинают толкать ход истории именно в этом направлении, пусть даже обходя непреодолимые препятствия, идя на компромиссы с обстоятельствами. Такие планы имеют тенденцию сбываться.

Трезвый расчет сил и средств тоже нужен, он позволяет «отсечь невозможное» и сплотить людей общим делом, в осуществимость которого они поверили и за которое готовы отвечать. Чудеса, которые обещали Хрущев или Горбачев, лишь разлагали людей.

Будущее вырастает из настоящего, но испытывает огромное давление прошлого. Думая о Москве через 20 лет,

мы не можем уйти от жестоких вопросов. Инерция хаоса 90-х годов далеко еще не преодолена. Силы, которые этим хаосом питаются, еще очень влиятельны, а яды распада еще отравляют наш организм. Чтобы повернуть к той «Москве-20025», образ которой наметил Ю.М. Лужков, еще будет нужен «тяжелый, скрипучий поворот руля».

Что значит «сохранить исторический облик Москвы»? Ведь город — не мертвые камни. Это пространство, созданное человеком. Какой облик надо сохранять? Он ведь за 90-е годы кардинально изменился. Стрелка его компаса качнулась от «города людей-братьев» к городу «людей-волков». Будем мы ее толкать обратно? Вся историческая Россия пела «золотая моя Москва» — а теперь?

Вот срез Москвы — ее метро. Это были подземные дворцы, дышащие оптимизмом и дружелюбием. Сейчас редко в вагоне не увидишь спящего бездомного человека в ужасном состоянии, закрывающего лицо шапкой. Это — заявка на совершенно новый исторический облик метро. Куда пойдет развитие по Генплану? К образу метро Нью-Йорка?

Москва приобрела исторический облик огромного города, не имеющего пояса трущоб. Но очаги их возникают на наших глазах, в виде точечных гетто для полурабской рабочей силы. Эти очаги могут слиться в большие гетто вроде Гарлема Нью-Йорка или иммигрантских предместий Парижа. Это кардинально изменит «исторический облик». Как Генплан учитывает эту инерцию?

За 90-е годы в РФ создано социальное дно в размере 10% городского населения (бездомные, нищие, беспризорники). Будет оно «растворено» обществом или станет в Москве-2025 особой маргинальной цивилизацией? От этого будет зависеть сама организация городского пространства. Надо еще учесть, что сегодня это дно несет в

себе культуру советского среднего класса — 65% его имеют аттестат зрелости средней школы, а 6% — высшее образование. Через 20 лет это будет совершенно иное социокультурное явление, которого мы еще и вообразить не можем.

Я лично исхожу из того, что мы имеем шанс переломить эту тенденцию и опять строить «золотую Москву» как столицу братского народа России. Если бы из этого исходил и Генплан, это стало бы фактором выздоровления всей страны. Ибо столица своим обликом всегда выражает главный вектор настроения народа. И в добре, и во зле она — лидер.

Что же значит тогда «сохранить исторический облик Москвы»? Это значит сделать важный шаг в преодолении главной сегодня угрозы для России — распада русского народа и всего межнационального общежития, построенного за много веков. Распад человеческого ядра России и поворот нерусских народов к этноцентризму вызван теми тяжелыми ударами, которые были нанесены по мировоззренческой матрице, на которой и был собран наш большой народ. Москва — во всех ее проявлениях — отражение этой матрицы и ее активная часть.

Французский философ Московичи (наверное, из москвичей), объясняя роль городского пространства в сохранении исторической памяти как силы, связывающей народ, описывает Красную площадь Москвы. Из всех столичных центров она наиболее полно воплощает память народа и идею его вечности. В 90-е годы мы пережили покушение на эти образы, что причинило десяткам миллионов людей тяжелые страдания. Поэтому слова Ю.М. Лужкова наполнены глубоким смыслом. Будет сохранен образ Москвы как символа справедливого мироздания и вечности народа России — значит, будет заделана брешь в нашей мировоззренческой матрице.

Я скажу о тех необходимых, на мой взгляд, шагах, которые нужны для движения к справедливому и разумному образу Москвы-2025. Первое — общественный диалог об «образе будущего». Он давно назрел, его ждут люди, им надоели идеологические мифы и умолчания. Куда мы пойдем? Будет ли Москва и впредь строить себя как всемирная столица гламура и «нового русского» общества потребления? Если да, то она очень скоро перестанет быть «золотой Москвой» народов России. Она станет провинциальным Вавилоном «золотого миллиарда». Все чистое и светлое из нее потянется искать себе другого пристанища — трудно будет вынести презрение провинции.

Москва вернется к России, если станет демократичнее, скромнее и спокойнее, более трудовой. Если в ней снова возьмут верх ценности человеческой солидарности и взаимоуважения. Они не свалятся с неба, для них надо создавать условия, их надо воспитывать. Надо усиливать коммунальные начала города, например, общественный транспорт. Надо отказаться от атомизации людей и попытки сэкономить, устраивая все более сложные и все более дорогие средства контроля — от турникетов в автобусах до тепловых счетчиков в квартирах. В условиях кризиса это путь тупиковый.

Людей надо соединять общей заботой о будущем, на это они всегда отвечали самоотверженно. Попытка все перевести на рыночную основу будет неминуемо превращать часть Москвы в трущобу, а другую часть — в охраняемое гетто для богатых. Но Москва — не Рио-де-Жанейро, здесь трущобы с пентхаузами могут и не ужиться.

Надо трезво оценить динамику деградации больших технических систем, на которых стоят Москва и Подмосковье. Износ теплосетей и водопровода, ветшание жилищного фонда и регресс в квалификации и общей куль-

туре молодежи — массивные процессы, набирающие инерцию. Их надо остановить, и масштаб этой задачи должны понять все москвичи. «Сверху» такую задачу не решить. Так же трезво надо оценить угрозу развала системы межнационального общежития. Влиятельные силы стараются столкнуть и Россию, и Москву, в тупик этнического национализма, одновременно создавая пугало «русского фашизма». На интуиции и стихийными силами эту огромную спецоперацию не пресечь.

Сегодня в Москве борются разные тенденции. С одной стороны, есть признаки выздоровления общества — люди успокоились, могут вести диалог, по ряду вопросов возникает общее согласие. Значит, больше будет рождаться детей, они будут здоровее, в 2025 г. на общественную сцену в Москве выйдет поколение с более устойчивым, чем сегодня, сознанием. К этому уже есть предпосылки, и они будут укрепляться, как бы ни каркали злопыхатели. С другой стороны, у большей части нынешней молодежи рухнули рыночные иллюзии, у них накопилось раздражение и усталость. Их пытаются погасить через радикализм — без проекта и конструктивной идеологии. Здесь — потенциал дестабилизации. Есть желающие активизировать этот потенциал, а есть и непонимание его природы, соблазн убедить людей простой дубинкой.

Москве, как и всей России, в предстоящие годы придется ужиматься, уходить от соблазнов разгульных трат. Тучные годы кончаются, советские месторождения нефти и газа пошли на убыль, новых не обустроили. Газ и нефть — первым делом на Запад, себе уже в будущем году будет недоставать, хотя производство еще только начали восстанавливать. Надо не дать властям переложить грядущие трудности на плечи обедневшей части граждан через рост тарифов. Такая угроза есть, и это сразу может обрушить так трудно достигнутую стабильность. Нам

пророчат какие-то чудесные открытия и изобретения, которые облегчат нашу жизнь. Это, в основном, утопии. Крупные прорывы в науке реализуются в виде новых эффективных технологий лет через 50. Но за последние полвека таких крупных прорывов не было. Значит, новых чудес в ближайшие годы не предвидится. Сейчас идет освоение достижений микроэлектроники — к каждому второму московскому уху прижат мобильный телефон. Но на фоне того, что значат для человека теплое жилье, чистая вода в кране, здоровая пища и спокойная совесть, мобильники и MP3-плееры — бирюльки.

В восстановлении главных структур жизнеустройства, в преодолении возникших в 90-е годы угроз и болезней москвичи и сплотятся для общего дела — выполнения Генерального плана строительства нашей золотой Москвы 2025 года.

ОКНО В ЕВРОПУ? НУЖЕН РЕМОНТ

В XVI веке на обломках средневековой Западной Европы возникла новая, небывалая цивилизация — Запад. Она была одержима идеей *количества*. Людьми там овладела странная религиозная страсть — *нажива*. Она стала новым видом служения Богу. Предела наживе нет, остановиться на достигнутом стало считаться равносильным смерти. Так устроена акула — она может дышать только если двигается. И Запад пришел в движение. Экспансия — или смерть! Он ринулся во все стороны, стремясь овладеть всеми в мире источниками сырья, всей рабочей силой и всеми рынками.

В этой первой волне «глобализации под рукой Запада» в ход шли все средства. Караваны кораблей с опиумом для

Китай, миссионеры для Африки и Америки, стеклянные бусы для индейцев, Лжедмитрий для России. За всем этим — железный кулак, огонь пушек и мушкетов. Слабые и доверчивые культуры и народы не выдержали и первого натиска, сгинули с лица земли, спились в резервациях. Сильные закрылись какой-то своей стеной (даже став колониями, как Индия). Главная стена азиатов была в их культуре, устойчивой против вирусов Запада. России, стране христианской и европейской, пришлось усилить культурный барьер военной силой.

Долго эта наша стена устоять не могла, Запад в своем порыве приобрел огромные преимущества — создал науку и новый тип производства (машинную фабрику), массовую школу и, главное, армию с новой организацией и новым оружием. Надо было догонять и строить новые защиты. И Петр прорубил окно в Европу. Это было непросто, потому что барьеры, которыми окружал себя сам Запад, всегда были намного жестче, чем с нашей стороны.

Это, кстати, надо подчеркнуть. Запад издавна испытывает синдром «осажденной крепости», его границы на замке — и для людей, и для идей, и для товаров. Все это он строго фильтрует. Но вину всегда возлагает на «варваров». Вот что писал великий Вольтер, которому поклонялась наша просвещенная элита, о русских уже времен Петра Великого: «Московиты были менее цивилизованы, чем обитатели Мексики при открытии ее Кортесом. Прирожденные рабы таких же варварских, как и сами они, властителей, влачили они в невежестве, не ведая ни искусств, ни ремесел, и не разумея пользы оных. Древний священный закон воспрещал им под страхом смерти покидать свою страну без дозволения патриарха, чтобы не было у них возможности восчувствовать угнетавшее их иго. Закон сей вполне соответствовал духу этой нации,

которая в глубине своего невежества и прозябания пренебрегала всяческими сношениями с иностранными державами».

Окно Петр прорубил с великими жертвами. На первом рывке догоняющего развития мы продержались до середины XIX века, разведка Крымской войной показала Западу, что Россия вновь отстала и ее можно втягивать в орбиту Запада в качестве придатка. Начинался новый виток глобализации — «империализм». Запад стал вывозить капитал и создавать на чужих землях анклавы «дополняющей» его промышленной экономики, выстраивать свою «периферию».

Последние русские цари опять «открыли окно» и попытались провести модернизацию хозяйства на рельсах периферийного капитализма. После первых успехов оказалось, что впущенный в страну западный капитал сильнее. Он стал насосом, изымающим из России ресурсы, судьба страны переходила в чужие руки. Это кончилось революцией. Советская власть, во многом опираясь на опыт царских управленцев, сумела создать такой «железный занавес», через который мы могли подключиться к важным достижениям Запада, не допуская его загребушие руки к нашим кладовым. Красный флаг над рейхстагом, а потом Королев и Гагарин были важной частью этого «занавеса».

Так мы продержались до третьего витка глобализации. Теперь средствами экспансии Запада стали культура, информация и новая финансовая система. В бой пошли голливудские фильмы и Макдональдс, телевидение и Интернет, финансовые трюки Сороса. За всем этим, конечно, всегда наготове главное средство убеждения — железный кулак авианосцев и крылатых ракет. Но, в общем, старые барьеры и занавесы оказались бессильными. Наша перестройка с ее «гласностью» это показала наглядно.

Теперь уж речь не о том, открывать нам или не открывать «окно в Европу». Окна нам выбили, а двери сорвали с петель. Мы попали в положение Китая начала XX века — вроде бы и не колония, а труд и сила огромного народа тают, исчезают в какой-то черной дыре. Китаю дала передышку Вторая мировая война. После нее китайцы закрылись красным флагом, а окрепнув, стали прорубать на Запад окна той формы и тех размеров, какие им нужны. Нам такой передышки никто не даст, надо определяться в реальных пространстве и времени — в основном своим умом и опытом.

С нынешнего перекрестка есть три пути. Первый — послушаться Горбачева и попроситься в «наш общий европейский дом» (на русском языке, сдаться на милость победителя). Второй — повесить новый, чугунный занавес, попытаться «пересидеть», пока Запад сам не рухнет. Третий — изобрести гибкие структуры активного сопротивления на новых принципах. Выбор — интимное дело каждого. Как решит большинство народа, пока сказать нельзя. Но мы обязаны прояснить положение, чтобы для всех выбор был понятен.

Что значит сдаться, поднять лапки вверх? Какова будет милость победителя? Из всего, что мы знаем, картина ясна — этот выбор означает исчезновение России как особой и самобытной культурной сущности, как большой страны и большого народа. Ни одна культура, сдавшаяся Западу, не стала его частью. Она или исчезала, или начинала бороться за свое существование, иногда в «катакомбах». К России же отношение всегда было особое, она всегда вызывала скрытую или явную ярость тем, что заявляла миру возможность христианского жизнеустройства, но на иных, нежели Запад, основаниях. Уже в XVI веке было сказано, что для Запада «русские хуже турок». Поэ-

тому теперь «в Запад» нас будут принимать, но поодиночке, а свою «русскость», свою надличностную совесть и волю мы должны будем сдавать у порога, как сдают оружие. Да и пустят немногих, остальные просто зачехнут.

На второй путь нас зовут искренние крутые патриоты. Желание их понятно, и многие это желание разделяют — потому и вспоминают Сталина. Но особого практического отклика этот проект не получает. Чувствуют люди, что пересидеть за занавесом этот новый виток глобализации не удастся. Это все равно, что в танке против бактериологического оружия воевать. Против вирусов и бактерий нужны хорошие вакцины и средства дезинфекции. Значит, нужна своя хорошая наука, а за чугунным занавесом ее не создать. Конечно, застеклить окна и поставить новые двери надо, кое-где и стальные, но как принципиальный выбор изоляция не годится, да и на практике невозможна — «нет такой партии!».

Глобализация — такой поток, в который нельзя не войти, но и нельзя плыть против течения, не хватит сил. Нужно приноравливаться, понимать структуру потока, использовать его завихрения и подручные средства. Но это — общие рассуждения. Нужна большая программа по форсированию этой водной преграды к новому историческому периоду нашей национальной жизни. И эту программу не выработает ни Греф, ни администрация президента. Это дело всех и каждого, кто не собирается сдаваться. Видно, что над этим и думают, и работают люди, большинство наших людей. Всякое усилие, организующее эту мысль и эту работу, очень ценно. Есть силы, которые этой работе стараются помешать, а эту мысль затоптать, но их перевес не подавляющий.

Сегодня нам важно понять, где тот рубеж, за который отступать нельзя, за которым начнется быстрое измене-

ние нас самих. О территории особый разговор, а пока скажу о ядре культуры.

Обычно первым делом вспоминают самую массивную часть культуры — наше *хозяйство*. Во всех странах, и в России тоже, оно складывалось под воздействием двух условий — данного судьбой природного ландшафта и культуры народа. В нее входят представления о богатстве и бедности, о правах и обязанностях, о собственности и деньгах, о семье и государстве. Все вместе и определяет профиль хозяйства. Перенять профиль соседа, даже самый заманчивый, гораздо труднее, чем занять его лицо. Но научиться можно многому.

Мы до сих пор не знали цепей экономического рабства. Бывало, жили впроголодь, но на своей земле — а это совсем другое дело. Пока у России остался костяк народного хозяйства — земля и недра, дороги и энергетика — все поправимо, если люди соберутся с мыслями и начнут говорить друг с другом на простом и понятном языке. Утрату хозяйства почти каждый ощущает на своей шкуре и очень быстро, сложнее дело с тонкими материями культуры — ценностями (идеалами).

Именно здесь, на мой взгляд, главная угроза для всякой незападной культуры при лобовом вторжении Запада. Россия — во многих отношениях могучая страна, но ценности ее культуры, можно сказать, стыдливые, потаенные. Они перед нахрапистым тевтоном сначала молча отступают. Это мы и сейчас видим.

Ценности, то есть представления о добре и зле и о том, как надо жить человеку, определяют тип цивилизации. Именно главные ценности и становятся объектом разрушения в любой программе «вестернизации» других народов. Значит, мы должны отобразить «спасаемое ядро» наших ценностей и создать для них явный и тайный защитный

пояс. За последние двадцать лет, за годы нашей национальной катастрофы мы лучше изучили и сущность России, и оружие, которым разрушают эту сущность в ходе «вестернизации». Нужна организационная база, чтобы это знание превратилось в шаговые разработки, в доктрину обороны. Нужны сетевые структуры для диалога и творческого поиска новых средств.

На Западе философское учение, излагающее принципы «правильной» жизни, получило название либерализм. Россия со времен Ивана Грозного и до наших дней не была либеральным государством. При этом наш образованный слой имел представление о западных взглядах и находился в непрерывной дискуссии с либерализмом. В XIX веке у нас было влиятельное течение «западников», но и они не претендовали на то, чтобы русские сменили свои главные ценности на либеральные. Они лишь стремились, чтобы Россия как цивилизация теснее сблизилась с Западом, чтобы перенять его достижения.

Свою приверженность либерализму наши реформаторы оправдывают тем, что это якобы высшее достижение всей мировой культуры, что он основан на общечеловеческих ценностях и отвечает «естественным» потребностям человека. Это ошибка. Либерализм — очень специфическая, неповторимая культура, которая сложилась в англо-саксонской части Запада. Он не несет в себе никаких «естественных» ценностей и не может предложить универсальной модели жизнеустройства для всего человечества.

Более того, на самом Западе либеральные ценности по терпели сокрушительное поражение, породив, в припадке отчаяния, *неолиберализм* — тупое фундаменталистское течение, разрушающее само либеральное общество. Можно уважать англичан, их культуру, их либеральных фило-

софов, но сама идея перенять их ценности мне кажется дикой и нелепой. Ценности — самая потаенная, даже святая часть национальной культуры. Глупо спорить о том, лучше или хуже наши русские ценности, чем либеральные. Они *наши*. Они для нас прекрасны, как прекрасна для человека его любимая и любящая родная мать.

Когда перестройка Горбачева буквально сдернула с культурного ядра нашего общества все защитные покровы и на нас хлынул поток чужих, жестоких, часто отвратительных ценностей и образцов, большинство населения испытало тяжелую душевную травму. Она раньше времени унесла в могилу миллионы людей. Она же заставила нас очерстветь и озлобиться на эту «вестернизацию» — это был необходимый способ защиты. И это нам сегодня мешает найти те гибкие «асимметричные» способы взаимодействия с Западом, которые позволили бы нам взять у него все необходимое для модернизации, но не дать ей разрушить сокровенную сердцевину нашей культуры.

Если сделаем усилие и нащупаем эту узкую дорожку, то выйдем обновленными из этого кризиса. Да и Запад не останется внакладе — Россия всегда за ученье щедро платит. Запад, слава богу, более корыстолюбив, чем злонамерен, договоримся. Наша задача — уцелеть и продолжить свой независимый рост!

ВСПОМИНАЯ ЛЕНИНА

*Беседа С. Г. Кара-Мурзы с обозревателем «Правды»
В.С. Кожемяко*

В.С. Кожемяко: Сергей Георгиевич, в этом году мы отмечаем юбилей Октябрьской революции, а в эти дни — годовщину смерти Ленина. Давайте поговорим об этом, как люди старшего поколения — по большому счету, о главном.

С.Г. Кара-Мурза: Виктор Стефанович! Давно пора. Это самое полезное, что мы с вами можем сделать. Я бы высказал мысли, что у меня созрели и много раз проверены. Только пусть читатели не обижаются. Сейчас оставить какие-то продуманные выводы молодым важнее, чем польстить кому-то или кого-то победить в споре.

Первая мысль у меня очень горькая: те поколения, которые вытащили Россию из ловушки начала XX века, строили СССР и победили в войне, не понимали, как они это сделали. Они это знали, а времени на превращение этого знания в теорию и учебники у них не было. И та гуманитарная интеллигенция, которая это знание должна была оформить, тоже эту задачу не смогла выполнить. Когда старики после войны быстро сошли с арены, а молодежь стала говорить на новом языке, возникла пропасть в понимании. Вот уже двадцать лет эту пропасть заполняют ложью, и это становится едва ли не главной угрозой для молодежи.

В.К.: То есть, по-вашему, мы не знали Ленина?

С.К-М: Скажу о себе. Я с детства любил историю и до-вольствовался книгами и рассказами старших. Потом стал химиком и был счастлив. В 60-е годы меня, как и многих моих сверстников, стал грызть червь сомнений, хотелось улучшить советскую систему, и это казалось простым делом. Я занялся философией и историей науки, и через двадцать лет кое-что стал понимать. Это был 1988 г., переломный момент в перестройке, и я стал изучать уже социальную и политическую историю, чтобы понять происходящее. И только за последние 15—18 лет, в свете опыта катастрофы, я смог упорядочить для себя представление о Ленине и революции. Как жаль, что все мои родные того поколения уже умерли и я не могу с ними обсудить моих выводов.

В.К.: Почему же те старики своего знания явно не выразили?

С.К-М: Они тащили непосильный груз срочных работ. Сейчас кажется невероятным, что такой объем работы может выполнить человек. И решения приходилось принимать за такой сжатый срок, что кажется невероятно малым число крупных ошибок. И в таком положении были люди на всех ступенях социальной лестницы — помню, именно в этом смысле мне ребенком казались все люди удивительно близкими по разуму и духу.

Но есть и более глубокая причина — старики не могли осмыслить того дела, которое они делали. Не хватало для этого мыслительных средств (как говорят, понятийного аппарата). Среди моих родных были гуманитарии, военные, партработник — точнее, все они были и тем, и другим. Встречаясь, они обсуждали главные проблемы. Ребенком я слушал, потом даже участвовал. Они видели, что не могут эти проблемы «препарировать», не разработаны

они. Это их мучило, и, когда разговор заходил в тупик, его завершали каким-нибудь марксистским штампом вроде «производительных сил и производственных отношений» и расходились в плохом настроении.

Кстати, в таком же положении оказался и я сам, когда в нашей лаборатории стала складываться «антисоветская» фракция, и в спорах с этими тогда еще близкими друзьями я тоже не находил понятий, чтобы им ответить. Я был уверен — не только сердцем, но и уже разумом — что они исходят из ложных посылок и идут по пути трагических ошибок, но не мог им противопоставить связной концепции. Они тогда все уже прочитали Маркса, выкопали его четкие и даже чеканные антисоветские формулы — что я мог на них ответить! Все, чем мог бы помочь мне Ленин, официальная история от нас спрятала.

В.К.: Что же вы обнаружили, изучая Ленина в последние годы?

С.К-М: Если одной фразой, то такие уроки, что если бы мы их вовремя освоили, то смогли бы пережить кризис 70—80-х годов без катастрофы. А если смогли бы освоить в ближайшие десять лет, то и нынешнюю катастрофу преодолели.

В.К.: Прежде чем перейти к сути, по-вашему, шансы освоить это необходимое нам знание невелики?

С.К-М.: Да, именно так. На мой взгляд, шансы есть, но они невелики. Слишком многие заинтересованы в том, чтобы проект русского коммунизма был пресечен, и слишком велика инерция позднего советского догматизма. На этот раз нас загнали в яму поглубже, чем сто лет назад, а мы гораздо слабее.

В.К.: Средства, которые направлены на интеллектуальное выхолащивание нашей молодежи, действительно очень велики. В последнее время антисоветская пропаганда вышла на новый уровень и по интенсивности, и по

своим технологиям. Смотрите, в каком темпе производятся художественные фильмы и даже сериалы. Буквально любая тема на телевидении сопровождается антисоветскими комментариями — будь то передача о космонавтике или о писателе-фантасте Беляеве. Можно ли было мобилизовать художественную элиту для выполнения такой программы просто за деньги?

С.К-М: Можно и за деньги. Надо признать, что позднее советское общество вскормило художественную элиту, в общем, с моралью весьма низменной. Это симптом болезни. Но моральные комплексы, по-моему, породили в этой части интеллигенции большую духовную силу, злобную и мелочную. Она и проявилась в глубокой неприязни к советскому строю и к его духовному творцу и символу — Ленину. Антисоветская идея овладела этими «узкими массами» интеллигенции, а когда соединилась с большими деньгами, то превратилась в материальную силу. Духовную составляющую нельзя недооценивать.

В.К.: Как же вы видите корни этой неприязни? Ведь большинство советской художественной элиты — сами дети рабочих и крестьян! Им ли ненавидеть Ленина!

С.К-М: Боюсь, мы слишком привержены мифу о классовом сознании и о роли социального происхождения. Да, дедушка был крестьянин и воевал в Красной Армии. Может даже, лично испытал психическую атаку офицеров Каппеля. А сын его уже был инженером и слушал песни Окуджавы. А внук — актером и сейчас хлопочет о памятнике генералу Каппелю. Потому что Каппель умело расстреливал «восставших хамов». И это — довольно обычный случай — вспомним хотя бы родословную Егора Гайдара.

Важно не происхождение, а самосознание. Советская интеллигенция вышла в большинстве своем из семей рабочих и крестьян, но к 70-м годам обрела сословное со-

знание и возомнила себя аристократией, которая должна вершить судьбы России. Еще шаг — и она возненавидела «совка», а потом в голове все смешалось и стало чудиться, что они — потомки Каппеля и Колчака, пусть даже внебрачные. Это духовная патология, но это — факт, и с ним надо считаться. Еще родителям наших нынешних «колчаковцев» и в страшном сне в голову бы не пришло ставить памятник Колчаку в Иркутске — ведь знали о его зверствах.

Беда и в том, что эта патология поразила почти всю «политически активную» интеллигенцию и власть (она, впрочем, из той же интеллигенции). Монархисты под звуки советского гимна открывают памятник Колчаку — ставленнику эсеров и масонов. С почетным караулом и военными почестями хоронят в Донском монастыре останки Каппеля, командующего армией эсеровского правительства (Комуча). Тут же славят Столыпина, хотя Колчака и Каппеля разгромили именно «столыпинские аграрники» (переселенцы). А наши марксисты возмущаются, когда речь заходит о том, что основную массу белых составляли *социалисты* — сторонники эсеров и меньшевиков. Да и кадетская верхушка белых получила марксистское воспитание.

В.К.: Тогда еще труднее понять эту искреннюю неприязнь к Ленину. Как вы ее объясняете?

С.К-М: Я вижу много общего в том, как развивался наш кризис в начале XX века и в конце. Лучше выразить его в примитивных понятиях. Народ раскалывался на враждебные части в двух плоскостях: 1) на элиту и простонародье, 2) на западников и почвенников. Я вырос в широком кругу родных, которые вышли из крестьян (точнее, казаков), с детства и сознательно определили свой путь, хотя до конца жизни продумывали свои прошлые решения. Они были из простонародья и из почвенников и со-

хранили этот культурный тип уже осмысленно, став высокообразованными людьми. Но этот двойной раскол, который как будто затянулся в 30—40-е годы, продолжал тлеть, и до меня как-то с детства доходили сигналы о нем. Он вновь обнаружился с «шестидесятниками», а потом буквально взорвался в годы перестройки, когда был «на их улице праздник». Тогда и дали всходы те зародыши ненависти к Ленину, которые были посеяны после 1905 г.

В последние годы я много читал и читаю Ленина. В основном, в связи с конкретными темами. Но невольно зачитываешься самыми разными текстами, смотришь примечания, ищешь связи в истории. Образ Ленина все эти годы у меня менялся, я по-другому видел ход его мысли, истоки тех или иных воззрений. Этот новый образ мне становился все ближе и ближе. А дело, которое он сделал, казалось все более и более сложным. Повторить такое дело (в интеллектуальном плане), думаю, будет невозможно, придется искать другую организацию. Но речь не об этом, а о ненависти.

Ленин входил в мировую когорту самых элитарных марксистов-западников, в «политбюро» второй партии в двухпартийной системе будущего Мирового правительства. Он блестяще выполнил последний завет Маркса и Энгельса — интеллектуально разгромил движение русских народников, которые создавали доктрину революции «не по Марксу» и развития большей части человечества «не по капиталистическому пути». Но углубившись в изучение российской реальности и особенно смысла революции 1905—1907 гг., Ленин совершил радикальный сдвиг в обеих плоскостях раскола — он встал в ряды простонародья в его назревавшей войне с элитой, и в стан почвенников в их назревавшей войне с западниками. За это одни его тогда возненавидели, а другие — полюбили, причем любовью наподобие родственной, не как Сталина-командира.

К этому выводу я пришел за 15 лет, кто захочет — прислушается

В.К.: Но ведь сегодня панорама иная. Неприязнь к Ленину распространилась в простонародье и среди почвенников не меньше, чем в элите и среди западников.

С.К-М: Да, другие теперь у нас и простонародье, и почвенники, не говоря уж об элите. Эта ненависть, хотя и внушенная, становится привычной. Тем больше будет потеря, потому что ненавидеть начинают не человека, а ленинский тип мышления и мировоззрения. Если вокруг разлита ненависть, такой тип и не появится.

В.К.: А что это за тип мышления, почему нельзя обойтись другими?

С.К-М: Может, и можно обойтись, если организовать по-другому. Но все равно кто-то должен создать матрицу, на которой может вырасти такая организация. Это трудно сделать группе. У Ленина же я вижу такие редкостные сочетания.

В нем жесткий научный ум соединялся с совестью так, что одна часть не подавляла другую, а усиливала. Даже странно, что это оказалось возможно, обычно ум и совесть действуют попеременно, чтобы не мешать друг другу.

Ленин любил трудящихся как класс, и это не такая уж редкость. Но он, взрослея, полюбил и трудящегося человека как личность, без сентиментальности. Это трудно, тут надо быть святым. Но главное, у него совмещались оба эти типа любви, а это, по-моему, вещь почти невозможная. Но зато она позволяет преодолеть всяческий догматизм и ведет к большим творческим прорывам. Все главные решения Ленина были нетривиальными и вызвали сопротивление партийной элиты, но зато и огромную поддержку снизу. От этой стороны дела нас стараются увести. Я сообщаю свои выводы, раз меня спрашивают.

Третье свойство, для меня непостижимое — способность Ленина убеждать людей без манипуляции их сознанием и чувствами. В философии науки тексты Ленина приводятся как канон даже научного (а не гуманитарного) текста, из которого изгнаны все «идолы». Это я считаю подвижничеством. Ленин нарушил главные догмы марксизма, но партию свою мог создать только из марксистов — «время было такое». Это публика крайне нетерпимая, но Ленин мог их убедить, не отступая от своих взглядов и не вступая с ними в конфликт. Более того, он даже мог их убедить, что это и есть настоящий марксизм. Это высший класс. Но какое надо было иметь терпение!

Ленин находил аргументы, чтобы убедить разумных людей в правоте совершенно новых идей. Отстояв в дебатах с социал-демократами право наций на самоопределение, он добился и самоопределения русских в вопросе о революции в России. А ведь тем самым он нейтрализовал меньшевиков, которые призывали социалистов Запада к «крестовому походу» против большевизма. Приняв к исполнению стратегию славянофилов и народников, Ленин сумел в то же время привлечь на сторону Советской России левую интеллигенцию и пролетариат Запада, что стало важным условием жизнеспособности СССР, пока еврокоммунисты не «раскусили» смысл большевизма.

Стоя на очень устойчивой мировоззренческой позиции, Ленин был почти полностью свободен от доктринерства. Это сочетание тоже очень необычно и говорит о большом запасе прочности мыслительных конструкций. Чувствуется, что Ленин, анализируя в уме свои модели, так быстро «проигрывал» множество вероятных ситуаций, что мог точно нащупать грань возможного и недопустимого. Так было и с Брестским миром, и с военным коммунизмом, и с нэпом, и с устройством СССР.

Всем этим «приемам» мы могли бы учиться, но не учились. И вряд ли теперь кто-то прорвется к такой учебе. Не видно к этому побуждений. Но если нынешняя свора демагогов сумеет совсем оторвать нас от Ленина и его методологии, это будет огромной национальной потерей. С нас будут снимать одну оболочку культуры за другой, пока какое-то новое редкостное стечение обстоятельств не позволит нам скинуть с шеи удавку и организовать для нового рывка. Но сможем ли мы заметить этот шанс?

Январь 2007 г.

ТУШИТЕ СВЕТ, ДОРОГИЕ РОССИЯНЕ!

7 ноября 2006 г. на радиостанции «Эхо Москвы» прошла передача на тему экономии потребления энергии в России. На мой взгляд, она хорошо передает установки наших демократических СМИ и экономистов, которые считаются экспертами по энергетике.

Стенограмму передачи я сократил, убрав дефекты устной речи и отступления, не касающиеся темы.

С.Г. Кара-Мурза

Ведущие: Маша Майерс, Антонина Самсонова

Вторник, 7 ноября 2006. **Тушите свет. На что вы готовы пойти, чтобы снизить потребление энергии?**

МАША МАЙЕРС: Добрый вечер. Наши гости Леонид Григорьев, президент Института энергетике и финансов и Сергей Кара-Мурза, профессор, член Союза писателей России. Тема нашей программы звучит так: «Тушите свет».

Вопрос, который мы ставим перед Вами: «На что Вы готовы пойти, чтобы снизить потребление энергии?».

Т. САМСОНОВА: Ну, задавали-то мы его задавали, а как отвечали наши радиослушатели... Не видят причин экономить энергию — 44% проголосовавших на нашем интернет-сайте «Эхо Москвы». Действительно, не наша это проблема экономить энергию. Не российская это проблема. Так нам кажется. Хотя вот комиссар Евросоюза по энергетике Андрис Пибалгс советует России экономить энергоресурсы. И говорит, что мы можем не разрабатывать новые месторождения, если на бытовом уровне сократим расточительное потребление электроэнергии.

М. МАЙЕРС: Давайте разберемся. Вот, Леонид Маркович, мы спросили у людей: на что вы готовы пойти? И 44% нашей продвинутой аудитории, как говорят об «Эхо Москвы» и наших слушателях, не видят вообще никакого смысла экономить электроэнергию. Это общественное заблуждение, или вообще у нас нет такой проблемы?

Л. ГРИГОРЬЕВ: Это нормальная реакция. Дело в том, что, во-первых, это все-таки «Эхо Москвы», Москва и все-таки люди состоятельные... Доля расходов на электроэнергию даже вместе с газом в общих расходах, она все-таки в России невелика. И цены не очень велики. Даже при большом потреблении, если у вас нет джакузи. А если у вас джакузи, у вас другие доходы, вам опять же дешево. Поэтому привычка к избытку ресурсов в России психологически понятна. И пока это не очень дорого, это тоже понятно. Экономить будут люди среднего достатка, законопослушные, обжатые всякими счетчиками. Они могут начать считать эту задачку. Бедные и богатые не будут.

М. МАЙЕРС: Сергей Георгиевич, что вы думаете, почему мы не хотим и даже не видим причин экономить энергию?

С. КАРА-МУРЗА: Ну, во-первых, прежде чем о грустном, я хочу поздравить моих соотечественников с годовщиной Октябрьской революции, которая совершенно по-новому поставила проблему энергетики. Это первый был случай, когда в основу всей программы развития экономики положили именно энергетику.

М. МАЙЕРС: Ну, лампочка Ильича, да, мы все это помним из школьного курса.

С. КАРА-МУРЗА: ГОЭЛРО, ГЭС, открытые нефть и газ, РАО ЕЭС. Это все — продукт определенного взгляда на проблему энергии. А эти ваши опросы, я считаю, отвлекают людей от главного. Людей **заставят** экономить энергию. И заставить можно десятком способов, при которых они будут думать, что это их свободный выбор. От этого в современной мировой системе, как она сложилась, не может уклониться ни одно **слабое** общество, ни одна слабая культура.

М. МАЙЕРС: Подождите, одну секунду. Вот Вы говорите, что есть десяток способов заставить, и люди будут думать, что у них свободный выбор. Сейчас эти способы на практике уже введены в действие. Т.е. нас сегодня на самом деле заставляют экономить электроэнергию, но мы просто думаем, что этого не делаем.

С. КАРА-МУРЗА: Конечно. В целом наша страна находится сейчас на голодном энергетическом пайке. В 1985 году у нас для внутреннего потребления в Российской Федерации оставалось 2,5 тонны нефти на душу населения. В 2003 году 0,74 тонны — почти в 4 раза меньше. Но мы не заметили, как нас оставили без нефти. Правильно?

М. МАЙЕРС: Ну, как?

С. КАРА-МУРЗА: Нам кажется, что это проблема рынка, хочется — иди и купи. Ну что ж, подорожало. На самом деле все хозяйство сейчас работает на энергоемкий экспорт.

М. МАЙЕРС: Т.е. мы просто-напросто выкачиваем и продаем.

С. КАРА-МУРЗА: Да, три четверти удобрений идет на экспорт, а это очень энергоемкое производство. Металл, продукт тоже исключительно энергоемкого производства, тоже идет на экспорт.

М. МАЙЕРС: Т.е. получается, что за последние 20 или сколько-то лет мы во имя прибыли все это просто продали.

С. КАРА-МУРЗА: Не прибыли. Прибыль остается там тоже. Вы же знаете, что мы не можем на эти деньги ничего купить.

М. МАЙЕРС: Но мы ее зачем-то продаем. Зачем мы ее продаем?

С. КАРА-МУРЗА: Ну, если уж на то пошло, надо вспомнить, каков механизм превращения страны в энергетический придаток? Как и везде... Прежде всего, вербуются элита страны.

М. МАЙЕРС: Об элите мы еще обязательно поговорим чуть подробнее. Мне бы хотелось профессионала послушать. Относительно тех цифр, которые Сергей Георгиевич обозначил.

Л. ГРИГОРЬЕВ: Ну, насчет запасов нефти вечная тревога идет уже 100 лет. С тех пор, как начали потреблять нефть, каждые 5 или 10 лет раздается вопль, что скоро кончится. Ничего она не кончится...

М. МАЙЕРС: Ну, так она конечна?

Л. ГРИГОРЬЕВ: Она 100 лет никак не кончится. За это время добыча увеличилась раз там в 50, в 100, а все равно осталось на 30 лет.

М. МАЙЕРС: А откуда она берется в таком случае?

Л. ГРИГОРЬЕВ: Ее просто еще много.

М. МАЙЕРС: Ну, значит, когда-нибудь она кончится?

Л. ГРИГОРЬЕВ: Она когда-то кончится, но она кончится за пределами XXI века.

Т. САМСОНОВА: Можно Вас спрошу, у меня конкретные цифры. Запасы нефти в России на 2004 год — на 21 год добычи. Что потом?

Л. ГРИГОРЬЕВ: Ну, ничего потом. Откроют еще... Дело не в физической нехватке нефти в мире. Скажем, канадские битумоносные пески, там безумное количество нефти, но она очень дорогая... Не столько надо плакаться над этим, сколько все равно надо ограничивать потребление нефти. В том числе из соображений, связанных с Киотским протоколом, мы должны бороться с потеплением климата. Т.е. есть много причин, почему надо перестать жечь нефть, по возможности перестать жечь уголь и газ и переходить к каким-то чистым технологиям. И я бы хотел поддержать соседа в том смысле, что действительно, когда говорят, что мы очень энергоемкая страна, очень много потребляем там нефти, или угля, или электроэнергии, огромная доля этой энергии уходит на экспорт. Потому что, например, мы производим много алюминия, 90% идут на экспорт. А алюминий это чистая упаковка электричества. Мы экспортируем не только нефть и газ, но и безумное количество энергонасыщенных товаров в виде бумаги, скажем, там черных металлов и особенно цветных металлов. Это правда.

Т. САМСОНОВА: Газета «Ведомости» пишет, что в последние 2—3 года население жило в достаточно щадящем режиме оплаты энергоносителей. Но нам не хватает и на внутренний спрос, и на внешний. Таким образом, скорес всего, в ближайшее время будут просто увеличены тарифы. И людей, хочешь не хочешь, заставляя потреблять меньше. И тот же глава Еврокомиссии по энергетике говорит, что если бы мы сэкономили, то в 2020 году Россия могла бы продавать на 75% больше нынешнего объема газа, но это зависит не от открытия новых месторожде-

ний, а от того, что люди должны по-другому к этому относиться... Нам не хватает денег на разработку новых месторождений, но у нас есть способ решения — давайте включать свет в коридорах. Просто мы не привыкли. У нас столько богатства, и мы не привыкли экономить.

М. МАЙЕРС: Надо население перевоспитать. Вы согласны с этой точкой зрения?

С. КАРА-МУРЗА: Я согласен, что заставят экономить бедное большинство населения. И делают это для того, чтобы его вогнать в «цивилизацию трущоб». В сельском хозяйстве потребление электроэнергии на производственные цели снизилось в 4 раза — люди возвращаются в доэлектрическую эру. И этот европейский комиссар, и значительная часть нашего истеблишмента, приняли доктрину такого сокращения потребления продуктов культуры в России, что все большая и большая часть нашего общества выпадает из современного быта и из современного производства. Есть закон сохранения энергии — отобранная у нас энергия куда-то перетекает. Вот в Англии действует организация, которая подсчитывает потоки ресурсов по всем странам. Конкретно Великобритания исчерпала свои ресурсные возможности на этот год 16 апреля.

М. МАЙЕРС: Уже на весь год?

С. КАРА-МУРЗА: Да. А в 1981 году этот момент наступил 14 мая. Т.е. она на месяц сократила собственные возможности. Т.е. если бы вся земля, все человечество жило в обществе погребения, как в Великобритании, то нам потребовалось бы сейчас три земных шара, чтобы обеспечить себя ресурсами. Это невозможно. И поэтому «общество потребления» вынуждено разными способами снижать потребление энергоресурсов вне своей зоны. В частности сюда попала и Россия.

М. МАЙЕРС: Понятно, т.е. ограничивать не себя, а жителей трущоб. Леонид Маркович!

Л. ГРИГОРЬЕВ: Вот в переводе на мой язык это звучит следующим образом. Образ жизни развитых стран базируется на высоком энергопотреблении среднего класса. Бедный всегда бедный, богатый всегда — тех не накормишь, а у этих не отнимешь. Но сейчас тем же занялись не только в Японии, растет средний класс в Бразилии, в Китае, в Индии, и они перенимают. Видимо телевизор смотрят. Перенимают наши привычки, пересаживаются на машины, строят дороги. Поэтому возникает вопрос, откуда возьмется эта дополнительная энергия.

М. МАЙЕРС: Вот объясните, откуда она берется на данный момент?

Л. ГРИГОРЬЕВ: И в результате мы... и какие-то страны, они экспортеры. Экспортеры, значит, прежде всего, угля, нефти и газа. Они как бы передают часть свою. Так сказать, сложилось разделение труда. Мы это передаем не даром — за деньги, на которые покупаем «Мерседесы», а также другие полезные народу ...

М. МАЙЕРС: Да. Первая половина нашей беседы основывалась на том, что Вы сказали, что нефти все равно хватит, и никогда она не кончится... Вот где эта точка, когда начинается серьезная, большая проблема? Достигли мы ее или нет?

Л. ГРИГОРЬЕВ: Как глобальную проблему, мы ее достигли. Сейчас все согласились, что проблема есть, и что человечество не протянет так еще 100 лет. Что какие-то будут серьезные проблемы. Надо снижать..., там, бензин гнать из рапса. Германия собирается засадить рапсом... я не знаю. Сейчас возможен ренессанс атомной энергии. Ну, Финляндия строит. Ну, еще Китай, Индия, Иран... Американцы начинают новое строительство... Замена на ветряки. Как «зеленые» рассказывают, что сейчас поставим

ветряки везде, это тоже... Это дорого пока. И очень неудобно. И, кроме того, не везде можете поставить только, где ветер. И в третьих, они еще и птиц бьют. И, кроме того, пейзаж, прямо скажем, не рыцарский.

Т. САМСОНОВА: Леонид Маркович, нам пришло сообщение от Наталии из Москвы. Она пишет: «Нельзя врать так бессовестно. На селе потребление электроэнергии сокращается, потому что производство там нерентабельно. Люди бегут в город. А в городах энергия пожирается промышленностью за счет того, что у нас устаревшее нерентабельное производство...»

М. МАЙЕРС: Собственно, куда идет эта энергия? Куда она девается? На что она идет?

С. КАРА-МУРЗА: Давайте брать проблему в основном, а не в мелочах.

М. МАЙЕРС: Ну, давайте.

С. КАРА-МУРЗА: Несовершенная технология, да, другой технологии у нас нет. И что предлагает эта Наталия? Вообще остановить производство и половину населения выморить? Вот в декабре 2002 года наш ведущий теплоэнергетик Чистович сказал, что положение в стране такое, что для нас сейчас главное не *энергосбережение*, а *энергетическая безопасность*. Надо не допустить разрушения энергетического хозяйства страны. Вот в каком состоянии дело. Не обновляется энергетическое хозяйство.

М. МАЙЕРС: Ну, об этом Чубайс говорил и в эфире «Эхо Москвы». Это не секрет.

С. КАРА-МУРЗА: Что сделали, чтобы сократить потребление энергии в стране, и, кстати, чтобы разрушить саму систему хозяйства? Первым делом остановили, еще при Горбачеве, выполнение Энергетической программы. Она бы вывела нас на потребление энергии типа самых развитых стран. Именно при нем и было бы возможно

энергосбережение. А когда у Вас хозяйство в плохом состоянии, сбережения не может быть, Вы всегда *более расточительны*. Но далее проблема в том, что принята жесткая доктрина глобализации, которая делит человечество на две расы с совершенно разными правами. Человечество достигло той точки, в которой сильные должны уже отнимать у слабой части человечества самый ценный, самый необходимый для жизни ресурс — энергию. Как было сказано в докладе Римскому клубу еще в самом начале, смысл глобализации — устранить суверенитет народов над их ресурсами. Как сказано, «не допустить растаскивания энергоресурсов по национальным квартирам». Т.е. главный смысл того, что сделали с Россией, заключается в том, что сейчас в значительной степени подорван тот суверенитет, которым наше государство и народ обладали над ресурсами своей территории.

М. МАЙЕРС: Ну, давайте только не будем говорить «сделали», потому что дискуссия на тему, кто виноват, это как бы не в контексте нашей передачи немножко.

С. КАРА-МУРЗА: Виноват не виноват, а объективно сделали...

М. МАЙЕРС: Не будем искать виновных. Кто ее сделал сырьевым придатком, или она сама сделалась сырьевым придатком.

С. КАРА-МУРЗА: Не «она сама», а была у нас, как в каждой стране, *элита*. Ей создали такие потребности, которые могут быть удовлетворены только на Западе. Везде так вербуют.

Л. ГРИГОРЬЕВ: Ну, элита численно вещь маленькая. Она не обожрет.

С. КАРА-МУРЗА: А важна не масса элиты, важна власть.

Л. ГРИГОРЬЕВ: Мы можем ее не любить, мы можем не любить элиту сколько угодно, но численно она энергию сожрать не может. А сжирает все-таки средний класс.

С. КАРА-МУРЗА: Она ее перекачивает в другое русло.

М. МАЙЕРС: Она ее может продать.

Л. ГРИГОРЬЕВ: Она ее продает, естественно, во всем мире точно так же. А некоторые страны продают нам свои элитные бананы. Ну, чего с этим сделаешь. Вот торговый обмен мира, энергобогатые страны продают энергию, ну, чего сделаешь. Они что-то другое купят. Другие страны поумнее производят что-то такое руками. Продают в обмен на энергию. Мы не можем сейчас замкнуться, прекратить мировую торговлю энерготоварами.

М. МАЙЕРС: Не можем, совершенно верно... Какова основная энергетическая проблема? Все-таки, с какого конца начинать разбирать? Или у нас слишком маленькие тарифы? Или что?

Л. ГРИГОРЬЕВ: Ну, во-первых, на конец 80-х годов у нас было страшно неэффективная энергоемкая промышленность.

М. МАЙЕРС: Она формировалась на протяжении десятилетий, правильно? В послевоенное время.

Л. ГРИГОРЬЕВ: Да. Неэффективное энергоемкое потребление и у населения и везде, страшное. И страшно низкие цены на электроэнергию и на все виды энергии. Страшно занижены по сравнению с ценами мирового рынка, Европы и ... Поэтому, как только открылся рынок, естественно эти цены подскочили. Тем не менее, поскольку был тяжелейший кризис, тяжелейший 10-летний кризис, когда у нас ВВП упал на 40%, промышленное производство упало наполовину. И до сих пор не восстановилось.

М. МАЙЕРС: Это начало 90-х годов.

Л. ГРИГОРЬЕВ: Но до 2002, 2003 года кризис привел к тому, что электроэнергии был избыток. Т.е. мощностей хватало. И прозевали подъем 2004—2006 годов, просто

прозевали. Прозевали тот факт, что рано или поздно при экономическом подъеме исчерпается запас свободных мощностей. И мы врубались в ограничения... Там, где новое строительство, увеличение жилья... В торговых центрах, они действительно местами энергоемкие.

М. МАЙЕРС: Образовался дефицит?

Л. ГРИГОРЬЕВ: Повышение тарифов на самом деле в долгосрочном плане неизбежно, потому что, прежде всего, они не росли настолько... Они должны расти чуть быстрее инфляции, на самом деле растут примерно вровень. Очень трудно держать дешевую электроэнергию в стране, если тебе выгодно вывезти.

С. КАРА-МУРЗА: Я хочу добавить по экономике.

М. МАЙЕРС: Да, пожалуйста.

С. КАРА-МУРЗА: Есть такая дисциплина «экономика в энергетике». Там вводится понятие относительное потребление энергии. Потребление за вычетом тех необходимых затрат энергии, которые нужны в данном ландшафте — просто чтобы выжить. Т.е. согреться и преодолеть пространство. Так вот эти затраты на преодоление пространства и климата у нас в 4 раза больше, чем в Западной Европе. Понимаете разницу? Не на 10, не на 15%. У нас в 1994 году на душу населения было истрачено 7 тонн условного топлива. Из них относительное потребление, т.е. то, что можно было использовать в хозяйстве, за вычетом преодоления природных условий, всего 0,37 тонны. Если за счет этой доли выжать из нашего населения еще огромное количество энергии, это значит просто вогнать его в каменный век. Вы понимаете? Весь этот разговор, который здесь ведется, навеивает такие мысли...

Л. ГРИГОРЬЕВ: Ну, эти расчеты хотелось бы проверить.

С. КАРА-МУРЗА: Пожалуйста.

Л. ГРИГОРЬЕВ: Нет, понимаете, в Москве масса умельцев изобретать новые меры. Поэтому давайте будем осторожны. Известно точно, куда потрачена энергия. На душу, не на душу, на преодоление, не преодоление. Разные люди начали писать книги о том, что в США лучше жить, чем у нас, потому что там жарко. Потом, наконец, объяснили, что американцы тратят на охлаждение домов намного больше электроэнергии, чем мы на утепление.

С. КАРА-МУРЗА: Этого не может быть. Вы должны понимать сами, как энергетик.

Л. ГРИГОРЬЕВ: Нет, это точно так.

С. КАРА-МУРЗА: Вы подумайте сами: чтобы охладить комнату на 3 градуса, вы считаете, надо больше энергии, чем для того, чтобы нагреть на 40 градусов?

Л. ГРИГОРЬЕВ: Поживите 10 дней в Новом Орлеане, я на вас посмотрю, сколько у вас возьмет. Я платил в Вашингтоне.

С. КАРА-МУРЗА: Чтобы охладить комнату на градус, надо примерно столько же энергии, сколько для того, чтобы нагреть на градус. У нас приходится нагревать комнату от минус 20 до плюс 20 — на 40 градусов. Причем в течение 4 месяцев. А в Новом Орлеане в течение 3 месяцев надо охладить комнату на 5 градусов.

Л. ГРИГОРЬЕВ: В Новом Орлеане надо в течение 6 месяцев охладить от 35 до 20. И вдвое больше народу и гораздо большие помещения.

С. КАРА-МУРЗА: Несопоставимые вещи.

Л. ГРИГОРЬЕВ: Там же гораздо больше помещения. Мы-то сидим в каменных домах, а они-то сидят в деревянных коробках.

С. КАРА-МУРЗА: Если у них будет не хватать энергии, вполне переживут они...

Л. ГРИГОРЬЕВ: Это другой вопрос. Пушай будет им жарко.

С. КАРА-МУРЗА: Охладят не до 20, а до 25. А вот мороз пережить нельзя, понимаете.

М. МАЙЕРС: Совершенно верно.

С. КАРА-МУРЗА: Учтите, что 15 лет не перекладывали трубы теплосетей, они текут, что увеличивает расход энергии колоссально. А мы о лампочке.

Л. ГРИГОРЬЕВ: 15 лет мы без ремонта, конечно.

М. МАЙЕРС: Я прошу прощения. Я вернусь к сайту «Эхо Москвы». «На что Вы готовы пойти, чтобы снизить потребление энергии?» Давайте все-таки к людям обратимся. Вот, 44% не видят вообще причины это делать.

Т. САМСОНОВА: 5% затруднились ответить. Но остальные 50 все-таки проголосовали и разделились по двум мерам, которые мы с Машей предложили. Есть два варианта снижения потребления энергии. Платить больше, и эти деньги пойдут на внедрение энергосберегающих технологий. Вот я, например, лампочку купила. Она маленькая-маленькая. Потому что эта лампа трансформирует каким-то образом, совершенно недоступным, энергию, чтобы лампочка тратила меньше. Итак, готовы больше платить за энергию, если деньги пойдут на внедрение энергосберегающих технологий — 27% проголосовавших. А готовы существенно снизить свое потребление 24%.

М. МАЙЕРС: Вот можно я спрошу у профессиональных энергетиков, в общем, чего они, собственно, ждут от населения в данной ситуации, когда становится очевидно, что употребление энергии надо сокращать? И в теории и на практике.

Л. ГРИГОРЬЕВ: В теории ситуация достаточно понятная. Поставить счетчики, добиться стопроцентной оплаты. То есть, установить достаточно высокую цену. Люди

реагируют, но, повторяю, реагируют не совсем бедные, тем трудно, они просто перестают платить. Не реагируют и богатые. Им все равно, они не экономят. Сэкономить можно только на среднем, полуобеспеченном классе. Для кого каждая копейка — предмет счета. Ну, и желательно, конечно, менталитет.

М. МАЙЕРС: Грубо говоря, на мой вопрос, чего энергетики ждут от населения, пока ясного ответа нет. Не очень понятно, что с нашим населением делать.

Л. ГРИГОРЬЕВ: Немножечко ограничить потребление. Сильно не ограничишь.

Т. САМСОНОВА: А вот в Букингемском дворце снимают освещение самого дворца и всю подсветку. И королева предпринимает пиар-акцию и говорит, что вот я у себя... Это ерунда?

М. МАЙЕРС: Сергей Георгиевич. Ваш рецепт? Вот что делать с людьми, как с ними работать?

С. КАРА-МУРЗА: В таких делах нужна соизмеримость. Надо на весы бросить реальные условия. В Букингемском дворце выключили 10 лампочек. А у нас важнее то, что 15 лет почти не ведется разведочного бурения на нефть и газ.

М. МАЙЕРС: Вы имеете в виду разработку новых месторождений.

С. КАРА-МУРЗА: Да, добываем старые месторождения. Второе, частные компании снимают сливки с месторождений. Оставляют в земле две трети нефти. Мы резко сократили ресурсную базу для обеспечения собственных потребностей и резко увеличили вывоз энергоресурсов за границу. На том пайке, который остается России, существенно уменьшить потребление энергии населением невозможно. Оно и так доведено до минимума

М. МАЙЕРС: То есть, людей трогать не надо.

С. КАРА-МУРЗА: Если тронут, это и будет пиар. Две-три лампочки горит в избе. Вы думаете, что можно в этих избах еще несколько лампочек погасить?

М. МАЙЕРС: Ну, мы не думаем, я Вас просто спрашиваю.

С. КАРА-МУРЗА: Невозможно...

М. МАЙЕРС: То есть, людей трогать не нужно?

С. КАРА-МУРЗА: Население уморить? При том обращении с энергией, которое установили в РФ, население выжить не может в принципе. Нефть нужно пускать в собственное производство, тогда люди будут заняты и будут производить продукт для себя. На продаже нефти и газа за рубеж получается денег с гулькин нос. Да и немного у нас этой нефти и газа, в расчете на душу населения. Такое население, как в России, прокормить за счет этого экспорта невозможно. Вот главная проблема. А то, что сейчас пытаются устроить мизерное энергосбережение за счет лампочек, это отвлечение людей от сути проблемы.

М. МАЙЕРС: Леонид Маркович, можно я вас попрошу прокомментировать то, что сказал Сергей Кара-Мурза? Огносительно того, что людей-то трогать не надо, а нужно заниматься другими, более глобальными моментами.

Л. ГРИГОРЬЕВ: Он совершенно прав, что мы пожинаем плоды 15-летнего кризиса.

М. МАЙЕРС: То, о чем вы сказали. Не будем это повторять. Все это дело запущено. И в какой-то степени надо... не будем к этому возвращаться. Людей трогать не надо бедных. Если мы повышаем что-то, мы должны вернуть... Но я вас уверяю, что вы в любом доме найдете людей, у которых все заставлено приборами. Хотя сами приборы физически стали более экономны. Ведь советский утюг

брал электричества столько, электричку можно было на остановку перегнать. А нынешний — это же все-таки совсем другой прибор. Поэтому какая-то экономия есть.

Л. ГРИГОРЬЕВ: Города за 15 лет сменили холодильники, телевизоры, приборы. Мы, конечно, имеем эту экономику. Поставили стеклопакеты в значительной мере. Мой коллега прав, когда он защищает бедную часть населения, которая это не прошла. Но не о ней речь. Она потребляет немного.

С. КАРА-МУРЗА: Не о ней речь, а о соизмеримости факторов.

Л. ГРИГОРЬЕВ: Эта часть населения действительно потребляет очень мало... И постепенно какая-то умеренная экономия за счет тех, кто потребляет достаточно много и кто в состоянии за это платить. Масса возможностей экономии, масса возможностей. И в промышленности, и на транспорте, и у населения. Ну, под населением я имею в виду, конечно...

М. МАЙЕРС: Так кто нас все-таки заставит это делать?

Л. ГРИГОРЬЕВ: Заставят тарифы, конечно.

М. МАЙЕРС: Т.е. повышения цен нам не избежать.

Л. ГРИГОРЬЕВ: Постепенно, думаю, да.

Т. САМСОНОВА: В Америке и в Канаде провели опрос: «Готовы ли вы, чтобы на 50% увеличились цены на бензин?» 85% говорят: нет, да вы что, цены на бензин увеличивать. А если мы эти деньги потратим на борьбу с глобальным потеплением, готовы ли вы на 50% платить дороже за бензин? И тут уже готовы более половины американцев и канадцев.

Л. ГРИГОРЬЕВ: Потепление проявляется в увеличении засух и всяких штормов. В Южной Англии, говорят, 5 лет

не было дождя. Так что они уже поняли. В Америке куча землетрясений. Вот где мы это все чувствуем.

М. МАЙЕРС: Сергей?

С. КАРА-МУРЗА: Был семинар на тему о парниковом эффекте в Гарвардском университете. Я там был, рядом. И на дверях семинара висел плакат: «Помни, что один гражданин США производит такой же парниковый эффект, как 1450 жителей Индии». Вот где надо снижать потребление — у гражданина США. А не у Индии...

Т. САМСОНОВА: А у нас?

С. КАРА-МУРЗА: И не у нас.

М. МАЙЕРС: У нас остается одна минута. У меня последний вопрос. Леонид Маркович, нам ожидать отключений электроэнергии, или это страшилки?

Л. ГРИГОРЬЕВ: Нет, я думаю, они все-таки напугались за зиму. Я все-таки верю в здравый смысл управленцев и инженеров. Я больше верю в инженеров, чем в экономистов. Сам экономист. И думаю, что...

С. КАРА-МУРЗА: Главное — теплосети, а не экономия энергия при отоплении. Вот где слабое место. Экономия энергии — очень дорогая вещь.

Т. САМСОНОВА: Все-таки неправильно мы называли нашу передачу. Не тушите свет, а врубайте свет.

Л. ГРИГОРЬЕВ: Держитесь за трубу.

М. МАЙЕРС: Спасибо огромное. Это программа «Лукавая цифра». Леонид Григорьев, президент Института энергетики и финансов и Сергей Кара-Мурза, профессор, член Союза писателей России. Спасибо Вам огромное. Всего доброго.

Ноябрь 2006 г.

Вопрос: Программируют ли итоги сезона федеральных выборов 2007—2008 гг. вектор дальнейшего развития России или свой исторический выбор страна сделала в начале 1990-х и не существует вероятности, что она с этого пути свернет?

Ответ: Исторический выбор страна не сделала и даже в малой степени осознала его суть. Вряд ли она его осознает и сделает в связи с этими выборами в Госдуму и президента, если к этому не побудит ускоренное нарастание напряженности. К тому же выяснилось, что доктрина, принятая в начале 1990-х годов частью элиты (но вовсе не страной), не предполагает стране никакого пути. Она завела в тупик.

Вопрос: Имеет ли Россия (и ее народ) возможность выбора пути развития (политического и экономического), существует ли «идеологическое меню», представляющее более или менее широкий список альтернативных стратегий развития страны? Какие, на Ваш взгляд, политико-экономические концепции имеют перспективы быть успешно реализованными в России?

Ответ: В главном альтернативы сложились, их немного. Изложены они пока что плохо, язык для этого еще не созрел. Нужен достаточно широкий диалог представителей основных доктрин с доступом к нему массовой интеллигенции. Тогда возникнут версии «переводов», понятных для широких масс.

Вопрос: Какие угрозы сегодня существуют для России? Есть ли в настоящее время (и могут ли появиться в обозримой перспективе) предпосылки для территориального

распада страны? Могут ли в качестве такой угрозы рассматриваться миграционные процессы, в частности, активная политика Китая по «заселению» китайскими мигрантами регионов российского Дальнего Востока?

Ответ: Главная угроза в том, что не хватит времени для перехода общественного сознания на тот уровень, при котором оно будет способно осознать главные угрозы как систему. Миграционные процессы создают долгосрочные угрозы постепенного действия, но есть и срочные острые угрозы.

Вопрос: Существуют ли угрозы суверенитету России? Имеет ли Россия возможность проводить независимую политику на международной арене или ее самостоятельность в этом вопросе ограничена? Сохранит ли Россия контроль над своим ядерным арсеналом и при каких условиях он может перейти под международный контроль?

Ответ: Суверенитет РФ уже снижен до критического уровня. Проблема — не допустить срыва с этого уровня, а это очень вероятно. О независимой политике сейчас и речи нет. Сохранит ли РФ контроль над своим ядерным арсеналом — в этом и проблема срыва или удержания хотя бы на критическом уровне суверенитета. Ответа пока быть не может.

Вопрос: В каком направлении будет развиваться российская политическая система? Удастся ли построить эффективную партийную систему из уже существующих парламентских партий? Смогут ли ныне действующие партии, большинство которых создавались как политтехнологические проекты, «постфактум» выработать для себя идеологические основы и найти «своего» избирателя? Существуют ли предпосылки для усиления процессов вертикальной мобильности внутри политических и бизнес-элит? Станет ли (и должен ли стать?) российский политический класс более открытым?

Ответ: В нынешней тупиковой ситуации действующие партии свой ресурс выработали. Назревают изменения всей политической системы, а в ней и старые партии могут получить вторую жизнь. Социальные проблемы элиты в такой момент имеют второстепенное значение.

Вопрос: Должен ли быть сформулирован новый российский национальный проект? Является ли отсутствие четко сформулированной концепции национального проекта препятствием для эффективного развития страны? Какие положения, на Ваш взгляд, могли бы стать основой национального проекта?

Ответ: Национальные проекты формулируются не по обязанности, они «вырастают». Без проекта не развивается и даже не выживает никакое человеческое сообщество, тем более страна. Основой национального проекта является представление о благой жизни. Пока что известна «повестка» (перечень вопросов), но по поводу ответов и даже выбора направлений согласия нет. Выработке этого согласия или поиску компромиссов при его отсутствии можно способствовать, но вряд ли можно резко ускорить созревание ответов. Пока что, однако, этому в основном мешают, а не способствуют.

Июль 2006 г.

Раздел 1. Наша история

Армия — часть народа и часть народного хозяйства	5
Русский коммунизм	14
Уроки Февраля	23
Крах советского строя: предпосылки	31
Уроки XX съезда	36
Эпоха Брежнева	42
Уничтожение перспективы	52

Раздел 2. Россия и русские

Угроза для России: демонтаж народа	62
Кризис России и этничность: упорядочение понятия	68
Как нас собираются формировать	88
Православие и русский народ	97
Россия: взгляд с неба	106
Червь сепарагизма	116
Народ и праздники	121
Связность страны и народа	130
Агака на ценности и демонтаж народа	140
Раскол русских: богатые и бедные	148
«Непризнанные республики» — взгляд из России	156
Язык их — враг мой	164

Раздел 3. Курсом реформ

Сегодня — это еще не бедность	168
Малые города и национальный проект	175
Реформа школы: в чем суть выбора	183
Политическая культура России	186
Вправить вывихи, бережно	191
Какой бизнес нужен России?	201
Можем ли гордиться?	208

Раздел 4. Наше сознание

Потерянный разум	214
Угрозы для России: нужен ремонт обществоведения	219
Угрозы для России: нужен ремонт мировоззрения	224
Фермер и гордыня	229
Государственный чиновник. Кто создает образ врага? ...	235
Осторожно: экология	245
Берегись автомобиля	251

Раздел 5. Пути в будущее

Что дальше?	257
Образ будущего	263
Что виднеется в тумане по курсу?	272
Золотая моя Москва 2025 года	277
Окно в Европу? Нужен ремонт	282

Приложения	290
------------------	-----

Кара-Мурза Сергей Георгиевич

МАТРИЦА «РОССИЯ»

Редактор *О. В. Селин*. Художник *П. Ильин*.
Верстка *А.А. Кувшинников*. Корректор *Н.Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-0952

Оптовая торговля: Центр политической книги — 937-2822, 8-903-519-8541

«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673

«ТД АМАДЕОС» 513-5777, 513-5985

Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41
Сайт: <http://www.algorithm-kniga@mail.ru>
Электронная почта algorithm-kniga@mail.ru

Подписано в печать 04.05.2007. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Бумага тип. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 5000 экз. Зак. № 5712.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

**Сергей
КАРА-МУРЗА**

Сергей Георгиевич КАРА-МУРЗА —
видный российский политолог и философ.
Год рождения — 1939-й.

Основная тематика его работ —
проблемы современной мировой
экономики, взаимоотношения различных
экономических систем, философское
осмысление истории, методология науки
и системный анализ, влияние религии
и философии на экономические,
исторические и политические процессы.

МАТРИЦА «РОССИЯ»

После 1991 г. Россия, как говорят, переживает «системный» кризис. Но его глубина и продолжительность таковы, что надо говорить о «системной» катастрофе — за 90-е годы были подлилены основные устои российской цивилизации. Не все они рухнули, сейчас понемногу мы поворачиваем к их восстановлению и модернизации. Но ущерб мы понесли огромный, и возрождение потребует колоссальных усилий и средств.

ISBN 978-5-9265-0415-3

9 785926 504153